

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

М

СКАТЕЛЬ

1

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир ВОЗОВИКОВ — Река не может молчать	2
Сергей НАУМОВ — На расстоянии крика .	38
Игорь ЦЫБУЛЬСКИЙ — Преодоление . .	76
Мюррей ЛЕЙНСТЕР — ЭВМ «Джонни» . .	104
Роберт ШЕКЛИ — Руками не трогать! . .	122
Жан-Луи КЮРТИС — Идеи на продажу . .	140
Карл ГРУННЕРТ — Голова мистера Стайпа .	151

№ 103

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Владимир ВОЗОВИКОВ

РЕКА НЕ МОЖЕТ МОЛЧАТЬ

Повесть

На черном плесе реки гулко ударил сом, вскрикнула спростонья птица в прибрежном тростнике, и старый кабан, пробиравшийся к воде, замер на тропе, часто втягивая воздух узенькими кратерами ноздрей. Он слышал, как по сухой камышине пробежала мышь, как с тоненьким скрипом точили сладкий стебель куги острые зубы ондатры и редко шлепал по сырому илу бродяга лягушонок. Старого секача мало тревожили привычные звуки ночи, и все же маленькие глаза его сверкнули в темноте желтыми свечками, и мохнатые уши настроженно обратились в одну сторону.

Неизвестный зверь крался в темноте наперерез секачу, все отчетливее доносились его глуховатое урчание и тяжелый, уверенный ход. Хозяину прибрежных троп не понравилось чужое вторжение, и он злобно фыркнул, предупреждая непрошеного гостя. Но тот не убавил хода, не изменил пути, и тогда зверь, наклонив мощный клин головы, ринулся вперед... Внезапно пахнуло бензином, горьким железом и пугающим запахом че-

ловека. Черная туша отпрянула от близкой, угрюмой тени, ринулась в тальник, не разбирая дороги...

— Вот бурдюк пустой, чуть не врубил в скат, — ругнулся водитель машины рядовой Оганесов, напряженно смотревший в узкий, слабо светящийся экран прибора ночного видения.

— Кого это вы? — так же негромко спросил сидящий рядом офицер.

— Да кабана, товарищ старший лейтенант... Поддеть нас, кажется, собирался — видно, за чужого зверюгу машину принял.

Старший лейтенант Плотников недоверчиво покосился на солдата, прильнул к бронестеклу, пытаясь что-либо рассмотреть впереди. Узкий проход в темной, сплошной стене тростника выводил к широкой речной заводи, у недалекого берега вода тускло отсвечивала. Двигатель работал почти бесшумно, и Плотников слышал шелест мелкой осоки и сонное чмокание ила под широкими скатами бронированного вездехода.

— Значит, пара посторонних глаз нас все-таки видела? — спросил он.

— Кабан не выдаст, враг не съест, — пошутил водитель, по-прежнему не отрываясь от экрана.

— Будем надеяться.

С легким плеском вода расступилась под машиной, вездеход осел, качка и толчки пропали, на экране прибора ночного видения лежала ровная желтоватая гладь залива. Вездеход держался на плаву, едва касаясь скатами речного дна.

— Глуши, — приказал старший лейтенант водителю и, обернувшись к безмолвно сидевшим позади разведчикам, коротко бросил: — Маты на борт...

Неслышно откинулась броневая крышка люка, и разведчики один за другим выскользнули наружу. Толстые камышовые маты, снопы речной травы, клубки моха и водорослей были приготовлены с вечера и запрятаны у берега в тростниках. Оставалось накрыть ими выступающую над водой броню машины, замаскировать ствол пулемета под вывернутую с корнем старую ольху, и боевая машина превратится с виду в обычный плавучий островок, каких немало тащит река.

Осторожно выбравшись наружу, Плотников огляделся. Вода с черными омутами теней, в которых дрожали звезды, была неподвижной. Вторжение машины в ночную жизнь речных обитателей прошло незаметно. Поблизости кормился утиный выводок, слышались шорохи, писки, взмахи молодых крыльев, журчание процеживаемой в клювах воды. Кажется, глушь дикая, а между тем в трехстах метрах ниже по течению реку пересекала линия переднего края, где каждый квадратный метр водного зеркала, прибрежных зарослей и холмов просматривался в ночные прицелы. Высокая стена тростника хорошо укрывала погруженную в воду машину, и все же Плотников опасно пригнулся, устранившись на верхней броне. Двое разведчиков в водонепроницаемых костюмах осторожно подвели к борту плетеные «ковры», Плотников наклонился, ухватил ближний за край, помогая солдатам втащить его на борт. Позади, сопя, трудились еще двое. Чей-то сапог глухо стукнул о стальной корпус, и по воде прошел легкий гул.

— После учений — три наряда вне очереди, — зло прошептал командир отделения сержант Дегтярев, работавший за спиной Плотникова.

Никто не отозвался. Пока солдаты маскировали башенку под куст, Плотников ошупью нашел перископы, прорезал над ними отверстия, а чтобы стальные колпаки не слишком выдавались, превратил их в малоприметные зеленые кочки.

— У нас готово, товарищ старший лейтенант, — шепотом доложил сержант.

— Все в машину! — распорядился Плотников.

Верхнюю броню он покинул последним, осторожно задрав крышку люка, облепленную сверху густым, вязким илом.

Качнулась черно-желтая полоса воды на экране, медленно потекла навстречу. Глубина впитывала осторожные вздохи двигателя, на середине залива водитель заглушил его. Речное течение мягко понесло островок туда, где русло пересекала невидимая линия, разделяющая войска двух сторон. Ночные наблюдатели теперь уже видели его, но встревожит ли противника кусок плывуна с косо торчащей рогатиной ольхи — это станет известно лишь за передним краем. Впрочем, и своих островок мог насторожить — тайну его знали на берегу немногие...

Заглушая внутреннюю тревогу, Плотников негромко спросил сержанта:

— Так где прикажете отбывать три наряда вне очереди? На кухне или, быть может, полы продрать в казарме?

— Виноват, товарищ старший лейтенант, — смущенно пробормотал командир отделения разведчиков. — Не знал я, что вы стукнули.

— Чего уж там виноват! Виноват действительно был я. Однако и вы не безгрешны — права на три наряда у отделенного вроде бы нет. Один, уж так и быть, отстою — попрошусь на воскресенье дежурным по части, а три — шалишь: жаловаться буду. — И, улыбаясь в темноте, добавил: — Хорошо, что виновник-то знающий оказался. А попадись вам хотя бы вон Чехов — отработал бы небось все три безропотно. Так, Чехов?

— Не знаю, — смущенно отозвался один из разведчиков.

— Зря. Уставы положено знать. Ну и выполнять, разумеется.

Сержант Дегтярев, кряжистый, хмуроватый ворчун, беспокойно ерзал на сиденье. Ох этот старший лейтенант Плотников! Всякую промашку твою не замедлит вышутить. И необходимо вроде говорит — вот как сейчас, всячески власть сержантскую возышшая, но оттого особенно неловко. Лучше бы уж поругал откровенно — пусть даже при солдатах. Только ругаться Плотников, кажется, не умел. И разговора он больше не возобновлял — машина с разведчиками приближалась к «ничейной» полосе.

* * *

Даже великие реки перестали быть серьезным препятствием для воюющих армий. Но когда в бою наступает равновесие сил, обе стороны ищут естественные рубежи, способные хоть как-то обезопасить войска от внезапного удара. Вот почему реки и теперь довольно часто становятся той «ничейной» полосой, что разделяет противников. Так и произошло на учениях, когда «восточные» уже не могли больше наступать, а «западные» еще не имели сил перейти к серьезным контратакам — река легла между ними разделяющим рубежом. Лишь в одном месте, огибая широкую холмистую возвышенность, она круто уходила в расположение «западных» и, пробежав несколько километров голубой рокадой, возвращалась на линию переднего края. Почти вся широкая излучина ее оставалась в руках «западных», представляя собой великолепный плацдарм. Целый день «восточные» яростными атаками пытались очистить излучину, сбросить противника в реку, однако тот слишком хорошо понимал цену плацдарма и держался изо всех сил, готовя контрудар. Резервы «западных» скорым маршем шли к переднему краю, и становилось ясно, что к рассвету они совершат бросок через реку в тактической глубине своей обороны, чтобы с ходу вонзить ударные клинья в неустойчивые еще позиции «восточных», для которых жизненно важным было теперь знать: когда это может случиться?

Подразделение, где служил Плотников, действовало на стороне «восточных». И когда командир вернулся под вечер из штаба, его озабоченный вид сразу насторожил Плотникова.

— Нынче один хороший разведчик может стоить полка, во всяком случае усиленного батальона, — многозначительно заговорил капитан. — Приказано через час доложить план засылки в ближний тыл «западных» разведгруппы. Задача — установить время и место переправы танков. По сути, это время

начала наступления противника. Так-то вот, Алексей Петрович...

Плотников был новичком в разведподразделении. Четыре месяца назад он еще «командовал» комсомольской организацией отдельного батальона, а едва принял разведвзвод, новая забота свалилась. Ушел на повышение замполит, и капитан, помня о прежней должности Плотникова, сказал ему: «Придется вам, Алексей Петрович, взять пока на себя комиссарские обязанности — нового замполита нам скоро не обещают. За взвод ответственности с вас не снимаю, тем более что и заместитель у вас надежный, но политработу попрошу считать главным занятием...»

Словом, и командиром-то Алексей не успел себя почувствовать всерьез, однако капитан по всякому сложному делу приглашал его на совет. Правда, исполнителями боевых задач он чаще назначал других взводных командиров, и это немного задевало самолюбие Плотникова. Зато утешало внимание, с которым выслушивал капитан его советы, особенно если надо было выбрать подходящих людей. Он словно показывал Плотникову, что готов с ним делить на равных полноту ответственности за людей, за оценку их достоинств, и это казалось необычным. Потому что был ротный упрям, властолюбив и крут, возражения выслушивал с немалым трудом и не скрывал этого. Его недолюбливали, но самого капитана такое обстоятельство вроде ничуть не расстраивало. Оттого-то многих удивляло, что ротный ни разу не упрекнул Алексея за его врожденную мягкость, за комсомольскую привычку беседовать, советоваться, спорить с солдатами и сержантами с откровением и страстностью равного. Быть может, капитан заметил, что разведчикам нравились в старшем лейтенанте простота и доступность и ни один из них не позволял себе переступить границы воинской субординации в обращении с Плотниковым.

Что бы там ни было, а Плотников, похоже, устраивал ротного как политработник, и он заходил к начальству — просил утвердить старшего лейтенанта постоянным заместителем по политчасти. С самим Плотниковым пока никакой беседы на сей счет не было — ротный, возможно, полагал, что Алексей заранее согласен, поэтому считал нужным заручиться поддержкой начальства, прежде чем заводить разговоры. Но сам Алексей еще не мог разобраться, готов ли он к такой должности. Ее особенность он успел почувствовать не только на службе. Отвечать за людей, полюбить их и не обмануть их любви, не обмануть в самом малом — ну-ка найди более сложное занятие!

...То, что капитан теперь первым вызвал Плотникова, не удивило самого Алексея. Следовало выбрать подходящих для задания разведчиков, и капитан ждал совета. Плотников начал было перечислять вслух немногих «свободных» солдат и сержантов, но командир роты нетерпеливо перебил:

— Алексей Петрович! Кого послать — решим после. Главное — как послать?

Неожиданный вопрос смутил Алексея. Не мог капитан прибегнуть к его для ситуации полегче!

«Как послать?...» Попробуй сообрази, когда каждый метр близ

реки простреливается кинжальным огнем. Прибрежные тростники?.. Но не родился еще человек, способный двигаться в тростниках бесшумно.

Плотников, сидя над картой, ушел в созерцание голубой жилки и все больше понимал: другой дороги, кроме реки, в тыл противника не существует...

— А может, не группу, одного пошлем? — спросил он. — Однем как надо, замаскируем под вид кочки — и вплавь, вдоль берега...

Глаза капитана повеселели.

— Это уже мысль. О реке я сам думал. Значит, другого выхода у нас действительно нет. Только пошлем именно группу, на плавающей машине. Кочка, она скорее вызовет подозрения. Все, что малоприметно, сильнее настораживает — вы уж мне поверьте. Машину подzybучий плавун замаскируем — он тут не редкость...

По дороге в штаб учений капитан неожиданно сказал:

— Группу придется возглавить вам, Алексей Петрович.

Плотников сдержанно кивнул, понимая теперь смысл вопросов капитана. Опытный комроты знал: человек легче делает то, до чего он додумался сам. Но почему капитан выбрал теперь именно Плотникова? Конечно, на такое задание должен пойти офицер, но ведь был как раз не занят другой взводный командир, куда более опытный.

Алексей не знал, что несколько позже о том же спросит капитана старший начальник и в ответ на недоуменное «почему?» сухарь ротный ответит:

— Потому что Плотникова любят. На опасное дело легче идти с тем, кого любишь. У меня душа будет спокойнее, если пойдет он.

— А сумеет? Тут мало желания и любви. Опыт нужен. К тому же он у вас замполита замещает.

— Он разведчик, товарищ майор. Во всяком случае, должен им стать. Где же становиться, как не на учении?.. Между прочим, сколько я знаю, на войне политработники ходили в разведку, как и в атаку, первыми.

И начальник сдался...

* * *

Как бы отдыхая в илистом русле, тихо несла река черные воды. Плыли в глубин ее белые августовские звезды, плыли сонные рыбы, приткнувшись к травяным кустикам, плыли кочаны бурой, усыхающей пены. И, невидимые под водой, стальной броней и забросанными тиной камышовыми «коврами», плыли пятеро разведчиков навстречу неизвестности.

Час времени прошел в молчании. Люди сидели на своих местах словно гипсовые куклы, даже дыхания не было слышно. Этот час показался таким долгим, что терялось ощущение реальности окружающего. Казалось, ты просто задремал после

многотрудного дня в тылу своих войск. Было так тихо и темно, что разведчики видели, как светящаяся часовая стрелка на приборном щитке крадется к цифре 12.

Один Плотников не замечал времени, наблюдая за берегами и водной поверхностью в прибор ночного видения. В обычных перископах, низко сидящих над черной, глухой водой, стояла лишь непроглядная чернота.

Берега стали суше, прибрежные холмы — круче, тени от них сомкнулись, и река побежала черным коридором, убыстрив течение, словно и ей было неуютно, как одинокому путнику в ночном ущелье.

Час времени... Плотников отчетливо помнил цифру 5 на карте над юркой голубой стрелкой, — значит, уже пять километров пронесло их, хотя до переднего края по прямой гораздо ближе. Вот-вот будет вершина излучины, и тогда река понесет их обратно к своим — туда, где русло ее снова становится линией фронта. Островок с машиной медленно кружило на стрежне, угрюмые, пустынные откосы крутых берегов временами возникали в глубине экрана, их сменяла та же пустыня воды — ни лодки, ни вешки, ни всплеска.

Обостренное чутье подсказывало Плотникову: не здесь надо искать трассу танковой переправы, и все же сомнения вползали в душу.

В черных холмах взвыл мотор, ему отозвался другой и третий...

— Тягачи... артиллерийские, — тихо сказал сержант, и Плотников благодарно кивнул, хотя сержант в темноте не мог видеть его кивка. Алексей тоже подумал о тягачах, и то, что Дегтярев подтвердил его догадку, обрадовало Алексея, укрепило в нем уверенность. Тревога поубавилась. В упор направив на карту синий лучик карманного фонаря, он быстро нашел нужный квадрат, пометив его вопросом. А когда снова глянул в прибор, заметил сразу: холмы словно опали, река посветлела, расправилась вширь, и машину уже не кружило, она плыла боком, устремив из-под водорослей всевидящий глаз на берег, противоположный плацдарму...

Теперь замечались живые тени в прибрежных распадках, доносились звуки шагов и негромкие голоса; где-то что-то небрежно бросили на твердую землю, где-то звякнул металл; раза два мелькнули огоньки сигарет. Противник вел себя не столь осторожно, как на переднем крае. Впервые Плотников по-настоящему понял, сколько суровой, проверенной опытом мудрости в требованиях ночной маскировки, которые и ему порою казались излишне жесткими и формальными. Он сделал себе эту зарубку в памяти, желая после найти такие слова, что заставят его слушателей в час беседы мысленно войти в эту прифронтовую ночь тайными соглядатаями. И узнать немало лишь потому, что кто-то небрежно стукнул дверцей бронетранспортера, кто-то закурил вне укрытия, а кто-то, не умея сладить с раздражением, во весь голос распекает командира второй саперной за медлительность. Какой «слухач» не догадается: вторая саперная появилась у реки совсем не случайно!

Плотников удвоил внимание и все же уловил легкую возню за спиной, настроженный шепоток сержанта:

— Тушенку не забыл?

— Кажись, взял, — ответил неуверенно Чехов.

— Гляди у меня! А то вы от радости забываете, что в разведке тоже не святым духом питаются.

Чехов впервые шел на серьезное задание и, когда собирались, действительно выглядел счастливым. Вопрос Дегтярева был вполне основательным, если Чехову поручили продовольствие экипажа. О такой «мелочи» молодой солдат мог и позабыть.

Было слышно, как Чехов торопливо ощупывал вещмешки, зашуршали завязки.

— Ты че?..

— Кажись, не тот захватил... В том банки снизу... Это Молодцов попутал, когда собирались...

— Я те покажу Молодцова! — яростно прошептал сержант. — Ты куда собирался: в разведку или на блины к теще? Сыто стукнули банки, Чехов облегченно и громко задышал.

— Тута, товарищ сержант, я забыл, что завернул в плащ...

— Не сучи руками. И языком тоже. Ишь ты, «Молодцов попутал», — передразнил командир отделения. И грубоватым шепотом добавил: — Нечего зря хлопать глазами — сосни пока. Ночь, она длинная, надо будет — поднимем.

Плотников невольно улыбнулся, тоже почувствовав облегчение. У разведчиков с полудня крошки во рту не было, а на пустой желудок восвать нелегко. Правда, Плотников имел личный запас, но на пятерых здоровых, проголодавшихся ребят его бы не хватило.

На широком плесе стало еще светлее, и теперь уже четверо разведчиков не отрывались от приборов наблюдения...

Видно, так уж устроен человек: чем нетерпеливее он ждет, тем внезапно приходит то, чего ждет. Плотников и не заметил, в какой момент лодка возникла прямо перед ними, на середине реки. Совершенно отчетливая и уже близкая, она надвигалась низким бортом, и Алексей испугался: если лодка столкнется с замаскированной машиной, разоблачение разведчиков неминуемо. Двое сидели в лодке, наклонясь к воде, — было видно, как шевелятся их руки и расходятся по реке слабые круги. Но еще раньше, пожалуй, он заметил две темные цепочки, убегающие от лодки к берегу, — словно по фосфоресцирующему полотну начертили тушью два ряда вертикальных штришков. С лодки провешивали трассу, и, всего вероятнее, то была трасса для танков. Наверняка подводная...

На всем томительном пути во власти речной стихии Плотникову чудился хрипловатый от усталости и недосыпания голос командира роты: «Мостов не ищите. На таких реках, когда вся глубина плацдарма — километр, мостов не строят. Они едва развернутся после переправы — и уже на рубеже атаки. Нам нужны точные координаты трассы. От вас я другого не требую. Возможно, это будет подводная трасса. Как найдете — зацепитесь поблизости и не спускайте глаз. Сообщите о начале переправы и тогда можете считать, что впятером выиграли сражение». Потом, кольнув Плотникова испытующим взглядом, неожиданно спросил: «Вы изучали Макиавелли?» — «В училище, по программе...» Капитан хмыкнул: «Тогда напомним вам его

фразу, очень подходящую для нашего дела: хорошая позиция в бою часто важнее храбрости. Вы поняли меня?»

Плотников постарался понять...

Теперь последние слова командира мгновенно пронеслись в голове Плотникова, и он готов был отчаяться. Все сорвется, если машина налетит на лодку или на прочно вбитые в дно вешки. Нелепая случайность, каприз стихии, слепая прихоть обстоятельства — вот чего разведчик должен опасаться не меньше, чем противника. Вот что он должен уметь осиливать во всякую минуту.

Завести двигатель и обойти лодку, с которой еще не видят надвигающегося «плывуна»? Но такая «храбрость» по меньшей мере глупа — заметят. Выйти на связь и сообщить координаты трассы, если произойдет столкновение? Успеть можно, однако машину все равно «расстреляют», а трассу перенесут...

Плотников не успел до конца поверить в безвыходность ситуации, не успел и понять, зачем так резко повернул руль Оганесов, прикованный к перископу, как вдруг ощутил едва уловимую перемену в положении плывущей машины. Он ощутил ее по легкому смещению лодки — она сдвинулась, начала медленно уходить к затемненной границе экрана. Стрежневая струя усилила давление на развернутые поперек течения передние скаты, и этого оказалось достаточно, чтобы машина подставила борт отбойному течению, смещаясь на свободный от вешек плес.

Ай да Оганесов!

Люди в лодке насторожились, прекратив работу. Плотников отчетливо видел их лица, оба смотрели прямо в объектив, и возникло желание зажмуриться, словно мог встретиться с ними взглядом. Один поднял руку, из кулака его вырвался тоненький лучик, метнулся по воде, забегал по островку.

«Стекло!.. — похолодел Плотников. — Если луч попадет на стекло перископа, оно блеснет!..»

— Вы там сдурели? — раздался с берега резкий окрик. — А ну погасите!

Луч пропал, и молодой смущенный голос ответил из лодки:

— Плывет что-то, товарищ лейтенант.

— Не видите — кусок трясины! Если каждую кочку освещать станем, нас так осветят, что света невзвидим.

«Спасибо, лейтенант, — искренне поблагодарил Плотников. — Насчет света ты прав, но солдаты твои сегодня бдительнее тебя оказались...»

Саперы продолжали смотреть на проплывающий островок, они могли бы, пожалуй, достать его шестом, но, видимо, то был не первый на их памяти островок и малопримечательный. Лодка стала удаляться, солдаты в ней снова наклонились к бортам, занявшись работой, уже едва различимые у края светового пятна, — машину продолжало разворачивать. Плотников нагнулся к боковому перископу и следил за ними, пока не растворились во тьме. Облегченно вздохнув, он глянул на экран прибора и увидел близко высокую стену тростника у низкого берега.

Вот теперь уж точно пронесло...

Гул двигателей на берегу, там, откуда тянулась трасса, заставил Алексея насторожиться.

До сих пор Алексей опасался, как бы их не прибило к берегу или не затасило на мель — пришлось бы запускать двигатель. Теперь такая остановка была бы подарком судьбы, но рассчитывать на него не приходилось. Делая поворот, река снова ускоряла бег, островок стало уносить от прибрежных зарослей, а у противоположного берега его подхватит отбойное течение.

И вдруг гул машин!.. Судьба всегда щедра, надо только уметь пользоваться ее щедростью.

— Оганесов! Заводи!..

Солдат вздрогнул от невероятной команды, однако, привыкший к мгновенному повиновению, тотчас нажал стартер. Корпус машины мелко задрожал.

— К камышу! Малым ходом...

Плотников весь обратился в слух. Тягачи на берегу натужно выли моторами, видимо взбираясь на прибрежный увал, гул их далеко разносился по реке, и легкого шума разведмашини нельзя было различить... Гул тягачей уже замирал, когда почувствовался толчок. Оганесов выключил зажигание, и стало слышно, как журчит вода, обтекая броневой корпус и шевеля края плетеных «ковров». До камышей оставалось полтора десятка метров, вода около них слегка бугрилась, шла мелкими, медленными воронками, — значит, тут перепад глубин, и колеса машины случайно нашли мель.

Плотников подозвал сержанта.

— Как по-вашему, Дегтярев: в заросли заберемся или здесь? — Он поймал себя на мысли, что и теперь испытывает потребность обсудить с кем-нибудь всякое решение, которое надо принять. Сильна привычка комсомольского работника, да и замполитская «стажировка», видно, укрепила ее. Поможет она ему сегодня или повредит?

— Лучше здесь, товарищ старший лейтенант. — зашептал Дегтярев. — В тростники полезем — шума наделаем, да там и скорее засекут. А тут вроде пловун за корягу зацепился. То, что у всех на виду, меньше подозрений вызывает.

— Спасибо, — поблагодарил Алексей. — Готовьте-ка ужин, работка ждет тяжелая...

Приоткрыв люк, он осторожно высунулся из машины. Снаружи было светлее, чем под броней, и Плотников с удовольствием отметил: маскировка не повреждена, лишь край одного из «ковров» завернуло течением, и его требовалось поправить... Сыроватый воздух отдавал свежестью, пахло тиной, сырой рыбой и привядшей травой. Захотелось курить. Возле камышей булькнуло; Плотников тревожно скосил глаза на звук и, заметив след водяных «усов» от головы плывущего зверька, успокоился. Потом долго искал взглядом лодку с саперами, пока не различил ее затушеванный тьмою силуэт возле противоположного берега. Провешивание трассы заканчивалось.

Разведывательная машина стояла в самой вершине излучины, и насколько хватал глаз, река просматривалась в обе стороны. «Пожалуй, это та самая позиция, которая важнее храбрости», — не без удовольствия подумал Алексей. Он опустил вниз, плотно задрав люк, приказал зашторить перископы, кроме одного, к которому посадил наблюдателем Оганесова, зажег синий

свет. Разведчики кое-как устроились в десантном отделении вокруг сложенных пирамидкой вещмешков, поверх которых была постелена газета, а на ней — две испорченные банки с тушенкой, ложки, ломти черного хлеба, покрытые щедрыми пластами розового сала.

— Калорийный ужин, — улыбнулся Плотников. — Начинайте, я чуть позже.

Он извлек из планшета карту, нашел на ней излучину, помеченную значком место дозорной машины. Подняв голову, удивленно спросил:

— Вы чего на еду любуетесь? Начинайте же.

Однако никто из разведчиков не шевельнулся.

— Ну, хорошо, я сейчас...

Рассчитал и быстро нанес на карту место вероятной переправы танков, застегнул планшет.

— А теперь делай как я! — И первым взял хлеб.

Чехов зачерпнул из термоса кружку дымящегося черного чая, Дегтярев пододвинул ближе к старшему лейтенанту банку с тушенкой. Другую он поставил перед молчаливым, сонным на вид солдатом Молодцовым. Разведчики заулыбались, только Молодцов остался сонно-серьезным. Отхватив крепкими зубами изрядный кус хлеба с салом, он деловито забрал в широкую ладонь увесистую банку тушенки и погрузил в нее ложку на всю глубину «рабочей части». На чай, которым разведчики запивали жирный ужин, Молодцов кинул сонно-пренебрежительный взгляд: стоит ли, мол, добро разбавлять водой?

Был Молодцов высок, жилист и рыж. С длинного, веснушчатого лица его редко сходило выражение флегматичного добродушия, и такими же сонными казались маленькие, неопределенного цвета глаза. Слыл он великим молчуном, послушником и работягой. Избирая Молодцова неизменной мишенью для шуток, а то и злоупотребляя безотказностью парня, разведчики любили его и яростно защищали, если кто-то чужой пытался подтрунивать над ним. Да и было за что любить Молодцова. Он легко вымахивал двухметровой глубины окоп в каменистой земле и, невзирая на то, просили его или нет, брался помогать соседу, делая его работу с тем же отрешенным старанием, что и свою. В тяжелейших марш-бросках, когда молодые солдаты выбивались из сил, а прийти к финишу надо было всем взводом сразу, он на ходу отнимал у отставших вещмешки, скатки, под сумки и, весь обвешанный грузом, тащил под руку впереди строя кого-нибудь из запаленных «салажат».

Получал Молодцов полуторную норму котлового довольствия, а если ему перепадала двойная и тройная — он не отказывался, съедал сколько перед ним ставили. Разведчики часто вспоминали, как, возвращаясь однажды с полевого занятия, помогли колхозникам сметать сено, и те пригласили их на ближнюю бахчу. Дед-сторож прикатил от щедроты три ведерных арбуза. Двух хватило на весь взвод, а третьим завладел Молодцов и управился с ним еще до того, как исчезли два других. Дед беспокойно заерзал — не обкормил ли солдатика, — но сержант украдкой шепнул ему, указывая на загрустившего Молодцова: «Мало, дедушка...» У того кепчонка слезла на затылок, однако

вновь пошел на бахчу. Арбуз, видно, принести побоялся, нашел дыню-скороспелку с ПТУРС величиной, боязливо положил перед солдатом. И лишь когда от дыни остались одни корки, повеселевший Молодцов со вздохом произнес: «Вот и закусили маломало, теперь пожевать бы как следует, а?»

Плотников тоже украдкой улынулся, вспомнив эту историю, исподтишка посмотрел на солдата, который с тем же отрешенным видом доканчивал тушенку...

Считалась за Молодцовым одна странность. Не любил гимнастику и, как ни бились с ним, больше «удочки» не получал, хотя длинные руки его таили страшную силу. На занятиях по самбо никто не желал иметь Молодцова своим противником, а однажды на спор за десять банок сгущенки он переломил через колено черенок саперной лопаты, за что получил от старшины первый и единственный за всю службу выговор. А еще любил угощать. Часто получая из дома посылки, набитые лакомствами, он раздавал их без остатка и смертельно обижался, если кто-то отказывался брать последнее, зная, как самому Молодцову хочется отведать тех лакомств. Зато, когда хвалили угощение, весь светился, счастливым бывал, как ребенок от праздничного подарка, и, пожалуй, даже красивым...

Разведчики еще жевали бутерброды, а ложка Молодцова уже звякнула о дно банки, он заглянул в нее и, вздохнув, с сожалением отставил. Разведчики переглянулись, сержант незаметно положил перед Молодцовым лишний кусок хлеба со шпигом, но тот вроде и не заметил, старательно вытирая ложку.

— У меня в рюкзаке есть колбаса, так что запасы у нас изрядные, — сказал Плотников. — Хотите еще, Молодцов?

— Не, — впервые подал голос солдат, покачав головой. — С меня будет, спасибо. Я лучше Оганесова подменю, а то спать тынет, когда плотно наешься.

Чехов прыснул, Дегтярев тоже засмеялся, а Плотников подумал про себя: в сон Молодцова сегодня вряд ли потянет даже после двух таких банок...

После ужина рядовой Молодцов отправлялся к своим.

До появления танков на переправе разведчикам не следовало выходить в эфир по основной радиостанции — их сразу засекали бы, — а командир должен получить заранее координаты подводной трассы, чтобы подготовиться внезапный удар по ней в нужную минуту. Правда, разведчики прихватили с собой и портативную радиостанцию УКВ, засесть которую почти невозможно, однако надежды на нее мало. Она могла не достать до переднего края, если даже подняться с нею на самый высокий из прибрежных холмов. Прибегнуть к ней Плотников рассчитывал лишь в крайнем случае.

Автомат, трехцветная ракета, скатанный пластиковый мешок для переправы через реку да металлическая плотно закрытая кассета с донесением — вот все, что Молодцов брал с собой.

— Идите левым берегом, — напутствовал Алексей солдата. — Он безопаснее. Реку переплывете там, где она поворачивает на север. Запомните: на север! Тогда на другом берегу сразу попадете к нашим. Воспользуйтесь мешком, он маленький, а держит хорошо... Берегите кассету — это главное. Если задержат — выбросьте, утопите, но так, чтобы в чужие руки она не попала

ни при каких обстоятельствах. И сигнальте ракетой. Если вы не пройдете, нам должно быть известно.

Солдат слушал почти равнодушно, но Плотников знал: каждое слово он буквально впечатывает в свой мозг. Молодцову ничего не приходилось говорить дважды. Тронув солдата за локоть, Плотников с улыбкой добавил:

— Передайте там комсorghу нашему — пусть напишет в боевом листке, что на первом этапе разведки особенно отличились рядовые Оганесов и Молодцов. Только непременно слово в слово передайте — это приказ.

— Есть. — В голосе солдата отозвалась затаенная благодарность за такую вот веру в рядового Молодцова, когда заранее говорят, что не отличиться он просто не может.

Солдат неслышно вылез из люка, скользнул за борт, исчез в прибрежной тени. Плотников прислушался, но не уловил ни всплеска, ни шороха камышей, ни звука шагов на берегу. «Лихо пошел Молодцов — весь путь бы так...»

Плотников тогда еще не заметил своего промаха: забыл потребовать от Молодцова повторить приказ. А ведь и самый добросовестный солдат может не уловить чего-то в распоряжении командира...

Еще через четверть часа Плотников остался в машине вдвоем с Оганесовым. Он считал: нужно провести разведку на ближайшем берегу — могло ведь случиться и так, что им придется просидеть в своем «укрытии» не только ночь, но и день, а потому не хотел оставаться в неведении. Посылая сержанта, предложил ему взять с собой Чехова, и молодой солдат с такой поспешностью вскочил с сиденья, что стукнулся головой о верхнюю броню. Наверное, ему было больно, однако не издал ни звука.

— Бери автомат, — буркнул Дегтярев. — Да поаккуратней с ним — он не так прочен, как твоя голова.

Любил поворачать сержант Дегтярев. Как и многие ворчуны, был он добрейшим парнем и старательно скрывал истинную свою натуру. В положении командира это часто необходимо, — а то ведь иные злоупотребляют твоей добротой начнут, — вот почему Плотников извинял Дегтяреву его грубоватый тон...

По-прежнему пустынная река, и вряд ли переправа начнется глубокой ночью, но нельзя спускать глаз с воды. Чего не бывает на войне! Оганесов тоже у перископа сидит, следя, не вспыхнет ли в небе ракета — тревожный сигнал Молодцова. Не хочется думать об этом, а следить надо...

Тьма в перископе то словно редет, то сгущается: набегают с легким звоном черные волны, топят контуры прибрежных увалов и слабый блеск реки. Это в глазах темнеет от напряжения, надо тряхнуть головой — сразу схлынет черный туман и пропадет звон в ушах.

Становится ознобно — не то от бессонницы, не то от сырости — двигатель успел остыть. А все же сон подкрадывается, как опытный диверсант. Прогоняешь, а он подкрался с другой стороны: вспоминается, как чудо, как недосыгаемая мечта, жестковатая холостяцкая постель...

Где только не спал Плотников! В кузове грузовой машины на полном ходу. На днище грохочущего по бездорожью танка. Сладко дремлет на широкой танковой корме, если едешь де-

сантником! Особенно в холод и слякоть. Упрешься спиной в башню, положишь мокрые, оледенелые ноги на горячее жалюзи, из-под которого обдувает тебя жарким ветром, и так уютно, словно вернулся в детство, на деревенскую теплую печку, прижался к теплой трубе и слушаешь материнские сказки. Качает танк на ухабах, а тебе чудится — это злая буря качает коверсамолет, на котором летишь навстречу красивым и страшным чудесам...

Но слаще всего спится в жаркий день в поле или в лесу. Разбросишь руки во всю ширь, и трава растет меж пальцами, щекочет лицо и шею, бегают по горячему телу муравьи, а ты спишь, все слышишь и чувствуешь, как земля высасывает из тебя усталость. По первой команде вскакиваешь упругий и свежий, налитый силой.

Став офицером, Плотников уже не спал на маршах. И на привалах в последнее время спать тоже не приходится. Когда солдаты отдыхают, у политработника больше всего хлопот... Великое дело на войне уметь не спать, когда голова тяжелеет свинца...

— Оганесов, не дремлешь?

— Зачем спрашивать, товарищ старший лейтенант? — обиженно отозвался водитель. — Как можно спать, когда нельзя спать!

— Прости, Оганесов. Меня вот разморило, решил голос подать.

— Меня тоже маленько качает, товарищ старший лейтенант. Да вы не бойтесь, Оганесов привычный. Вы бы поспали.

Плотников улыбнулся и серьезно сказал:

— Нельзя, Оганесов. Нельзя нам спать...

Часовая стрелка подкралась к цифре 2, глухая тишина стоит над рекой, слышно лишь, как тихо бормочет вода за броней, и, кажется, бесконечно плывешь куда-то посреди спящего китового стада — черных прибрежных холмов.

— Оганесов, у тебя есть девушка?

— Как же, товарищ старший лейтенант! Скоро два года ждет, письма хорошие пишет. Отслужу — жениться буду. Приезжайте на свадьбу...

Тьма внезапно отпрянула от перископа, и еще до того, как Оганесов выпалил: «Ракета, товарищ старший лейтенант!» — Алексей резко крутанул прибор назад. Яркая звезда восходила по крутой дуге над самой рекой, километрах в двух от разведчиков. «Не та!» — облегченно подумал Плотников. Достигнув вершины дуги, звезда внезапно раскололась на три разноцветные искры... Та самая!..

* * *

...Соскользнув с брони в реку, Молодцов сразу почувствовал: вода теплее ночного воздуха. Так бывает в августе. Сначала Молодцов решил проплыть до края камышей, чтобы бесшумно выйти на берег, а там выжать одежду и темными прибрежными низинами отправиться в путь. Но чем дальше он плыл, тем меньше хотелось ему выбираться из воды. Только почему

он должен выбираться? Разве они не приплыли сюда по реке? Целый экипаж да еще с машиной! Конечно, замаскировались как следует, но ведь машина! А тут одна голова над поверхностью. Кочка, клок пены, чурка. Кто углядит в такой темени? И течение тут вон какое — в два раза скорее, чем посуху, до своих доберешься.

Молодцов осторожно достал из кармана пластмассовый мешочек, надул слегка, чтобы едва-едва удерживал над поверхностью. Все-таки в сапогах да с автоматом плыть трудно. Теперь помогал мешок, и стало легко, весело, даже радостно оттого, что вот он, сильный и хитрый, невидимый и неслышимый, плывет через тыл противника с важным донесением.

...Когда в темноте, недалеко от Молодцова, возник силуэт легкой плавающей машины, разведчик мало обеспокоился. Он уже проскочил незамеченным мимо плавающего танка и бронетранспортера и все время ждал новых подобных встреч. Лишь поглубже ушел в воду — по самую пилотку — и перестал грести, доверяясь быстрому стрежневому потоку. Вода все дальше уносила разведчика с курса машины, и чувство опасности начинало пропадать, когда амфибия, сильнее заурчав мотором, повернула на пловца. Маневр этот мог быть случайным, однако Молодцов насторожился. Машина, увеличив скорость, шла прямо на него. Он уже замечал белую линию бурунчика под ее широким, как у паррома, носом.

Положение еще не казалось Молодцову слишком опасным, и сдаваться он не собирался. Набрал полные легкие воздуха, погрузился в глубину, выпустив из рук мешок. Пилотку тоже унесло, но бережливый Молодцов о ней даже не подумал. Он был отличным ныряльщиком и больше минуты греб изо всех сил под водой в сторону берега, надеясь, что люди в машине видели только подозрительный предмет и погонятся за уплывающим мешком. Он уже задыхался и все же выныривал медленно, опасаясь всплеска. Вынырнул, как и рассчитывал, в тени крутого прибрежного увала, сразу перевернулся на спину, отдыхая и следя за амфибией. Теперь он поменялся местами со своими преследователями и видел машину отчетливо, в то время как люди в ней должны были видеть там, где он плыл, лишь черное отражение высокого берега. Машина с приглушенным двигателем тихо скользила носом вниз по течению, мешка он не различал — то ли просто незаметен, то ли его скрывал борт плавающего автомобиля. Молодцов с тревогой думал: что же решат его преследователи, выловив из воды индивидуальное «плавсредство»? Успокоятся или начнут искать хозяина мешка?

Внезапно нос машины начал описывать циркуляцию, нацелился на Молодцова, и снова под ним закипела белая полоска. Это казалось невероятным. Молодцов абсолютно был уверен, что из машины его сейчас нельзя разглядеть, и все же она шла безошибочно. Опять нырнул, опять, сколько мог, греб под водой и тихо-тихо всплыл, выставив из воды только лицо. Еще не перестав, различил машину выше по течению и гораздо ближе от себя, чем в первый раз. И снова она уверенно развернулась в его сторону, приближаясь малым ходом...

Он нырял еще раза три или четыре, но упорный преследователь

Рисунки Ю. МАКАРОВА

не отставал, после каждого всплытия Молодцова оказываясь все ближе и ближе. Исход борьбы уже не вызывал сомнений. Железное тело разведчика словно разокало в воде, становясь тяжелым и рыхлым, сердце, не знавшее прежде усталости, отчаянно билось, как запутавшаяся в сети рыба. Было что-то зловеще-жуткое в безмолвном, упорном и неотступном преследовании человека плавающей машиной среди непроглядной прибрежной тьмы. Молодцов до службы увлекался охотой, и теперь он знал, как чувствует себя загнанный зверь, по следу которого идет сильная, опытная, свирепая лайка.

В какой-то момент пришла мысль о близком берегу. Молодцов, уже не таясь, рванулся к нему, но тотчас услышал шорох шагов возле кромки воды, чью-то негромкую команду. И там его ждали.

А машина совсем близко, нос ее слегка отворачивает, чтобы не потопить человека, и две темные фигуры поднялись над низким бортом, готовясь подхватить пловца. Амфибия не бронирована, ее легко изрешетить автоматным огнем, но стрелять в воде без мешка стало невозможно. Да он и не имел права стрелять, не исполнив последнего долга.

Молодцов поспешно выдернул стальной цилиндр из нагрудного кармана и разжал пальцы... Теперь, когда донесение на дне реки, оставалось предупредить говарищей. Хлебнув воды, он кое-как вытащил из другого кармана ракетный патрон, крепко зажал его в кулаке и, поймав мокрый шнурок, дернул.

Сухой хлопок гулко ударил по воде, и шипящая белая трасса вертикально ушла вверх. Почти в то же мгновение с борта амфибии хлестнула автоматная очередь — там, наверное, боялись, что пловец сделает еще что-то, что обязан сделать...

Сильные руки подхватили Молодцова с двух сторон и довольно бесцеремонно втащили в машину, похожую на плоскодонную лодку.

— Вот так гагара, — произнес один с добродушной насмешкой.

Раздраженный, сухой голос ответил с переднего сиденья:

— Хотел бы я знать: что успела натворить эта «гагара» в нашем тылу?! Правьте к берегу, надо же переодеть этого диверсанта в сухое...

Отрешенный взгляд Молодцова случайно скользнул по передней части открытой кабины амфибии, и, различив в темноте змеиную головку прибора ночного видения, он наконец догадался, какую непростительную ошибку допускал с самого начала, безбоязненно пересекая дорогу плавающим машинам. Сгорбившись на деревянном сиденье, обхватил руками мокрую голову, и в простецкой этой голове ворочалась горькая мысль, что такой несообразительный человек, как рядовой Молодцов, не годится в разведчики и надо будет подавать рапорт о переводе в мотострелки...

Когда амфибия вплотную подошла к берегу, пойманный «диверсант» глубоко вздохнул и голосом идущего на казнь произнес:

— Ребята, у вас пожарть чего-нибудь не найдется, а?

В машине рассмеялись.

Плотникову не хотелось верить, что Молодцов не прошел. В голову закрадывалась успокоительная мыслишка: была чужая ракета. Мало ли их бросают на учениях? — а совпадение цветов — чистая случайность. Но он заставил себя признать: в нем говорит слабость, растерянность от первой неудачи, боязнь новой. Он стал злиться: «Страусовая душонка! Тебе слишком везло до сих пор. Все шло по писаному, и ты с легкостью решил, что по писаному пойдет до конца. Но так на войне не бывает... Ты впустил в свою голову посторонние мысли — пусть на минуту, — но отвлекся от разведки, потерял форму, и уже боишься признать случившееся... Командиру нужны не надежды твои и сомнения. Командиру нужны сведения о месте вероятной переправы танков.

Всегда остается что-то, что можно предпринять, — это здорово сказано! А предпринять надо попытку прямой радиосвязи по УКВ. Другого выхода нет.

Нужен сержант. А сержант вернется через полчаса... Разве командир не остерегал тебя от побочных действий? Ты послушался, решил взвалить на себя побольше, и вот что из этого выходит. И все от первого везенья. Теперь ты еще раз убедился: везет, пока не начнешь самовольничать...»

— Оганесов, налейте мне чаю да сосните немного. Ждать ракету теперь не надо. Теперь я угляжу один.

— Может, вы сначала, товарищ старший лейтенант?

— Никаких разговоров, Оганесов. Приказываю спать. Водителю необходимо спать хотя бы час в сутки.

Чай отдавал железом и чуть-чуть бензином. Зато был достаточно горяч и крепок. Предусмотрительный парень сержант Дегтярев...

Странно: в перископе чуть посветлело. Неужто заря? Не заметили с Оганесовым, как задремали? Обеспокоенно оглянулся. Стрелка на приборном щитке едва переползала цифру 2. Не доверяя часам, повел окуляром на восток — горизонт успокоительно темен. Кажется, свет с юга?.. Вот оно в чем дело: над черной грядой увалов — кривая ниточка света. Месяц народился: ниточка света по краю черного диска. Не эта ли черная луна чаклякала беду с Молодцовым? Какие же несчастья она сулит еще?

Суеверничаешь, замполит!...

Говорят, если показать новорожденному месяцу новенький рубль, до нового деньга будут водиться в кармане. Жаль, с собой только мятая пятерка...

Что за чепуха лезет в голову, когда положено думать о серьезных вещах!

У камышей громко плеснул ночной разбойник — сом. Закинуть бы в воду прямо из люка хорошую приманку на добром крючке! В такие ночи лучшее на земле место — у рыбацкого костра. Там можно и помечтать и вздремнуть, слушая мудрое журчание воды. До чего она убаюкивает! И душа болит, и ждешь не дождешься своих разведчиков, а все равно усыпляет как гипноз.

Заворочался Оганесов, заговорил во сне на родном языке.

Может быть, идет он сейчас улицей далекого армянского села и видит мать... Или ту девушку?.. Сельские ребята почему-то скучают по дому больше, чем городские.

А ночь вовсе не так черна, как кажется на первый взгляд. Она словно дышит, меняя оттенки: то густо-сиреневая, то фиолетовая, то как будто по черному прошлись вишнево-краской. Это значит: земля повернула к солнцу, и восход близится, хотя горизонт на востоке еще так же глух, как на юге или на западе...

...Река оставалась пустынной. Кривая ниточка света канула за увал, только черный диск луны стоял на гребне, словно грозное предзнаменование. Отчего, когда тебе тревожно, все чуть-чуть непохожее на себя обретает таинственную значимость? Может, потому, что невольно ищешь повсюду приметы близких и важных событий. Даже там, где этих примет не существует.

Но куда запропали разведчики? Не пора ли действовать, не ожидая сержанта?.. И радиостанцию машины пора включать на прием — могут быть вести.

Ничего не хотел он так, как услышать о доставке донесения Молодцовым. Свои сразу сообщат в эфир условным сигналом. Все-таки надежда оставалась.

На волне царило безмолвие... Значит, кому-то надо идти на опасный риск — передавать сведения о подводной трассе запасным путем — по маломощной УКВ. А для этого покинуть машину и отыскать сопку повыше. Потому что волны УКВ летят только по прямой, как лучи света...

Гулкая автоматная очередь рассыпалась в холмах, словно смех великана. Следом упала тишина, в которой заглохло даже журчание воды. «Померещилось, что ли?» Несколько автоматов ударило враз, грохнул взрыв, осветительная ракета взошла над близким холмом, озарив реку, ее откосы и прибрежные тростники. Заметались тени, тьма то далеко разлеталась, то мгновенно смыкалась и вновь разлеталась, отброшенная комком белого, мерцающего огня.

Стреляли в одном месте, и причина этой суматошной стрельбы сразу стала понятна Плотникову.

Ждать ему больше некого.

Если насковчившие на охрану разведчики и отобьются, они уйдут в степь, чтобы не привести к машине погоню...

Когда в холмах прогремел последний выстрел, Плотников тихо позвал:

— Оганесов!

— Я! — сразу отозвался солдат. Он, конечно, проснулся от первого выстрела, и ему было все так же понятно, как Плотникову.

— Теперь на связь пойдете вы.

— Есть... Я дойду, товарищ старший лейтенант.

— Верю. Тем более тут недалеко. Полкилометра на запад. Сопка эта хорошо видна даже ночью. Она самая высокая здесь. Поднимитесь на вершину, антенну радиостанции УКВ ориентируйте на восток: «Туча» уже ждет на связи, волна установлена. Только обязательно надо подняться выше, иначе не услышат.

— А я думал, товарищ старший лейтенант, к своим...

— Нет, Оганесов. Идти к своим и опасно теперь, и далековато. Не успеете. С высокой сопки УКВ должна достать... Затвердите текст наизусть. Передавать придется по памяти, донесение краткое.

Плотников написал в блокноте несколько цифр, вырвал листок и протянул водителю. Подождав, потребовал:

— Повторите наизусть.

Когда солдат повторил, Плотников добавил:

— Листок не выбрасывайте. Оберните им взрывпакет, чтобы в случае чего... Фонарик взять разрешаю, но свет зажигать в самом крайнем случае, если уж забудете. Постарайтесь не забыть.

— Не забуду, товарищ старший лейтенант, у меня...

Оганесов умолк, не договорив, и Плотников тоже обратился в слух. И слабый шелест камыша, и всплеск воды, непохожий на плеск ночных рыб, вызвали в душе острую радость, смешанную с тревогой. Да, была и тревога, но радость все же сильнее. Шел кто-то, кто знал о машине, — это Плотников почувствовал сразу. В своем тылу крадучись не ходят, значит, Дегтярев с Чеховым. «Живы!» Плотников поймал себя именно на этой мысли — «живы!» — хотя на учениях люди гибнут лишь условно.

До чего же наивны люди, утверждающие, будто на войне все будет не так, что там-де и начнется главная боевая подготовка. Ведь если следовать их логике, можно вообще отменить всякие учения. Но разве история тысячу раз не доказывала, как легко и быстро расправляется противник с армией, не обученной до войны, не получившей достаточного представления о ней на таких вот учениях и маневрах. А чтобы представления эти не оказались ложными, чтобы учение дохнуло на солдат жестокой, знобящей реальностью войны, зависит только от командиров. И в высоких штабах, и в каждом экипаже. Эту старую истину, как внезапное откровение, заново прочувствовал в ту минуту Алексей Плотников.

Дав знак Оганесову быть настороже, взял автомат, осторожно приоткрыл люк. От камышей по грудь в воде медленно шел человек. Он уверенно положил руки на замаскированный борт машины, вполз на него, приподнялся. Чехов... Слышно было, как вода стекает с его герметичного костюма.

— В машину, — прошептал Плотников. — Здесь разденетесь.

Тяжело дыша, солдат пролез в люк, почти упав на сиденье, привалясь к броне.

— Где сержант?

— Там... Взяли, наверное...

— Как?..

— Шли обратно. Нас кто-то окликнул, пароль требовал. Я побежал...

— Командира оставил, сам побежал? — вскинулся Оганесов. — Боялся, что бока могут намять?

— Ниче я не боялся, — обиженно задышал молодой солдат. — Я отвлечь хотел, думал, за мной погонятся...

— Что они дураки — за зайцами бегать! «Думал!» Когда бежал, не думал, потом думать стал. Поздно думаешь.

— Спокойно, Оганесов, — остановил Плотников. — Не надо раздеваться, Чехов, вам предстоит обратная дорога...

Возможно, молодой солдат действительно растерялся, услышав в темноте требование пароля, и не нашел ничего лучше, как броситься без команды наутек, да еще прямо к машине. Ведь это ж просто счастьем будет, если за ним не проследили. И однако же Плотников сейчас должен довериться ему снова. Именно Чехов пойдет теперь на связь с «Тучей» — водителя послать можно лишь в крайних обстоятельствах. И чем больше доверие почувствует к себе Чехов, тем лучше он справится с задачей.

Ну а если за Чеховым все-таки проследили и вот-вот накроют экипаж? Ну что же, на учении и горький урок дорог. Дольше запомнится. Разбор еще будет, а сейчас надо действовать — учиться воевать, пока ошибки твои остаются зарубками в памяти, а не на теле.

— Докладывайте, Чехов, что вы там обнаружили с сержантом?

Чехов рассказывал сбивчиво, все еще волнуясь, приходилось переспрашивать, уточнять, проверять наводящими вопросами, но в конце концов Плотников понял: радиосводку надо дополнить. Артиллерийский дивизион на позициях, неизвестный штаб, узел связи, колонна машин с боеприпасами и горючим довольно серьезные объекты. Сведения о них держать при себе было бы преступлением. Взяв у Оганесова взрывпакет, обернутый бумажкой с донесением, Плотников приписал несколько малозначащих на первый взгляд слов и цифр. Потом протянул Чехову.

— Прочтите, все ли вам понятно? Пойдете на связь.

— Но ведь я должен.. — обиженно отозвался Оганесов.

— Теперь уж не должен, — сухо прервал офицер и добавил мягче: — Вы нужнее здесь. У нас главная работа впереди. Лучше налейте-ка Чехову чаю, пока я его инструктирую...

Через десять минут Чехов снова уходил

— Я выполню, товарищ старший лейтенант, — напряженным голосом заверил он офицера.

«Молодцов тоже так говорил, — подумал Плотников. — А Молодцов не первый день в разведчиках».

Однако ничем не выдал сомнений, крепко пожал руку парня и напомнил еще раз:

— Будьте осторожны со светом. Синий, он тоже далеко виден.

— Я помню донесение наизусть...

— Нет, Чехов. Передавайте с бумаги. Лучше ничего не передать, чем ввести своих в заблуждение. И вот что еще: к машине вам лучше не возвращаться. Мы и без того достаточно рисковали. Ну, ни пуха вам...

Снова минуты как вечность, и в долгом ожидании теряется реальность времени, и внезапно почудится далекая автоматная очередь, отчего весь вскинешься. Наверное, правда, что тишина нигде так не ощутима, как на войне.

В темноте зашелестела сигаретная пачка, прозвучал вздох. Плотников слотнул слюну — курить захотелось смертельно. Оганесову, видно, не легче.

— Курите, — разрешил Плотников. — Только осторожно.

— А вы?

— Я после разведки.

Снова легкий шорох, глубокий вздох. Ни щелчка зажигалки, ни запаха дыма. Плотников усмехнулся и забыл о табаке.

...Далекий голос в наушниках показался галлюцинацией — с такой надеждой и тревогой ждал его Плотников, что было страшно поверить в удачу. Но голос был настоящий:

— «Волна», я — «Туча»... Прошел дождь, ожидается град. Повторяю... — «Туча» подтверждала получение разведанных.

Чехов!.. Зеленый мальчишка, разведчик без году неделя, он сумел-таки пройти незамеченным сквозь секреты и посты охранения, подняться на высокую сопку и по маломощной радиостанции УКВ связаться с «Тучей», передать сведения! Или в разведке, в общем-то, все просто, и успех или срыв зависит от случайности, от простого везения, как во многих рискованных делах?..

«Стой! — сказал он себе. — Стой! Ты слишком самонадеян, Плотников, если так легко судишь о деле. Разве ты не потерял уже двух лучших разведчиков? Дело тут не в твоём личном доверии к Чехову. Использовал шанс — установленный на всякий случай канал радиосвязи по УКВ — вот что важно. Какой-то шанс должен был принести успех.

Однако же зря, по существу, запретил Чехову возвращаться.

Уж не потому ли сожалешь, что захотелось наговорить ему хороших слов? Никак не можешь без слов...»

И признался себе, до чего мало надеялся на молодого солдата, да и на ультракоротковолновую радиостанцию. Почти убежден был, что придется выходить на связь самому, по штатной радиостанции, которую наверняка засекали бы.

Повезло. Но если тебе везет, будь готов к невезению...

Тусклый блик на речном плесе чуть-чуть разросся, рядом возник другой, — казалось, сама вода, уставшая от темноты, рождает свет. Плотников слегка повернул окуляр — на востоке, за линией переднего края, горизонт словно подтаял; нижняя кромка его стала пепельной.

Если «западные» собираются ударить из темноты, пора начинать. На рассвете удобно наступать. Среди холмистых пространств, с темными еще, туманными распадками машины слабо заметны, они похожи на расползающиеся ночные тени, и в них трудно стрелять. А в танки стрелять надо точно.

Глазам уж больно, но они смотрят и, чудится, различают цепь вшек на плесе, хотя ты и знаешь — это пока иллюзия. Почему же так тихо? Или «западные» вовсе не собираются наступать, и утро придет спокойное, ясное — по-августовски мирное утро в мирной степи, где нет никаких танков, пушек, ракет, бронетранспортеров и тягачей — они уползли под покровом ночи в далекие городки с высокими каменными заборами и мирно толпятся у моск, поджидая очереди? Лишь ты со своим экипажем, случайно забытый старшими командирами, торчишь в этой реке.

Словно сама сгущенная тишина разразилась взрывом, от которого нервно дрогнул корпус машины и по всему плесу вскинулись испуганные рыбы. Эхо первого удара заглохло в грохоте, одновременно возникшем по всему берегу. — казалось, кто-то начал колотить огромной, жесткой подушкой по холмам,

по воде, по близкому камышу, и даже внутри машины воздух стал тугой, давящей и вязкий.

Плотников не мог видеть происходящего за прибрежными увалами, и потому казалось — опять же сам воздух рождает огненные сполохи, бегающие по небу. Внезапно они утонули в длинных, жутких огнях, разваливших небо на части, и оно стало рушиться с оглушающим рыком, свистом и скрежетом, и хотелось прикрыть голову руками, потому что броневая сталь машины должна была сейчас провалиться... И представилась сатанинская пляска огня в ближних распадках и на боках увалов. черно-седые космы летящего суглинки, жестокий каменный град, сыплющийся из разрастающихся туч земли и дыма, — как будто случился катаклизм, и на месте осевших от древности холмов поднимаются молодые, грозные горы.

«Туча» разразилась грозой, пытаясь смести штабы и узлы связи «западных», разрушить позиции артиллерии, расстроить и растрепать изготовившиеся к броске колонны, разметать тылы, взорвать артерии, которые станут питать наступление противника. Значит, оно все-таки готовится, и «Туча» стремится если не сорвать его, то хотя бы ослабить силу удара, отсрочить его до дневного света, когда сражаться в обороне много легче. Насколько ей это удастся — зависит от точности разведанных, в том числе и переданных Чеховым. Огневые посредники учтут каждую цифру. Противника, одетого в броню, маневренного, вооруженного не хуже тебя, одним испугом не возьмешь. Он и сам поугаты любит — вон как на востоке, за холмами плацдарма, полыхает небо. Там с не меньшей силой бушует ответный огонь, и под гром этой дьявольской дуэли они вот-вот двинутся...

Еще и не подумав об этом, Плотников уловил перемены на берегу. Казалось, холмы зашевелились. В ста метрах от излучины, вспенив воду, в реку тяжело вошел плавающий бронетранспортер, набитый пехотой. Следом — другой, третий...

— Товарищ старший лейтенант, и у меня пошли, — громко перекрывая гул канонады, доложил Оганесов.

Действительно, ниже излучины переправлялись боевые машины пехоты — их силуэты легко различались в темноте.

«Пусть плывут. Эти нашим не страшны. Да они и не сунутся в атаку раньше танков...»

Танки. Их никак нельзя проглядеть. На безлесных, пологих холмах плацдарма танковую атаку в утренних сумерках никакой силой не остановишь. Но где же танки?..

«Туча» предупредила: их надо особенно ждать с началом огня. Вдруг они сейчас переправляются?.. Не здесь?..

Опять стало сыро и холодно, чувство тревоги глушило и отодвигало грохот ракетно-артиллерийского огня, хотя сила его продолжала расти.

«Нет, — говорил он себе, — нет! Лучшей позиции ты не мог бы выбрать. Именно здесь, где берега положе, а река мельче, следовало искать танковую переправу. И трасса...»

В зоне трассы по-прежнему было спокойно, лишь какая-то вертикальная мачта, едва различимая над низким берегом, медленно двигалась к воде. То ли саперы, то ли связисты ладили там что-то, и похоже было — никаких танков не ожидается.

Машинально, краем глаза следя за мачтой, Плотников немножко удивился — отчего движение ее не прекратилось у кромки воды? Посмотрел ниже. На тусклом зеркале реки отчетливо проглянул массивный силуэт башни, полупогруженный в воду корпус машины, длинный орудийный ствол и даже утолщение эжектора на нем.

В воду шел танк, и «мачта» была его воздухопитающей трубой.

Плотников прикрыл глаза — чего не померещится, если ждешь тревожно и долго!..

Снова открыв глаза, он различил только башню и орудийный ствол да еще темный бурун воды над скрывшейся кромкой танка.

«Значит, не померещилось», — подумал как-то уж очень спокойно и ощутил, что ребристая тангента переключателя радиостанции остро щекочет палец. Однако не шевельнулся, продолжая внимательно следить за трассой. На радиоволне, которую отвела ему «Туча», по-прежнему царила тишина, хотя на других волнах теперь бушевала буря. Но попробуй заговори!..

Блеск недалекого разрыва на миг осветил взбурившуюся поверхность реки у противоположного берега и белые потоки воды, скатывающейся с башни идущего к берегу танка, — Плотников ждал. Второй танк уверенно шел в воду, вот уже едва приметный буруничик от воздухопитающей трубы пересекает стрежень, а от прибрежной тьмы отделилась третья черная глыба... Теперь пора.

— «Туча!» Я — «Волна!» Нужен град! Нужен хороший град! — повторил Плотников, позабыв, что за каждое лишнее слово в эфир он может дорого заплатить. Не мог удержаться от чувств теперь, когда произнесены самые важные слова, когда «Туча» их услышала. Даже в последние мгновения, когда появились танки, когда сделано было почти все, он боялся поверить в удачу, боялся чего-то, что помешает радиосвязи.

«Туча» отозвалась через полминуты. Не голосом радиста, а высоким, сверкающим столбом на середине реки. Посредники по имитации, видно, не дремали, пока наводилась переправа, и по первому сигналу, что трасса пристреляна, начали свою дьявольскую работу. Два разрыва грохнули враз — на самом откосе и в воде, — и пламя первого расцветило вскипевшую воду резкими красками праздничного фейерверка. Фонтан опал уже в темноте, косматый, седой, как дым, а рядом росли другие. Тускло-зеленые вспышки били из глубины реки вдоль всей трассы, — казалось, с речного дна стреляет целая батарея и орудийные стволы вместе с огнем и дымом выбрасывают в небо клокочущую воду...

Третий танк в реку не пошел. В аду, где смешались вода и пламя, непрочная воздухопитающая труба была бы снесена. Недовольно поворочавшись на берегу, танк попятился, слился с темнотой...

Ноги Плотникова отбивали веселую, нервную четку на резиновом коврике днища. Переправа сорвана, во всяком случае, она задерживается, — и это сделал один экипаж, его экипаж... Еще полчаса, хотя бы полчаса подержать их у реки! Тогда они не успеют до рассвета к переднему краю. В воздух поднимется

штурмовая авиация, и если она застанет танки хотя бы в предбоевых порядках, у пилотов будет горячая работенка...

Но какого черта «Туча» молотит пустую воду? Снаряды еще пригодятся.

— «Туча»! Я — «Волна»! Град побил цветочки. Град побил цветочки...

Лес водяных столбов поредел, лишь там и тут продолжали вырастать отдельные черно-белые всплески — посредники обозначали теперь редкий методический огонь по переправе. И Плотников сразу понял: дело далеко не кончено, а связь между двумя его выходами в эфир и огневым налетом на танковую переправу столь очевидна, что догадаться о ней может и малоискушенный слухач. Если он, конечно, существует и находится неподалеку.

Однако другая тревога тут же вытеснила беспокойство о собственной безопасности. Танки... Не может быть, чтобы противник отказался от переправы их на плацдарм. Но куда же они ушли?..

Канонада поутихла — запасы имитации у посредника не безграничны, экономят, хотя в реальном бою теперь настал бы самый ад крошечный, где уж — ни неба, ни земли. И теперь-то ясно было бы, кто берет верх в огневой дуэли, кому скоро придется замолкнуть. А вдруг верх берут «западные», и батареи, стреляющие по плацдарму, смолкают одна за другой, потому что выводятся из строя? Или «Туча» желает сберечь до решающей минуты то, что от них осталось?..

До чего же медленны рассветы в августе! В июле совсем другое — в июле теперь уже рассвело бы...

Танки, где танки? Не пуститься ли вплавь по реке, сбросив маскировку? По воде то и дело снуют машины, можно сойти за одну из них...

Слабый гул мотора возник на берегу совсем близко и тут же пропал. Еще грохали взрывы на плесе, а Плотников с удивительной отчетливостью слышал происходящее за стеной камыша. И щелчок открывшейся броневой дверцы, и топот спрыгивающих на землю солдат, и клацанье автоматных затворов.

— Интервал три метра! — раздался звонкий юношеский голос. — Прочесать камыш до конца. Вперед!

Зашелестело, тяжело захлопало, кто-то сердито выругался:

— Фу, черт! Напугала!

— Кто?

— Выпь. Как она тут усидела под такую музыку?

— А куда ей деваться? Кругом музыка...

Ладони Плотникова заемели на рукоятках крупнокалиберного. Мгновенный поворот башенки, и свинцовый ливень скосит камыш вместе с людьми. Изрешетить бронетранспортер на таком расстоянии ничего не стоит, если, конечно, кто-нибудь не успеет быстро и точно бросить гранату: до камыша всего пятнадцать метров.

Оганесов пригнулся к рулю, рука — на зажигании, нога на педали стартера. После первого выстрела — бросок на берег, уйти в холмы, затеряться в суматохе движения...

— След, товарищ сержант!

— А ну, что за след?

«Черт, как громко стучит сердце! И до чего тонка броня машины!»

— Видите, ведет к воде.

— Или из воды?..

«Это наши помяли, когда уходили в поиск. Ах вы, горе-разведчики!»...

— Да, похоже, из воды.

— А там что темнеет, на реке?

— Какая-то коряга. А за нее... вроде тина нацеплялась?

— Вроде? Поточнее нельзя?

— Точно — тина и коряга. Да разве он будет тут сидеть? Сделал черное дело и смылся поскорее на тот берег. Кажется...

— Прекратите разговоры! Ефрейтор Ломиворога, разденьтесь и сплавляйте к этой самой коряге. Да прощупайте как следует, чтоб ничего не казалось.

— Есть! — отозвался добродушный, густой басок...

«Ах ты, сержант, сержант! Молодой, да осмотрительный. Попали мы в лапы твои, и уж никакая судьба нас теперь не выручит. Придется нам, видно, подраться с тобой, а драться в чужом тылу — последнее дело...»

* * *

С высокой сопки рядовой Чехов спускался почти бегом. Туда он полз ужом, обливаясь потом от нечеловеческих усилий и острых переживаний. Мерещились приглушенные голоса, шорохи, человеческие фигуры, на каждом шагу ждал засады и вздрагивал от прикосновения шершавых стеблей травы. Добравшись до середины склона и немного успокоясь, попробовал вызвать «Тучу», но она молчала. Чехов понял: придется ползти до самой вершины. Наверное, у него не хватило бы сил на этот подвиг, — крутизна все время росла, — но на всем пути его сопровождали глаза старшего лейтенанта. Строгие и доверяющие, глаза эти словно подталкивали солдата вперед. Еще в машине Чехов сообразил: далеко не всякий начальник на месте Плотникова поручил бы ему важное задание, особенно после того, как рядовой Чехов глупо убежал, оставив сержанта Дегтярева, да еще мог привести к машине «хвост». Сержант Дегтярев вел поиск так, словно они действительно находились во вражеском стане, нервы Чехова были натянуты, и когда в десяти шагах лязгнул затвор и грозный голос потребовал назвать пароль, Чехов даже оробел. Конечно, не от страха он побежал, а от недомыслия. Пароля не знали, затевать бой в их положении — несерьезно, — вроде только и оставалось улизнуть. Вначале Чехов даже удивился, почему сержант отстал. Теперь то знает почему. Дегтярев нарочно не стал уходить от охраны. Уйти они оба — во всей округе поднялась бы тревога, а это могло повредить разведгруппе. Сержанта задержали и успокоились.

Только остаться там следовало не сержанту Дегтяреву, а рядовому Чехову. Ведь Дегтярев стоит десяти Чеховых, и он нужнее старшему лейтенанту.

Словом, удрал без приказа, заставив командира жертвовать

собой, — как тут не мучиться! И как же было рядовому Чехову теперь остановиться на середине трудного пути даже при всей убежденности: уж на вершине-то сопки ему непременно уготована засада.

Вершина оказалась пустой и голой. Забыв оглядеться, солдат торопливо включил радиостанцию. «Туча» отозвалась на первый запрос...

Он спускался вниз, словно на крыльях, уже не боясь никого и ничего. Хотелось бежать к машине, обрадовать командира докладом, прочесть в глазах его одобрение.

Чехов еще думал о том, что когда-нибудь придет домой в краткосрочный отпуск и, сидя на своем любимом месте за домашним столом при полном параде знаков на груди, расскажет впечатлительной, всего боящейся маме про эту суровую ночь в тылу противника. И про то, как ее сынок Виталька Чехов, которого она, конечно, все еще считает ребенком, был послан на задание с важнейшим донесением, обернутым вокруг боевой гранаты. И как призраком проскользнул мимо бесчисленных постов и засад, одолел в сплошной темноте огромную гору и передал в штаб сведения, которые решили успех целой операции.

Он заранее прощал себя за приукрашивания — без них ни один стоящий рассказ не получается. Самая суть-то в нем будет правдой, и мама это почувствует, будет ахать, поминутно прикасаться к нему, желая убедиться, что ее сын действительно живым и целехоньким прошел через ту жуткую ночь...

Потом он пойдет в свою школу, заглянет в родной 10-й «В», где теперь учится черноглазая дочка соседей, Наташа. Его, разумеется, попросят рассказать о службе. И пока он степенно и неторопливо станет рассказывать, глаза Наташи, в прежние времена постоянно смотревшие куда-то мимо Витальки Чехова, ни разу не оторвутся от его лица, расширяясь от удивления и восторга...

Чехов не знал, сколько еще трудных ночей у него впереди, после которых события его первой ночи в разведке покажутся пустяковыми. Не думал он и о том, что через каких-нибудь полгода рассказывать о собственных «подвигах» у него будет не больше желания, чем, скажем, у шофера или слесаря живописать свою будничную работу. А пока он шел, почти не таясь, и мечтал...

— Васильев, ты?

Разведчик испуганно присел.

— Я, — отозвался из темноты другой голос.

— Помоги, катушку заело.

— Заест небось: только успеваешь разматывать да сматывать. Четырех часов не прошло, как развернули узел, и вот, пожалуйста...

— Такое уж наше дело. Эпоха маневренных войн.

— Тогда на кой бес весь этот проводной анахронизм? Радио, что ли, мало?

— Радио хорошо, а с телефоном лучше. Как говорится, запас карман не трет... Похоже, наступать будем...

Связисты, сматывая провод, прошли в четырех шагах от затаившегося Чехова, и все мечтания его разом улетучились. Он вспомнил о совете старшего лейтенанта не возвращаться в ма-

шину. Стало обидно, хотя и понимал: возвращаться теперь опасно. На берегу начиналось движение, посторонних глаз прибавилось, и за ним могли проследить.

Одиночество среди чужих всегда тягостно, а тут еще пришла горькая мысль: сделал свое дело и больше не нужен: выбросили, как стреляную гильзу. В расстроенных чувствах Чехов достал из кармана сигареты и зажигалку, спохватился, сердито засунул обратно. И вдруг вскочил, вспомнив разговор телефонистов...

Ругал себя последними словами: ценнейшие сведения получил от говорливых связистов и сразу не поспешил с ними к старшему лейтенанту. Вновь обретенное право вернуться в машину страшно обрадовало его. Увидеть командира, почувствовать над собой его власть и опеку показалось настоящим счастьем. Только бы не эта тяжкая самостоятельность в чужом тылу.

Ракетно-артиллерийский налет застал Чехова в пути. Несколько минут он лежал оглушенный, став маленьким и беспомощным среди неистовства громов и огней. Но у него был долг и еще было беспокойство: вдруг машина уйдет! — и он двинулся к реке перебежками...

На плесе тоже kloкотали взрывы, их тусклые вспышки минутно озаряли берег, и Чехов побоялся открыто идти к островку камыша. Опять он полз, пока не свалился в ямку, похожую на старый окоп. Отдыхая, настороженно огляделся. Камыш был совсем рядом. Взрывы все еще вздымали воду узкой стеной поперек реки, он засмотрелся на водяные смерчи, вспыхивающие по временам острыми искрами, и догадался, что видит огневой удар по танковой переправе, вызванный стараниями экипажа. В том числе его, рядового Чехова, стараниями... Не было больше ни усталости, ни тревог, ни опасностей. Была радость — неистовая, как эта смешанная с огнем, летящая в небо вода.

Сокрушительный ураган в тылу противника вызвал рядовой Виталька Чехов! Виталька Чехов становился могучим джинном, повелителем невиданной грозы, и ее неотразимые молнии летели начертанными им путями. Он даже позабыл разделить это гордое могущество и славу с товарищами по экипажу и, горбясь в тесной ямке, пел беззвучно — выразить словами чувства его все равно было нельзя...

Песня его души оборвалась вместе с огненным налетом на переправу. Снова спохватился, заспешил, впервые заметив, как поредела тьма. Упершись локтями в край ямки, выполз на полкорпуса и отпрянул назад: прямо на него, освещая путь узким лучом замаскированной фары, шел бронетранспортер.

Вначале Чехов испугался своего непослушания. Он поступил вопреки совету старшего лейтенанта, и, если приехавшая команда обнаружит его, она обшарит всю окрестность. Второй раз подряд рядовой Чехов подведет товарищей. Такого не простят.

Однако Чехова еще не обнаружили, а прочесывание камыша уже началось.

Значит...

С этим «значит» в Чехова вошел кто-то новый — спокойный и рассудительный. Не зря сержант Дегтярев брал его в ночной поиск, а Плотников посылал одного на угрюмую крутую сопку. И все два месяца в разведроту Чехов служил тоже не зря.

Искали его товарищей — вот что он понял сразу. А раз искали, значит, засекли в момент радиосвязи, — и это он сумел понять. У Витальки Чехова всегда было хорошее воображение, и додумать остальное ему не составляло труда. Если приехавших интересует разведчик-радист, Виталька Чехов вполне сойдет. Обрадуются, схватят, отвезут к начальству, а пока разберутся, что за радиостанция у него, многое переменится. Им и в голову сейчас не придет искать целый экипаж с боевой машиной. Они ищут запеленгованного радиста, и радист имеется...

Чехов не спешил. Была еще надежда: вдруг товарищи ушли? Из-за камыша, лежа, он не видел ближнего плеса, где находилась машина. А если и не ушли, их могут проглядеть — все-таки маскировку придумал сам командир роты.

Надежда оказалась краткой. Когда до разведчика долетел разговор про «корягу с тинной», а потом — распоряжение голосистого сержанта «прощупать как следует», — Чехов понял: настал его черед последовать примеру сержанта Дегтярева.

Он деловито осмотрел автомат, положил рядом, вынул из кармана сигареты и зажигалку, прикурил, не таясь, с наслаждением затянулся и прижал огонек сигареты к воспламенительному шнуру взрывпакета...

* * *

...Плотников уже знал: боя не избежать, и все-таки медлил, словно ждал чуда. Нет, не чуда — ждал, что цепь вот-вот дойдет до края камышей, солдаты вернутся к машине, сгрудятся там, и тогда огонь его пулемета станет страшным. Одной очереди хватит на всех.

Но они не дошли до края камышей, и ефрейтор с серьезной фамилией Ломиворота, видно, не успел даже снять обмундированье.

Гранатным разрывом возле бронетранспортера ахнул взрывпакет, близкий автомат залился длинной очередью, и юношеский голос отчаянно крикнул:

— Ложись!..

Испуганно и бестолково затрещал целый десяток автоматов, но тот же голос, ставший тонким, как у десятилетнего мальчишки, перекрыл этот треск:

— Прекратите стрельбу! Живым брать будем!.. Попов, заводите его ложиной, огнем прижимайте, чтоб не убежал!..

Взвыл мотор бронетранспортера, слышно было, как машина сорвалась с места, удаляясь от берега.

— Отделение, справа и слева перебежками по одному — вперед!..

Выстрелы и крики постепенно удалились, и Плотников оторвался от пулемета, обессиленно провел ладонью по лицу. Учение-то учение, а чувствуешь себя как зверь в облаве.

— Что это, товарищ старший лейтенант? — негромко спросил Оганесов.

— Наши. Не знаю кто, но это наши...

— Нет, я не про то, — горячо зашептал Оганесов. — Вон там... движется...

Плотников крутанул перископ назад. Над рекой плыл слабый туман, но уже хорошо различался в сумерках, однако и мешал наблюдению. Худо, если усилится. Размытые тени машин скользили по реке, и трудно сказать, сколько же до них: двести метров или все пятьсот, — мешал тот же туман.

— Плавающие автомобили. Или бронетранспортеры.

— Нет, товарищ старший лейтенант, еще дальше. Напротив седловинки... Два раза уже двигалось. Погодите, вот сейчас... Видите?

Не столько зрением, сколько всей своей беспокойной настроенностью, обострившимся шестым чувством Плотников угадал и слабый росчерк воздухопитающей трубы над серой, стеклянной поверхностью реки, а потом и водяной бугор над башней идущего к берегу танка. Там шла переправа. Шла, быть может, к концу. Там могла находиться даже основная трасса, а здесь — запасная. Или ложная, рассчитанная на такого вот лопоухого соглядатая, который приплывет по воде и зацепится близ первых попавшихся знаков караулить kota в мешке...

Позже, возвращаясь к этой трудной минуте, Плотников понимал, что поступил он не так, как поступил бы профессиональный разведчик. Он просто перестал быть разведчиком, став только политработником, который в критическую минуту прибегает к последнему средству: подняться во весь рост перед цепью стрелков и увлечь их за собой — к смерти или победе. Еще не отдавая себе отчета, как поступить, но уже готовый на самый отчаянный шаг, он рвал из планшета карту, искал на ней седловинку ниже излучины, ставшую ориентиром переправы, и кричал водителю во весь голос:

— Заводи, Оганесов! Гони по течению, во весь дух гони!..

Зачем ему нужно было к переправе, Плотников тоже еще не знал — просто он не мог не броситься навстречу опасности, как будто два человека в легко бронированной машине могут остановить колонну танков, способную сокрушить, быть может, не один полк...

На его вызов «Туча» отозвалась мгновенно — он потребовал ответа, ибо сейчас непременно должен был знать, что его слышат.

— Вторая переправа в квадрате тридцать два, четырнадцать, девять, — заговорил Плотников открытым текстом, потому что кодировать уже не было смысла. — Тридцать два, четырнадцать, девять, — повторил он.

Когда перевел станцию на прием, услышал сверлящий визг, прерываемый всплесками дикого треска — противник, знавший его волну, включил помехи на всю мощь.

Плотников тотчас перешел на запасную, но «Туча» молчала. Значит, услышала и не хотела выдавать вторую волну...

Машина вошла в тень прибрежного увала. Черная, как вороненая сталь, вода в стекле перископа неслась навстречу.

Однако Плотников скоро заметил: берега уходят назад слишком медленно, хотя двигатель выл с жалобным надрывом, словно просил пощады. Наверное, со стороны машина походила на выбивающуюся из сил рыбу, в спину которой мертвой хваткой вцепилась захлебнувшаяся скопа — камышовые ковры волоклись по воде, тормозя движение. У Плотникова мелькнуло желание

выскочить, полоснуть ножом по связкам этих «ковров», будто от того, доберутся они до переправы минутой раньше или позже, что-то изменится. Через сотню метров пути Алексей понял: одним яростным желанием вмешаться в происходящее, изменить ситуацию нельзя. Их расстреляют и потопят, как только заметят. И не нырять же с гранатами на дно, чтобы остановить танк и закупорить трассу: невозможно, нелепо...

«Туча» молчит. Ей потребуется время подготовить точный удар, и противнику, возможно, хватит этого времени, чтобы переправить танки. Плотников представил, как они расползаются по лощинам плацдарма, подходят в сумерках к переднему краю, накапливаются на исходных позициях, чтобы гигантской пилой врезаться в оборону «восточных». И пехота, словно текучий цемент, всосется в пробитые бреши, обложит опорные пункты, удушая их в глухом плену...

«Хорошая позиция важнее храбрости», — вспомнились слова командира. «Важнее храбрости?»

У него была превосходная позиция, а вот не помогла — проглядел. Значит, не все дело в позиции, еще и меньше надобно, и храбрость тоже. Теперь ставка на храбрость, но велика ли ей цена, если очертя голову кидаешься на противника, сам не зная зачем? Зачем?..

Как же ему не хватало пока чисто командирского свойства — решать мгновенно!

Но вот словно капитан глянул откуда-то, и сержант Дегтярев, которого Плотникову теперь так не хватает. И Чехов с Молодцовым смотрят на своего командира, ждут от него такого,

что сделало бы ненеправильными их усилия. Они не сомневаются в нем, потому что в своем командире солдат не усомнится...

Бежит через реку серый бурунчик за воздухопитающей трубой, оставляя на воде слабо мерцающий след — словно удав плывет, подняв настороженную голову. Еще одно стальное чудовище ползет по дну к холмам плацдарма. А другое ждет очереди на берегу. Танки выходят из густого сумрака лощины и становятся заметными лишь у самой воды. «Сколько их уже переправилось? И сколько таится в темном, сыром распадке?..» Сколько бы ни таилось, этот входит в реку последним.

Всегда остается что-то, что еще можно предпринять!

Ладони Плотникова легли на рукоятки пулемета.

Да, пулемет самого крупного калибра — игрушка против машины, одетой в броню, не боящуюся даже кумулятивных снарядов, протыкающих сталь жалом из пламени и свинцового пара. Но и пулемет — оружие, когда у тебя нет другого...

Пока он тащится по мелководью, этот стальной бегемот, люди, запертые в его утробе, не услышат шлепка твоей пули в броню. Но вода уже скрыла корпус, заливаает башню, и только труба теперь торчит над плесом. Труба...

Вот где ему будет «труба»! Вот где годится обыкновенный пулемет, и не нужны никакие «супербронебойные».

«Нет, товарищ капитан, выше храбрости может быть только храбрость. И вы тоже знаете это. Просто вы хотели напомнить, что в нашем деле не всякая храбрость годится...»

— Оганесов, видишь трубу?

— Вижу!

— Держи прямо на трубу, Оганесов! Он погружается, и мы утопим его, как котенка. Только еще чуть-чуть поближе, чтобы срубить ее наверняка. Надо срубить ее наверняка. Надо срубить первой очередью, Оганесов, — на вторую они не дадут нам времени... Жми, Оганесов, мы устроим им хорошую пробочку на речном дне!

Труба косо набегала, и Плотников плавно поворачивал пулемет, уравнивая движение прицела и пенного, тускло серебриющегося «воротничка» вокруг трубы. Ему хотелось выждать еще полминуты, но острое чувство близкой беды кольнуло сердце, и он скомандовал себе:

— Огонь!..

Маскировка машины сослужила экипажу последнюю службу. Зенитчики, охранявшие переправу, не колебались бы ни мгновения, заметь они подозрительную машину, спешащую полным ходом к подводной танковой трассе. Но зенитчики видели только безобидный островок пловуна с такой же безобидной корягой на нем. И хотя в сумерках было заметно, что островок опережает течение и создает подозрительные волны, командир и наводчик установки с минуту совещались: долбануть по «лягушачьему континенту» или не стоит? Решили все же долбануть, и в тот момент, когда тревога охватила Алексея Плотникова, ствол автоматической пушки разворачивался в сторону островка, и наводчик ловил его в кольцо коллиматора. Но минута уже была потеряна. Об этой минуте никто не знал — даже сами зенитчики забыли о ней. Однако она властно вторглась в ход борьбы, изменив обстановку в районе плацдарма...

Зенитка еще молчала, когда на плавучем островке ярко вспыхнула и яростно затрепетала крыльями огненная бабочка. Глухой, злобный лай крупнокалиберного пулемета вплелся в гул канонады...

Плотников не отпускал гашетки, а воздухопитающая труба танка уходила все глубже — там, на дне реки, не подозревали, что не воздух, а вода должна хлестать в трубу и самое время браться за изолирующие противогазы. Но учение есть учение, и танки на учениях тонут чаще всего условно...

Короткие, бледно-зеленые огни ударили с сумрачного берега, башенка машины вздрогнула, и Плотников оторвался от пулемета. Огни ударили снова, и Алексей снова различил на берегу очередную танк, фигуры регулировщика, радииную легковую машину, похожую на дикобраза от обилия торчащих из нее антенн.

— Поворачивай к берегу, Оганесов! Воевать будем по-честному. Мы с тобой теперь тоже на дне. А вернее, в небе, вместе с паром и брызгами...

Люди на берегу с удивлением видели, как на зыбучем плавучем поднялась в рост высокая человеческая фигура. Островок разделился на части, в воду полетели клочья травы, обломки ветвей, и от урывающего мусора отделилась округлая, приплюснутая башенка разведывательной машины с прямым расчерком пулеметного ствола. Машина круто повернула наперерез течению и скоро выползла на песчаный откос. Человек прыгнул с ее брони и усталым шагом направился к радииную машине.

Навстречу Плотникову неторопливо шел невысокий офицер с нарукавной повязкой, на груди его мелко поблескивало стекло сигнального фонарика, пристегнутого к пуговице.

— Что еще за речные разбойнички объявились? — спросил он с неудовольствием. Плотников узнал голос одного из помощников руководителя учений.

— Товарищ майор, — официально доложил он, — командир разведгруппы старший лейтенант Плотников. Прошу остановить переправу — мы потопили танк на трассе.

— Вы уверены, что потопили?

— А вы разве нет?

Майор хмыкнул, покосился на очередную машину, уходящую в воду. Был он молод и, как все быстрорастущие люди, чуточку самовлюблен. Высокое положение посредника здесь, на переправе, конечно же, подогревало в нем самомнение, к тому же он в какой-то мере был организатором переправы и не знал, как отнесется к происшедшему руководитель учения. Второй раз форсирование реки танками срывается, и с кого-то обязательно спросят.

Несмотря на свою молодость, Плотников угадал настроение майора и в душе испытал беспокойство.

Майор снова покосился на танки, потом на часы, глянул в небо. Сумерки быстро рассеивались, и отдельные пары низко летящих истребителей-бомбардировщиков со свистящим гулом пронеслись вдоль реки, высматривая добычу... Еще четверть часа, и они начнут разгром колонн, не успевших развернуться. На эвакуацию затонувшего танка потребуется, конечно, не меньше

четверти часа... Однако у майора был свой долг, и он крикнул ближнему регулировщику, чтобы остановили переправу.

«Туча» ударила по переправе минут через десять, когда Плотников стоял около своей машины, привалясь плечом к броне. Он сделал сколько мог, он вышел из игры, и первым ощущением была усталость. Не хотелось гадать, хорошо ли его группа решила задачу, и думать ни о чем не хотелось. Он уже знал: половина танков пока на этом берегу, значит, им теперь придется переправляться по третьей трассе, если она существует, потому что две, обнаруженные разведчиками, — под непрерывным обстрелом...

Глаза Алексея косели, уставясь на светлеющую воду, и он даже вздрогнул от голоса подошедшего майора.

— Тоже ваша работа? — спросил тот, кивнув на своих помощников, которые подрывали фугасы по сигналу из штаба учений.

— Наша, — равнодушно сказал Плотников.

— Всю ночь ловили «диверсантов», целый взвод поймали, а оказывается, еще оставались.

— Так уж и взвод? — улыбнулся Плотников.

— Иной разведчик стоит полка, — назидательно сказал собеседник. — Вы-то обязаны знать.

Алексей внимательно поглядел на майора, вспомнив, что те же слова недавно говорил ему командир роты.

— Теперь я знаю...

Майор достал и неторопливо раскрыл изящный серебряный портсигар, набитый дорогими сигаретами.

— Курите...

Алексей взял без особого желания, прикурил от зажигалки майора — такой же изящной и дорогой, — и, глубоко затянувшись, почувствовал, как закружилась голова.

— Мне надо найти своих, — сказал он.

— Да, конечно. Они в комендантском взводе. Это близко: по дороге, потом налево. И околачиваться вам тут нечего. Возвращайтесь. Я дам пропуск.

Он кивнул на прощание — коротко, сдержанно, так же, как говорил, и пошел к своей машине размеренным, твердым шагом человека, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

Какой-то истребитель, молча подкравшись, спикировал на открыто стоящую машину Плотникова и с громовым гулом ушел свечой ввысь. «По своим бьешь, земляк... А впрочем, мы уже убиты, и сочтем это салютом в нашу честь».

— Эй вы, земноводные! — раздраженно крикнул кто-то из танкистов. — Чего демаскируете! Убирайтесь, пока вас не убрали.

— Ну, Оганесов, — засмеялся Алексей, — нам действительно пора сматываться. Танкисты теперь злые как черти, а попозже еще злее станут...

Устало откинувшись на сиденье, он в последний раз глянул в перископ на реку, испытывая почти родственное чувство к ней. Целую ночь слушал ее голос, и она тоже, казалось, слышала его тревожные мысли...

Заря горела над холмами, и вода в реке была розовой, зер-

кальной, затаившей тихую вечную тайну. В нее хотелось заглянуть вблизи, увидеть сонные водоросли, спящих рыб и еще что-то, что можно увидеть в реке лишь на заре. Уши его привыкли к грохоту боя, в них сейчас стояла ватная тишина, и думалось — такая же тишина царит в розовой воде. Тишина и тайна...

— Оганесов!

...В стекле перископа больше не отражалась река. Серая, расцветная дорога бежала навстречу, по бокам качались холмы, покрытые грубой, потемневшей от росы травой. То ли дым, то ли туман стлался в ложбинах, и пахло холодно и горько августовской степью...

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Держите левее, Оганесов, вон к тем палаткам, наши «плееники» должны быть где-то там.

— Дрыхнут, наверное. Им что? Отвоевались...

Плотников открыл люк и вылез из него по пояс, освежая ветром лицо и разглядывая издали маленький полевой лагерь...

Машина подходила к палаткам, и навстречу ей бежали трое. Впереди мчался высокий, поджарый солдат, легко выбрасывая вперед пудовые сапожищи. «Молодцов!» — узнал Плотников. За Молодцовым, почти не отставая, бежал сержант Дегтярев и последним — Чехов, сильно прихрамывая.

Один за другими они остановились в двух метрах от затормозившей машины и молчали, тяжело дыша. Только смотрели в лицо командира, словно не веря в его приезд, и читались в их глазах сознание вины, беззаветная готовность на все и стыдливая, радостная влюбленность.

От бензинового дымка, полынного ветра и двух бессонных ночей у Плотникова вдруг защипало глаза, и, боясь прямо глянуть на разведчиков, Алексей перегнулся через край люка, протянул руки и грубовато пошутил:

— Ну вот и на этом свете довелось свидеться... Чего топчетесь? Лезьте сюда поживее — ехать пора.

И пожалел, что у него не хватает рук — помочь всем троицам сразу.

Сергей НАУМОВ

НА РАССТОЯНИИ КРИКА

Повесть

С аэродрома, где приземлился Ли-2, его повезли на новеньком «виллисе». Молчаливый, подтянутый капитан коротко козырнул и вежливо распахнул заднюю дверцу. По сторонам бежали взбухшие, сбросившие снег поля, кое-где на речках синел еще ледок, отступивший от берегов, но уже чувствовалось: еще день-два, и хлынет тепло, сорвутся первые дожди, зацветут сады.

Майор Андрей Долгинцев смотрел на черный, слившийся с землей лес на горизонте и чувствовал, как все, что он видел, вдруг стало близким, волнующим. Подумать только — четыре года назад он воевал здесь; в морозные ноябрьские ночи сорок первого уходил за «языками» в немецкий тыл, так ни разу и не побывав в Москве.

И вот теперь, когда война идет к победному концу, внезапный вызов в столицу.

«Виллис» остановился у приземистого, незаметного серого здания. Капитан провел его мимо часовых, предъявив удостоверение. Они поднялись на второй этаж и вошли в просторную комнату, где за столом сидел человек в форме старшего лейтенанта.

— Садитесь, — предложил старший лейтенант, — генерал освободится через несколько минут.

Генерал вопреки ожиданиям Андрея оказался довольно молодым человеком с веселыми, живыми глазами. Мундир сидел на нем ладно, а тройная планка орденских лент выдавала в нем человека бывалого и заслуженного. Он поднялся из-за стола, пожал Андрею руку и кивнул на кресло.

— Сколько времени вы служили в армейской разведке, Андрей Степанович?

— Два года три месяца, товарищ генерал.

— Переведены к нам в сентябре сорок четвертого?

— Так точно.

— Я помню две операции, в которых вы участвовали... Они прошли успешно. Тогда вы работали под кличкой «Седой»?

— Так точно.

— Говорят, вы удачливы?

— Всяко бывало.

Долгинцев усмехнулся.

— А все же?..

— Удачлив, товарищ генерал.

— Разряд по альпинизму...

— Кандидат в мастера.

— Историю Германии изучали?

— В пределах училища и еще немного сверх того.

— Понимаю, — генерал улыбнулся, — придется внимательно прочитать вот эти книги...

Он пододвинул Долгинцеву список.

— Немецкий знаете в пределах училища или сверх того?

— Немецкий знаю, товарищ генерал.

— Это мы проверим, — весело сказал генерал, — я вам сейчас скажу в рифму по-немецки, а вы попробуйте определить, в какой части Германии я родился и жил.

Генерал откинул голову и, полужакрыв глаза, прочитал наизусть:

Ты знаешь безжалостный Дантов ад,
Звенящие гневом терцины!
Того, кто поэтом на казнь обречен,
И бог не спасет от пучины.

— Рейнланд-Пфальц, южные области, товарищ генерал. Строфа из Гейне... «Зимняя сказка».

Генерал, не скрывая удивления, внимательно взглянул на разведчика.

— Похвально... майор. Весьма похвально. Откуда такое знание диалекта?

— Приходилось допрашивать разных немцев... Подмечал нюансы в произношении.

Генерал задумчиво повертел в руках карандаш.

— О качествах разведчика много написано, еще больше говорится в официальных и частных беседах. А разведка — это тысячи мелочей, которые нужно помнить. Развитый интеллект, эрудиция, быстрота мышления... Вы должны знать правду. Выбор пал на вас по многим причинам.

— Я готов выполнить задание.

Генерал коротко кивнул:

— Тогда к делу. В боях за Шрайберсдорф нашими разведчиками захвачен тяжелораненый гауптман Удо фон Плаффен. При обыске обнаружен испанский паспорт и рекомендательное письмо к Кальтенбруннеру. Письмо содержит просьбу переправить Удо в Швейцарию. Заботливый папаша, генерал СС, просит своего старого приятеля Эрнста Кальтенбруннера об одолжении. Генерал СС Дитрих фон Плаффен погиб во время налета американской авиации на Нюрнберг. Других близких родственников у гауптмана нет. Вы одного возраста с Удо, похожи лицом, фигурой, сединой. Удо рожден на земле Рейнланд-Пфальц...

— Понимаю, — сказал Долгинцев.

— Вы пойдете на связь с нашим человеком в Австрии и останетесь там для выполнения особо важного задания.

Генерал встал, подошел к зашторенной стене и открыл большую крупномасштабную карту.

— Покажите все населенные пункты в Австрийских Альпах, где вы бывали с альпинистской группой в 1938 году...

Седой взглянул на карту и сразу вспомнил последнее свое восхождение.

Австрийцы пригласили группу советских студентов-альпинистов штурмовать трехтысячник в районе Гроссглокнера. Это был своеобразный обмен. Четверо австрийцев в то же время совершали восхождение на Ушбу. Трехтысячник они тогда взяли легко, играючи. После Тянь-Шаня и Памира Альпы показались горюшками.

— Филлах, — сказал Седой, — небольшой курортный городок.

Андрей переместил указку чуть ниже.

— Штирия... Австрийцы зовут ее Грюне Марк — «зеленый край». Город Клагенфурт по населению и площади больше, чем Филлах, но менее экзотичен. Здесь наша группа жила целые сутки... Бад Аузее, горный курорт... озеро, кирка, прогулка на катере... лебеди, ночной ресторан.

— Запомнил, — улыбнулся глазами генерал.

— Мы там праздновали восхождение... Мозельвейн из подвалов господина Фишбаха.

— Достаточно, Андрей Степанович. Бад Аузее — ваша цель. Подробности и вся подготовка к операции в разведотделе штаба фронта. Сожалею, что не могу показать вам Удо фон Плаффена. Гауптман пока еще в тяжелом состоянии. Вояка он бывалый — Франция, Греция, Африка и наша Белоруссия... Дважды был ранен. Впрочем, это все есть в досье. Нам удалось все же поговорить с ним. Испанский паспорт используйте только в крайнем случае. Гестаповцы не очень жалуют дезертиров даже в перспективе. И помните: несмотря на близость поражения, в Германии наблюдается повышенное чиновничество. Парадоксально, но это так. И не выпячивайте приставку «фон». Сейчас она непопулярна. Будьте внимательны к мелочам... В Москве пробудете трое суток. На аэродром вас проводят. Желаю успеха и... удачи, товарищ майор, удачи...

Говоривший подполковник сильно щурился и сверлил Седого глазами-буравчиками, словно на допросе. Холодный, равнодушный голос раздражал Андрея.

— У нас мало времени на детальную разработку операции. Вы разведчик с опытом и хорошей интуицией, бывали в горах, выбрасывались с парашютом, знаете в совершенстве немецкий. Наблюдательны, сообразительны...

Подполковник продолжал говорить, слегка раскачиваясь. И Седой подумал, что этот человек что-то убаюкивает в себе, может быть, постоянную боль.

— Австрия — ваша цель. Точнее, район Альпийской крепости, но не сам Редл-ципф. Аусзее... Альтаусзее... Монтзее. Изучите карту, хотя вы там и бывали. Поидете от селения к селению, от озера к озеру. Самолет возьмет вас в Шрайберсдорфе, ночью проскользнете левее Граца... Впрочем, на карте обозначена точка выброски. Достигнете Аусзее и через нашего человека на явочной квартире передадите для Аякса письмо. С той же минуты поступаете в распоряжение Аякса. Нашего человека зовут Австриец... Пароль: «Я привез вам посылку от Анны». Отзыв: «Давно жду. Благодарю».

«А ведь он похож на немца, — подумал Седой, разглядывая асимметричное худощавое лицо подполковника, — типичный пруссак, играющий роль русского. И не исключено, что бывал «там».

Подполковник почувствовал, что его разглядывают, остро и холодно взглянул на Седого.

— Вам придется столкнуться с людьми Кальтенбруннера. Альпы сейчас — его компетенция. Каждый новый человек под подозрением и слежкой. От вас не требуется особой конспирации. Нужно прежде всего стать немецким офицером с солидным рекомендательным письмом к весьма влиятельному в рейхе человеку, то есть к самому Кальтенбруннеру, и жить жизнью такого офицера. Характер и склонности вашего «визави»? Лучше, если он не будет служакой. Вы третий человек, идущий на связь с Аяксом. Два месяца, как замолкла рация. Многое нам неясно. Возможен провал в Аусзее, не исключено, что квартира под наблюдением, а Австриец засвечен. А теперь привыкайте. К этой вот вещице.

Подполковник достал из кармана изящную коробочку, отделанную сафьяном. Усмехнувшись, раскрыл ее. Свет настольной лампы, преломившись в гранях камня, вспыхнул нестерпимым, ярким всплеском.

— В перстне настоящий бриллиант, сорок восемь каратов, фамильная драгоценность фон Плаффенов — монограмма на платиновой основе перстня. Бриллиант известен в Германии и за рубежом, так что будете носить на пальце целое состояние, я бы сказал, танковую бригаду.

Седой взглянул подполковнику прямо в глаза. Тот спокойно выдержал взгляд.

— Оставить монограмму и вставить фальшивый бриллиант? Нет. То, что должны сделать Аякс и вы, стоит много больше. Ваш перстень должен поражать воображение и по возможности

открывать вам двери и... людей. Ну а самое главное — камень прикроет вас. У человека с таким состоянием есть веская причина оказаться в предгорьях Альп и, может быть, совершить прогулку к швейцарской границе.

— Я должен передать рекомендательное письмо в канцелярию Кальтенбруннера? — спросил Седой, рассматривая бриллиант.

— Да. Чтобы не вызвать подозрений. Для окружающих вы человек, жаждущий аудиенции у одного из влиятельных людей рейха.

— Ну а если...

— «Если» не будет. Кальтенбруннер не принимает никого, он готовится к встрече Гитлера. Да, майор, недалеко от Альтаусзее подготовлена посадочная площадка для личного самолета фюрера, который должен взлететь с одной из площадей осажденного Берлина. Вот только взлетит ли? Но Кальтенбруннер ждет... Его резиденция в Альтаусзее, вас туда просто не пустят. На этом и строится наш расчет. Вам известно, что письмо настоящее. Изъято у раненого гауптмана Удо фон Плаффена. Перстень тоже. Шанс встретить в Аусзее человека, знавшего Удо, невелик. Гауптман — офицер вермахта, в Австрийских Альпах дислоцированы дивизии «Эдельвейс». Теперь о сути задания. В районе Альтаусзее находятся копи, где в глубоких шахтах гитлеровцы захоронили сокровища «третьего рейха». Ясно, что при приближении американских войск шахты будут взорваны. Нам известно также, что доверенное лицо Кальтенбруннера в определенный день двинется через горы в Северную Италию и оттуда в Швейцарию. Он понесет главный капитал Кальтена — микропленку с данными об агентуре, оставленной секретными службами в странах Восточной Европы. Мы не думаем, что Эрнст Кальтенбруннер хочет купить у американцев жизнь этой микропленкой. Скорее всего он надеется, что агентура пригодится нацистскому подполью. Человек Кальтена сильный, выносливый, в прошлом альпинист и горнолыжник. На границе со Швейцарией у немцев есть «окно». Агента наверняка будут встречать на итальянской стороне или раньше, у перевала. Уверен, если вам удастся войти в контакт с Аяксом, узнаете больше и в подробностях... Два месяца молчит рация...

— Разрешите вопрос, товарищ подполковник? — Седой достал пачку «Казбека», взглядом спрашивая разрешения закурить.

— Курите. И пусть это будет последняя пачка. Удо фон Плаффен не курил. Это из показаний пленных. Ваш вопрос... Его нетрудно предугадать. Что делать, если... Если не войдете в контакт с Аяксом, действуйте по своему усмотрению. Альпийская крепость не последнее логово для нацистов. Альпы открывают дорогу в Швейцарию и Северную Италию. Люди Кальтена и Мюллера пока еще носят форму и находятся на службе, но настанет час, и они побегут, но побегут организованно, группами. Возможно, с одной из таких групп пойдет и человек Кальтена. Ему нужно будет прикрытие. Вам нельзя ошибиться в выборе группы. В горах же... не мне вам объяснять, как берут «языка». Конечный же результат — микропленка.

Подполковник поморщился и прикрыл глаза. В свете, падающем от настольной лампы, Седой видел, как заострились скулы на лице собеседника, как плотно сжались губы. Холодный, безразличный тон, выдержанный подполковником до этой вот минуты, помогал ему держаться, сохранять ясность мысли. Этот человек не вылежал в госпитале и сейчас страдал от постоянной глубокой боли. Седой знал таких людей, да он и сам был из той же породы. Седой достал из заднего кармана брюк плоскую трофейную фляжку, плеснул коричневатую искрящуюся жидкость в стакан и негромко сказал:

— Выпейте... товарищ подполковник.

Разжались губы, дрогнули веки, подполковник открыл глаза, несколько мгновений смотрел на Седого, словно не узнавая, затем увидел стакан, неуверенно потянулся к нему; боясь уронить, взял стакан обеими руками, отпил глоток, спросил:

— Откуда... «Мартель»?

— Трофей. Разведчики подарили по старому знакомству, — усмехнулся Седой. — Выпейте, помогает — по себе знаю.

— Сколько дырок в тебе, майор?

— Восемь...

— А мне говорили — три...

— Устаревшие сведения.

Подполковник допил коньяк залпом, стукнул стаканом о стол.

— Монолог с лирическим отступлением, — буркнул он и посмотрел на часы. — В письме содержится просьба легализовать Удо за границей. Испанский паспорт указывает адрес. Старик заботился о судьбе сына, и это понятно. Удо твоего возраста и немного похож. Все, майор. Подробности, карта, письмо и фотография Австрийца в канцелярии. У тебя впереди ночь...

— И еще два дня...

— Да. И два дня. Не забывай о портном. Форма должна сидеть ладно. Ты все-таки аристократ. И еще вот что...

Полковник стулился, погасил настольную лампу, лицо его сразу стало странно неподвижным, отчужденным.

— Может случиться так, что квартира в Аусзее провалена. Тогда обрати внимание на цветы, особенно в кафе на столиках. Увидишь фиалки, изыщи возможность сесть за этот столик. Я уверен, тебя «прочитают», если фиалки на столе не случайность. Это старый резервный пароль. Сейчас весна, и в предгорьях Альп много фиалок. Чтобы тебя «прочитали», нужно попросить официанта заменить цветы на свежие, потом самое трудное — ждать. И быть внимательным к мелочам. Аякс будет проверять тебя.

Подполковник тяжело поднялся из-за стола, остро и, как показалось Седому, насмешливо взглянул на разведчика.

— Я не имею права сказать тебе: береги себя. Войне конец. Самое большее через месяц. Не торопись... даже если все будет складываться нормально... Не торопись. Ну... Сухов моя фамилия...

Он вышел из-за стола, приволакивая правую ногу, протянул Седому тонкую бледную руку. Рукопожатие неожиданно оказалось цепким и сильным.

Он три часа ехал автобусом, потом два часа шел пешком через незнакомый глухой лес, пока не вышел на узкий проселок, вымощенный гранитом. Проселок должен был привести его в Аусзее. Следовало опасаться магистралей, где проверка документов как сито — через каждые десять километров.

Ночной прыжок был удачным. Седой приземлился на большой поляне, закопал парашют, сориентировался по карте, добрался до шоссе и затаился до утра в кустарнике. Автобусная остановка оказалась неподалеку, и первым автобусом капитан вермахта Удо фон Плаффен уже ехал к Альпам, пряча глаза за темными стеклами очков: весеннее солнце заливало салон.

Он не доехал до полосатого шлагбаума, где начиналась «зона», двух остановок, вышел из автобуса и свернул в лес. Седой не сомневался в подлинности своих документов. Ему хотелось как можно позже попасть под наблюдение; привозить за собой хвост в Аусзее он считал преждевременным. Появившись в городке без соглядата, он мог несколько часов оставаться «безнадзорным» и попытаться за это время проверить Австрийца.

Проселок точно вывел разведчика к озеру, возле которого разбросал свои черепичные крыши небольшой курортный городок, весь утопающий в весенней кипени садов.

Швейцар местной гостиницы, получив от Седого щедрые чаевые, вернул ему уже заполненный бланк.

— Не рекомендую останавливаться у нас, — быстро сказал он, — тесно, отдельных номеров нет. И шумно — внизу ночной ресторан. Я дам вам адрес. — Он усмехнулся: — Пансионат фрау Хольценбайн. Роскошные комнаты, теплая вода, австрийская кухня и тишина. Дорого...

Седой кивнул. И швейцар написал короткую записку на обратной стороне уже заполненного бланка.

Здесь, в гостинице, Седой впервые почувствовал силу фамильного бриллианта. Швейцар не сводил глаз с перстня. Козырнув, разведчик вышел на улицу. Прежде чем идти в пансионат — адрес был написан все на том же бланке, — Седой решил осмотреть городок и увидеть Австрийца. У него и в мыслях не было заходить в маленький домик на окраине, он просто хотел убедиться, что домик существует.

Австриец имел обыкновение прогуливаться с палевым догом между двенадцатью и часом дня. В распоряжении Седого осталось чуть больше часа. И он решил пройтись по улице, кружащей вдоль озера.

Шла война. Здесь же время словно остановилось. На аллее у озера прогуливались изысканно одетые пары, бродили подтянутые бодрые старички в смокингах и тирольских шляпах с пером, продавались цветы. А по озеру плавал маленький прогулочный катер, лавируя среди многочисленных белых лебедей, бог весть когда завезенных сюда.

С гор налетал ветерок, пахнувший свежеевтавшим снегом. Военных на улице было мало, преимущественно офицеры из дивизии «Эдельвейс». И все же ему встретились два офицера вермахта. Высокий нескладный майор-пехотинец шел, опира-

ясь на тяжелую палку. Рядом с ним вышагивал плотный широкоплечий человек в форме саперных войск, лицо которого было укутано бинтами.

«Здесь неподалеку должен быть госпиталь, — вспомнил Седой. — Ну да, американцы уже бомбят Альпы, не сегодня-завтра подойдут к Зальцбургу».

Белый домик под черепичной красной крышей равнодушно смотрел на безлюдную улочку закрытыми окнами. Седой, не останавливаясь, прошел мимо, свернул в переулок и поднялся по вырубленной в скале лестничке наверх, откуда открывался красивый вид на озеро и прилегающие к нему склоны гор. Улочка с домиком Австрийца хорошо просматривалась с площадки, которой заканчивалась лестница. Седой присел на ступеньку и достал маленький полевой бинокль. Он был один: с правой стороны его закрывала скала, слева — высокие каменные перила, похожие на парапет.

Палевый дог появился в капитке ровно в двенадцать. Эта точность насторожила разведчика. В стеклах бинокля промелькнуло сухое тонкое лицо с орлиным носом и длинными седыми баками. Это был он — Австриец. Долгинцев проводил его взглядом до конца улочки и спрятал бинокль в карман мундира. Седому не понравилась походка человека, вышедшего на прогулку. В ней явственно читалась напряженность; и вздернутые плечи, и спина, словно ждущая удара.

«Черт его знает, — думал Седой, — может, мне все это кажется. Настроил себя — Австриец засвечен, а он вот гуляет в положенное время, ждет».

И все же двое не вернулись. Но ведь могло случиться, что они завязли в густой паутине проверок еще на подступах к Аусзее.

Австриец жил один. Значит, домик сейчас пуст. Седого подстигало время, и он решился. Спустившись по лестнице, он зашагал к домику, твердо решив снять комнату напротив, как вдруг обнаружил: дома, стоявшие на другой стороне улочки, были отгорожены от внешнего мира глухими жалюзи. Разгорался весенний день. Дома же беззвучно взирали на Седого слепыми окнами. Он шел словно по выжженной зоне.

«Они ждут третьего, то есть меня. — Мысли смешались, понеслись вразброд, как вспугнутые взрывом лошади. — Я иду по улочке второй раз — это наведет их на мысль, что я тут неспроста. Двое наших не вернулись... Отсюда... У Австрийца спина, ждущая удара. Так ходят обреченные... Значит, связи с Аяксом не будет...»

Первые удачи с приземлением и прибытием в Аусзее без препятствий показались Седому зыбкими и ничтожными.

Он шел легкой, небрежной походкой, насвистывая забытую опереточную мелодию, и поглядывал в конец улочки, где должна была возникнуть фигура Австрийца с палевым догом. Седому хотелось увидеть его лицо.

Австриец стоял на набережной и кормил лебедей. Отламывая от венской булки кусочки, он бросал их в воду и без всякого интереса смотрел, как птицы лениво заглатывали хлеб. Дог стоял рядом и был похож на изваяние.

Лицо Австрийца, тонкое и бледное, с большими голубыми

Рисунки Б. ДОЛЯ

глазами, казалось изнуренным и печальным. Он оглянулся всего один раз, когда за спиной, громко разговаривая, прошли два офицера с серебряными эдельвейсами на беретах.

Пансионат фрау Хольценбайн Седой разыскал довольно быстро. Его встретила дородная женщина в черном платье с глухим воротом, молча взяла записку швейцара, внимательно прочла обратную сторону, где в графе «Цель приезда» значилось: «Аудиенция у Кальтенбруннера», поджала губы, мельком, но с интересом взглянула на разведчика и слегка кивнула головой, соглашаясь принять постояльца.

Седому отвели большую комнату с балконом на втором этаже. Из окна были видны горы, внизу на клумбе начинали цвести какие-то ранние цветы.

Плата за пребывание в пансионате фрау Хольценбайн была фантастически высокой даже для этого райского уголка. Хозяйка сдержанно намекнула, что можно рассчитаться не только марками. Седой пожал плечами и отсчитал марки из той пачки, что получил в канцелярии штаба.

Он поднялся к себе и вышел на балкон. На горизонте, там, где долина врезалась в межгорье, виднелись зубчатые синие леса. С востока к дому подступали высокие прямоствольные сосны и вековые грабы. Теплое золотистое сияние стволов медленно переходило в смуглую матовость. И среди них молочно

белели березы, но графика их была резче, кроны не светились, а спокойно и мягко зеленели. Синевая неба уже не звенела, как утром, не сияла, а светила ровно и глубоко.

«Откуда здесь березы?» — подумал Андрей.

В сердце заполз холодок грусти.

«Майнлибер Андрей, ты совсем раскис. Ты полагаю, все сложится как домик из цветных кубиков. Ты забыл, кем нафарширован этот фешенебельный курорт. Ищейки и асы СД, люди гестапо, начинавшие службу еще в Испании. Они хотят, чтобы в последнем их редуте не было никого постороннего. Здесь планируется фашистское подполье, его будущее».

Андрей снял мундир, прилег на диван. До обеда оставалось два часа — хозяйка просила не опаздывать. Ночь, проведенная без сна, и так неудачно начавшийся день навалились неимоверной усталостью.

«Покурить бы сейчас», — подумал Седой. Он вспомнил свою последнюю «прогулку» по немецким тылам — это было на территории Литвы — и старика литовца на заброшенном хуторе, куда он с группой набрел после долгого скитания по лесам. Они оторвались от преследования, но усталость и голод мучили разведчиков. Ребята уснули прямо на полу, едва переступив порог дома. Он же просидел всю ночь со стариком, положив трофейный «шмайсер» на колени. Бутылка самогона,

которую литовец поставил перед ним, была самым страшным искушением. Он знал, как снимает нервное напряжение стакан этого мутного зелья, но он не мог знать, на чьей стороне воюет сын хуторянина, чей портрет красовался на стене. Чтобы не уснуть, он стал чистить оружие своих товарищей, не решив старику выходить из дома. Они молчали всю ночь, как могут молчать только враги.

...Ровно в два Седой спустился в столовую и увидел там троих мужчин, одетых в штатское. Разведчик щелкнул каблуками, сдержанно представился. Высокий худощавый человек с черточкой усов под длинным толстым носом дружелюбно протянул руку:

— Майор Ганс Хольц.

С кресла в углу поднялся крепыш в очках с красивым, чуть надменным лицом. Коротко кивнул:

— Подполковник Зигфрид фон Рорбах...

Третий, широкоскулый толстяк в пестром костюме, остро взглянул на Андрея исподлобья, нехотя буркнул:

— Гауптштурмфюрер Каргер.

— Садитесь, капитан, вон там с краю, — пригласил подполковник, — здесь у каждого свое место.

Фрау Хольценбайн сама прислуживала за столом, ей помогала совсем юная девушка, представленная хозяйкой как Габриэлла.

Обедали молча. Окончив трапезу, немцы закурили: двое — сигареты, Рорбах — толстую сигару.

— Не курите, капитан? — удивился Хольц.

— Не случилось привыкнуть, — усмехнулся Седой.

— Давно с фронта? — спросил Хольц.

— Четвертые сутки... Шрайберсдорф...

— Сюда на отдых или дела?

Хольц откровенно рассматривал разведчика.

— Дела. Аудиенция у Кальтенбруннера.

Каргер удивленно витаращился на Седого.

— Что делаете вечером? — прервал паузу Рорбах.

— Не знаю, — пожал плечами разведчик, — осмотрю город, буду читать... отдыхать.

— Что читать? — улыбнулся Рорбах.

— Библию, с вашего позволения, — рассмеялся Седой.

Все улыбнулись.

— Наш долг пригласить вас как новичка в ночное заведение господина Фишбаха, — сказал Хольц, — там собирается занятная публика. Кстати, у Фишбаха бывает Айгрубер.

— Я согласен, господа...

«Кто такой Айгрубер? — думал Седой. — Необходимо сегодня же узнать».

— У нас свой стол в ресторане. — Рорбах явно играл смущение. — Нас всегда четверо, капитан не будет возражать, если к компании присоединится женщина?

— Напротив, господа. Думаю, что дама только украсит наше общество.

«Кто такой Айгрубер?» — мысль эта не давала сосредоточиться.

— Айгрубер — человек, которому вы можете вручить рекомендательное письмо. Он...

Фрау Хольценбайн поджала губы и строго взглянула на Седого. Во взгляде ее были упрек и недоверие — офицер вермахта, прибывший в Ауэсее, должен знать хотя бы фамилию адьютанта Кальтенбруннера.

— Извините, фрау Кристина, значит, я знал однофамильца. Я воевал вместе с полковником Куртом Айгрубером в Африке. Распространенная в Германии фамилия, не правда ли?

— Да, герр Плаффен, — все так же сурово вымолвила хозяйка.

«Вы болван, майнлибер Андрей, — ругал себя разведчик, листая библию, — не хватало еще обратиться в справочное бюро с просьбой собрать досье на матерого гестаповца. Пока каждый твой шаг — сшибка. Бинобль на лестнице, разглядывание Австрийца с расстояния пяти метров, мундир, который нельзя сменить на штатское, — на ужине ты будешь как пугало. И наконец, вопрос хозяйке пансиона, которая несет на себе бремя тайного и явного осведомителя. Следующий шаг может быть в пропасть...»

Седой думал о себе, как бы со стороны оценивая свои действия, посмеивался над холодком в груди.

Он думал о себе во втором лице, но всякий раз прогонял мысль о своей незаменимости в этом деле. В разведуправлении полагаются на его интуицию, но здесь нужен разумный совет человека, знающего обстановку, людей. Нужна связь с Аяксом.

Столик, за которым сидели Каргер, Рорбах и Хольц, стоял в глубине просторного помещения с низким сводчатым потолком. Седой облегченно вздохнул, приметив в ресторане несколько армейских мундиров.

— Извините за опоздание, господа. Габриэлла забыла разбудить меня.

— Мы уже сделали заказ, — подмигнул Хольц, — вам осталось занять место и ждать.

— Раньше здесь гасили электричество и зажигали свечи, — сказал Рорбах.

Седой скользнул взглядом по залу — калейдоскоп лиц, возбужденных, разгоряченных вином и едой, больше морщинистых и бледно-мертвенных в свете многочисленных бра.

Сквозь синеватый сигаретный дым мелькали люди, одетые в черные вечерние костюмы: черные галстуки выделялись на белых рубашках, матово вспыхивал жемчуг на холеных шеях женщин. Подобно теням появлялись и исчезали бледнолицкие официанты с пустыми плоскими глазами.

— А вот и Лота, — услышал Седой.

Хольц поправил галстук и звякнул вилок, словно давал сигнал тревоги.

В проходе возникла хрупкая фигура женщины, затянутой в темный эсэсовский мундир. Ее ярко-рыжие пушистые волосы были забраны под изящную форменную пилотку. Женщина была красива той красотой, которую можно встретить на портретах

моцартовских времен, — тонкий с горбинкой нос, маленький, чуть жестковатый рот и лицо с алебастрово-белой кожей.

Она коротко кивнула, задержала взгляд на Седом, и он вдруг почувствовал, как что-то в нем дрогнуло.

Рорбах представил Седого.

— Лота Кестнер, — коротко прозвучало в ответ.

Принесли вино. Хольц налил всем. Лота встала. Поднялись остальные. Стоя с фужером в руке, Андрей пытался угадать гост.

— За мужчин-солдат, — коротко произнесла эсэсовка.

Седой снова поймал ее немигающий резкий взгляд и ответил легкой усмешкой.

Андрею показалось — в глазах Лоты просверкнула ответная, нет, даже не усмешка, а улыбка.

«Чертов боковой свет, он меняет даже выражение лица», — подумал разведчик.

Рорбах пригласил Лоту на танец. И здесь произошло неожиданное, один из тех, кто был в мундире, вдруг встал из-за стола и нетвердой походкой направился к танцующим. Он шел так, как ходят по канату. Подойдя совсем близко, он рванул Рорбаха за плечо.

— Она будет танцевать с офицером вермахта... — пробормотал пьяный.

Седой встал из-за стола. Рорбах ударил обидчика быстро и точно в подбородок. Пьяный рухнул на пол, но вскоре тяжело поднялся и выхватил из кармана мундира парабеллум.

Рорбах отпрянул, прикрывая рукой левую сторону груди.

— Всем не двигаться, — крикнул офицер, — стреляю без промаха!

Он медленно приближался к Рорбаху, и вкрадчивое выражение его лица, слепые от ненависти глаза буквально гипнотизировали подполковника.

— Ты проглотишь пулю, штабская крыса, — жгучий шепот повис над замершим залом.

Седой шагнул вперед и встал перед пьяным. Черный зрачок пистолета почти уперся ему в грудь. Он видел длинный ряд орденских колодок на мундире гауптмана, Железный крест, тускло поблескивающий в молочном рассеянном свете, и вдруг понял, что нужно делать.

Разведчик дружески улыбнулся пьяному, укоризненно сказал:

— Не делай глупости, дружище. Меня зовут Удо.

По тому, как потухли глаза гауптмана, Седой понял, что достиг цели.

Он властно и осторожно взял пистолет из расслабленной руки пьяного и, подхватив под локоть, повел его меж столиков на место.

— Вы храбрый человек, капитан, — встретил его рокошущий баритон Каргера. Рорбах, еще бледный от пережитого страха, кивнул Седому, Хольц с детским любопытством всматривался в лицо Андрея, Лота сидела, устало прикрыв глаза, сжимая в руках бокал с вином.

— Не хватало, чтобы немцы стреляли друг в друга... здесь, — сказал Седой, — выпьем, господа. Предлагаю тост за единственную среди нас женщину.

Гитлер не прилетел. Американцы подходили к Зальцбургу. Советские войска вели бои на улицах Берлина и вплотную приблизились к отрогам Восточных Альп. Ходили слухи, что взлетная площадка в центре Берлина разбомблена советской авиацией, а личный пилот фюрера застрелился. Обитатели пансионата фрау Хольценбайн коротали время за игрой в вист, бродили по живописным окрестностям и, казалось, чего-то ждали.

Рорбах по утрам истязал свое тело гимнастикой, купался в ледяной воде озера и посмеивался над Седым, который обходился легкой зарядкой и чашкой крепкого кофе. Они сблизились после случая в ресторане, подполковник оказался интересным собеседником, рассказывал много о Японии, где прожил три довоенных года, читал наизусть японские танки — пятистишья, полные тонкого лиризма и средневекового аромата, расспрашивал Андрея о боях в Белоруссии и Польше, и это было как нельзя кстати, потому что Седой хорошо знал обстановку тех сражений, расстановку сил на 1-м Белорусском, прошел по тылам немецких армий, допрашивал многочисленных «языков».

Из бесед с Рорбахом Андрей понял, что тот не нюхал пороха и едва ли пережил хоть одну бомбежку. «Абвер или СД? — думал Седой. — Он такой же подполковник вермахта, как я гауптман. Хольц тоже непохож на фронтовика, хотя и носит знаки ранений. С Каргером все ясно. С Лотой тоже. Медновологая эсэсовка, фанатичка и ортодокс, чистокровная наци, верящая в чудо».

«Они побегут, но побегут организованно, группами, — вспомнил разведчик слова Сухова, — возможно, с одной из таких групп пойдет и человек Кальтена».

Седой без пометх съездил в Альтаусзее и разыскал Айгрубера. Тот взял письмо, недобро улыбнулся и сообщил, что Эрнст Кальтенбруннер пока никого не принимает. Пообещал передать письмо шефу и посоветовал достать штатскую одежду, а лучше альпийскую теплую куртку и ботинки с трикопи.

На четвертый день своего пребывания в Аусзее Андрей, как всегда, отправился ужинать в заведение Фишбаха. После случая с усмирением пьяного гауптмана предупредительные швейцары распахивали перед ним двери.

Пройдя в угол, к зафрахтованному Хольцем столику, Седой замер, едва взглянул на сервировку. Посреди столика в маленькой изящной вазе красовался букет фиалок.

Букет состоял из шести бледно-лиловых цветков с мохнатыми листьями и прохладными лепестками.

Чувствуя, как бешено заколотилось сердце, разведчик тяжело опустился на свободный стул. Он исподпобья оглядел компанию. Ничто не изменилось в этих людях. Каргер подремывал, Хольц пытался ухаживать за Лотой, Рорбах смаковал вино и поглядывал на всех снисходительно и весело. А фиалки стояли на столе. Седой старался не смотреть на них.

Профессия разведчика приучила Седого подходить к людям просто и в то же время настороженно. Хороший — плохой,

добрый — злой, его не интересовали такие характеристики. Люди у Андрея делились на две категории: на тех, с кем можно было идти за линию фронта, и на тех, с кем нельзя. Если человек мог спокойно под огнем разминировать проход, он заслуживал молчаливого уважения Седого. Майор не прощал небрежности и трусости. Но так было там, у своих, когда он долго и тщательно подбирал группу для заброски в тыл врага.

Теперь же нужно было угадать своего среди врагов. Впрочем, фиалки могли оказаться на столике случайно. Может быть, такие же букетики стоят по всему ресторану.

— Извините, — пробормотал Седой, поднялся и прошел через весь зал к туалетным комнатам. Взгляд его скользил по столикам — бледно-лиловых цветов на них не было. Лишь на нескольких стояли хризантемы в высоких фарфоровых вазочках.

«А ведь я боюсь, — думал Седой, — боюсь потерять эту возникшую надежду. Боюсь произнести простую фразу: «Кельнер, замените цветы на свежие».

Седому пришла вдруг на память вычитанная где-то фраза: «Осторожность — это кольцо бесплодных мыслей, которые вращаются вокруг точки страха».

Не одну тысячу раз преодолевал он в себе это леденящее чувство — война-то была долгой, а он встретил ее на границе в тот памятный рассветный час вечного июньского дня. И столько потом было всего за четыре фронтовых года, что, казалось, не осталось в сердце этого липкого, цепляющего ощущения. А может быть, это другое — он боится не выполнить задания. Микропленка с адресами затаившихся врагов, пароли, характеристики, подробные досье на каждого. Вот что понесет человек Кальтена через горы в милую уютную Швейцарию, а может быть, и дальше, скажем, в Мадрид.

Андрей покинул туалетную комнату, предвзвешенно смочив волосы и расчесав их, и пошел в свой угол, делая небольшой крюк, охватывая взглядом вторую половину ресторана, надеясь увидеть лиловый цвет на каком-нибудь столике.

Вернувшись к своему столику, Седой с удивлением обнаружил, что компания увеличилась на одного человека. Разведчик узнал в нем сапера с забинтованным лицом. Его круглая, как белый шар, голова была сплошь закутана в многослойный бинт. Оставалась открытой только верхняя часть лица, откуда поблескивали черные внимательные глаза. Там, где должен был находиться рот, зияла прорезь, и оттуда торчала дымящаяся сигарета.

— Майор Фридрих Корн, — представил незнакомца Хольц, — убегает из госпиталя перехватить рюмочку-другую.

Майор невозмутимо посасывал сигарету, перед ним стоял бокал с коньяком, куда была опущена длинная соломинка.

Появление нового человека и цветов, возникших на столике невесть откуда, связались в сознании разведчика в одно целое. Он не исключал простого совпадения и все же обрадовался возможности угадать Аякса.

— Скорцени! — свистящим шепотом произнес Хольц, и все вздрогнули, разом обернулись к входным дверям. Там стоял

человек в черном эсэсовском мундире, увешанный оружием так, словно собирался немедленно ринуться врукопашную. Его крупное одуловатое лицо было мрачно-непроходимым. Большими черными, немного навывкате глазами разглядывал он замерших в зале людей.

В сопровождении метрдотеля Скорцени прошествовал в боковой банкетный зал. Следом за Скорцени в зал вошли несколько людей в штатском.

Хольц вытер вспотевший лоб салфеткой. Каргер ухмыльнулся. Рорбах сделал вид, будто изучает меню. Седой поймал на себе испытующий взгляд Лоты. Она смотрела в упор. Седой не отвел глаза, чувствуя, как в нем медленно и неотвратимо нарастает бешенство.

— Бриллиант настоящий? — услышал Андрей. Он не сразу догадался, что вопрос задан забинтованным сапером. Сквозь прорезь в бинтах вопрошающе горели угольки глаз.

— Настоящий, — резко ответил Седой.

— За такого солитера можно купить неплохое место в загробном царстве.

— Что и собираюсь сделать, — в тон саперу сказал разведчик.

— Не психуйте, гауптман, — голос из-под бинтов звучал глухо, но дружелюбно, — вы должны знать, что, нося на руке целое состояние, становитесь крупной дичью, а в этих местах собралось множество охотников... И с большой практикой, заметьте.

— Ну и шутник вы, Фридрих, — пробормотал Хольц.

— Я вот думаю, зачем сюда пожаловал Скорцени, — невозмутимо отозвался Корн, — если пить чай, то мог бы...

— Осторожно, майор, — пробурчал из угла Каргер, — это не вашего ума дело.

В бинтах заклокотал смех.

— Господа, пока есть вино и светит солнце, оставим пикировку.

Рорбах легким движением поправил галстук:

— Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть завтрашний день. Нам предстоит долгий путь, господа. Предлагаю идти вместе. В какой-то мере мы знаем друг друга, и это немаловажно..

Рорбах поднял бокал с вином.

«Сухов был прав, — думал Седой, — крысы побегут с корабля стайками. И может быть, даже завтра. Появление Скорцени в Аусзее — это сигнал...»

Вечер давно шагнул в ночь, а ресторан гудел как разтревоженный улей. У всех было предчувствие, что ночь эта последняя, что завтра кончится отлаженная цивилизная жизнь и начнется другая — горькая и трудная, с ветром и снегопадами, с ночлегом в тесной палатке, с возможной погоней.

Седой ждал, когда компания достаточно охмелеет, чтобы совершить то, что рекомендовал подполковник Сухов. В полночь, чувствуя непривычную тяжесть в голове, он властным жестом подозвал официанта и, тупо глядя ему в лицо, командирским тоном приказал:

— Эти фиалки убрать, принести свежие...

Все удивленно посмотрели на Седого.

— Эти цветы почернели от времени, — мрачно пробормотал разведчик, — убрать.

— Вам придется исполнить каприз барона Удо фон Плаффена, — пьяно усмехнулся Хольц, — он хозяин стола.

Голова Седого безвольно качнулась.

Он казался пьяным даже самому себе. Из ресторана они ушли вместе с Рорбахом.

...Он сидел в мягком кресле перед открытым окном, не зажигая света. И знал, что сквозь ночную темень на него смотрят глаза врагов.

«Я вижу их глаза», — думал Долгинцев. За долгие годы войны он научился различать глаза, полные затаенной или открытой злобы. Такие они были вчера у Хольца за ужином в ресторане. Он хотел казаться улыбочивым и веселым парнем, но его выдали глаза.

«Наверное, и они чувствуют мои глаза тоже, — усмехнулся Седой, — я не могу скрыть своего презрения ко всей троице. Вот только Лота... Что-то в ней не так».

Он иногда ловил на себе ее внимательный, теплый взгляд. Или ему казалось. Во всяком случае, в нем не было враждебности.

«Скорей всего это игра, чтобы усыпить бдительность, — скользнула ленивая мысль, — они мастаки на такие представления. Нужно выспаться...»

* * *

Седой проснулся ночью от шороха. Открыл глаза и сразу услышал дыхание того, кто стоял в углу комнаты, прячась за шкафом.

«Спьяну чудится черт те что. Я же помню, как закрыл дверь на ключ, да и сам ключ остался в скважине. В комнате никого не должно быть. Не хватало только галлюцинаций».

И все же он проснулся и почувствовал в полной темноте пристальный взгляд человека. И услышал его дыхание.

«Пистолет. Где пистолет? Ах да, в кобуре. Ремень с кобурой на стуле — не дотянуться. Нужно ждать. Ждать. Ведь так просто убить спящего... Он должен подойти к кровати. Вот тогда...»

Но и человек, затаившийся за шкафом, инстинктом догадался, что Седой проснулся. В лицо ударил сильный снап света.

— Не шевелиться... иначе пуля. Где оружие?

Яркий свет обжигал, слепил и казался нестерпимо долгим выстрелом.

Седой не раз переживал состояние полной скованности, когда мощная непреодолимая сила прижимает тебя к земле, и все над тобой гудит и свистит от бешено петящего металла, и ты беспомощен что-либо сделать.

И, быстро осознав свою беспомощность, Седой спокойно сказал:

— Пистолет в кобуре на стуле...

Свет метнулся по комнате, и разведчик разглядел того, кто каким-то чудом проник в его комнату. Все было обычно-

венно в этом человеке: серый плащ, серая шляпа с широкими полями, длинное невыразительное лицо. В его руке чуть подрагивал девятизарядный «вальтер».

— Руки... — приказал человек, подхватывая со стула кобру с пистолетом.

Андрей выпростал из-под одеяла руки. Луч мощного фонарика уперся в пальцы и сделал их белыми, бескровными.

— Где камешек?

— А я думал, вы собирались проверять документы, господин грабитель.

Седой сказал это мягко, с легкой издевкой, словно и не видел направленного в его сторону «вальтера».

— Двух дырок будет достаточно, барон, — хрипло засмеялся человек в плаще, — так: камешек или две пули?

— Предпочитаю две пули и тебя на виселице, милейший... Чем скорей ты выберешься из моей комнаты, тем больше шансов сохранить шкуру.

Седой чувствовал — грабитель в замешательстве. Тот не предполагал, что события примут такой оборот. Он был смущен бесстрашием владельца бриллианта, его уверенностью и спокойствием.

Погас свет фонарика. Седой услышал, как щелкнул замок, дверь бесшумно и быстро открылась, и наступила тишина. И Седой, не успокоенный после ожога страха, долго лежал в этой тишине, вспоминая все, что произошло, до мельчайших деталей. Больше всего его раздражало то, что он не услышал, как вошел грабитель. Он возник неожиданно, как привидение, и, если бы не навыки фронтового разведчика, Андрей закричал бы, давая разрядку взвинченным нервам.

«Собралось множество охотников и с большой практикой», — вспомнил Седой слова забинтованного сапера. Он встал с постели и включил свет. И вздрогнул. На столе лежал большой запечатанный конверт.

Он знал ледяное ощущение одиночества. Ему случалось выбрасываться из самолета с парашютом в глубоком немецком тылу и по неделям жить чужой жизнью, а то и вовсе одному в сырых лесных землянках.

Сейчас он страшился вскрыть конверт, потому что боялся снова остаться один.

Седой закрыл дверь на ключ и взял в руки конверт. Осторожно надорвал его. На стол упала записка.

«Приказываю идти с группой Рорбаха. Достаньте темные очки и теплые перчатки. Следует изучить карту южных Альп — направление Северная Италия. Рация захвачена гестапо. Радист погиб. Австриец провален. Письмо из Центра уничтожьте. Будьте внимательны. Связь односторонняя. Записку сжечь. В знак того, что вы прочитали записку и согласны выполнять мои распоряжения, совершите завтра с майором Рорбахом прогулку на катере. Купите на набережной у женщины с зонтом букет хризантем. Подарите их фрау Хольценбайн. Аякс».

Глядя на горящий листок бумаги и потом растирая меж пальцев пепел, Седой думал о человеке, многие годы, день за днем идущем по краю бездны.

Он не читал по-фронтовому точных, лаконичных радиogramм Аякса, но представлял себе всю сложность и опасность его работы.

Андрей подошел к шкафу и достал из тайника перстень, долго разглядывал его. Он только сейчас заметил, что камень имеет голубовато-зеленый оттенок.

Седой твердо решил сохранить бриллиант. Он теперь уже не сомневался, что письмо от Аякса принес «грабитель». Проверка была грубой и рискованной из-за недостатка времени.

Время теперь несло вскачь. Если бы не эта неразбериха, он, безусловно, попал бы в сферу интересов гестапо, и тогда пришлось бы пройти всестороннюю проверку. Гестапо слави-

лось оперативностью. Но не сейчас, когда приходилось спешно упаковывать чемоданы.

Седой понимал, что не от хорошей жизни Аякс пошел на такой риск. Меры предосторожности, которые он предпринял, были не очень надежны, и если формально следовать правилам разведки, то тот, кто скрывается под этим псевдонимом, должен замереть, затаиться, кануть на долгие месяцы в водовороте крупного города. Может, так бы оно и было, если бы не кончалась самая страшная в истории человечества война.

Уходя на задание и после, ведя разведку в тылу врага, когда приходилось особенно тяжело, Седой всегда вызывал в памяти картину атаки. Он ясно видел, как по команде ротного солдаты встают и бегут вперед навстречу рвущим воздух осколкам и пулям, забывая о смерти и всегда помня, во имя чего принимают ее.

* * *

— У майора фон Рорбаха было много друзей. Он учился с ними в академии, соревновался на ипподроме и просто рос под скупым солнцем Восточной Пруссии.

Рорбах лениво взглянул на плывущих навстречу катеру лебедей.

— Вы должны меня понять, потому что ваш отец владел имением и стрелял диких голубей ради забавы в собственных лесах. Гауптштурмфюрер Каргер не учился в академии и не знает, что Киото — древняя столица Японии, как не знает того, что «Мозельвейн» двадцатого года нельзя запивать белым баварским пивом. Он учился делать колбасу, когда обожаемый фюрер взял власть...

— Американцы взяли Зальцбург, — сказал Седой.

— Вы хотите сказать, что аудиенция у Кальтенбруннера не состоится?

— Я не хочу сдаваться американцам...

— Вы знаете содержание письма, которое вручили Айгруберу?

— Нет. Но догадываюсь, о чем мог просить отец...

— Он просит переправить вас в Испанию...

Рорбах смотрел в упор. Седой не отвел взгляда.

— Вы пойдете с нами, Удо. Война должна родить войну. Может быть, не так скоро, как бы нам хотелось, но это произойдет. Пока существует большевизм, мы дорого стоим, барон. Я думаю, что, пригласив меня на прогулку, вы хотели услышать именно это, Удо.

— Благодарю за доверие, — кивнул Седой.

Они сошли с катера и пошли по набережной в направлении старой, белой от времени церквушки, и по дороге Седой купил у женщины с зонтом букет роскошных махровых хризантем.

— Даме сердца, — улыбнулся Рорбах.

— Фрау Хольценбайн, — ответил с улыбкой Андрей.

— Хризантемы заставили меня вспомнить Японию. Жесто-

кость и нежность — такова эта нация. Вот послушайте, Удо, о чем писал японский поэт Фудзивара Киесиэ в семнадцатом веке!

О, этот мир, печальный мир и бренный!
И все, что видишь в нем и слышишь, — суета.
Что эта жизнь?
Дымок в небесной бездне,
Готовый каждый миг исчезнуть без следа.

— Вы много повидали... — грустно заметил Седой.

— Не прибедняйтесь, Удо. Вы тоже. Африка, Франция, Греция и, наконец, Россия. Вермахт шагал широко... Вы даже стали седым...

— В Белоруссии, Зигфрид, можно было стать и зеленым.

«Он знает обо мне, то бишь об Удо фон Плаффене, много, но не все. И он еще не видел фотографии настоящего отпрыска рода фон Плаффена. В письме генерала СС не упоминались ни Франция, ни Греция — значит, началась проверка. Они не хотят идти в Швейцарию с неизвестным. Вот только успеют ли? Если успеют... пуля — это самое легкое, на что можно рассчитывать».

Седой знал, что его могут фиксировать на игру вазомоторов, нервную реакцию. Органолептику они проходили во втором классе разведшколы. Но как раз здесь-то их не мог ждать хоть какой-нибудь результат. Вживаться в роль Седой умел. Играть же немецкого офицера ему приходилось не раз, правда, в несколько иных обстоятельствах. И его не нужно было учить азам офицерского этикета и сдержанного чиновничества.

Вернувшись в пансионат и вручив фрау Хольценбайн хризантемы, разведчик поднялся к себе, пообещав Рорбаху быть к обеду. Подошел к окну. Осторожно выглянул из-за шторы. Так и есть. Фигура в штатском маячила на углу улицы, там, где к зданию пансионата примыкал аккуратный домик под черепичной крышей. Человек, не таясь, прохаживался вдоль ограды. Седой заметил его еще вчера днем, но не придал этому значения. Вспомнилась и другая фигура в штатском. Она «вела» его с Рорбахом с самого начала прогулки; шпик словно бы нарочно обращал на себя внимание, Седому стоило большого труда не оборачиваться.

«Вот почему Аякс приказал сжечь письмо из Центра, они фиксируют каждый мой шаг».

Седой достал из внутреннего, вшитого под подкладку мундира кармана крошечный конверт. Отошел в глубь комнаты, захватив со стола пепельницу, зажег спичку.

* * *

Ночью бывшая часть обитателей Аусзее перебралась в Кремс-мюнстер. Эмигранты всех мастей спешили навстречу приближающимся американцам, предпочитая унижение плена возможной гибели от рук людей Каптьена и Скорцени. К тому же ни для кого не было секретом, что копи, расположенные близ Альтаусзее, будут рано или поздно взорваны.

Группа Рорбаха собралась на одной из тайных квартир гестапо. Каждый получил меховую одежду, горные ботинки, ледоруб. И три альпинистские палатки на шестерых. При распределении палаток произошла заминка. Мужчины решили предоставить Лоте Кестнер право выбора напарника по ночлегу. Лота усмехнулась и показала рукой на спальный мешок:

— Я буду спать на воздухе.

Рорбах кивнул соглашаясь. Забинтованный сапер махнул Седому рукой. У Андрея дрогнуло сердце. С той минуты, как он сжег записку, разведчик не переставал приглядываться к своим будущим спутникам. Жест, реплика — все для него было полно особого смысла. Корн вызывал в Седом чувство симпатии. Он любил людей насмешливых, ироничных. Рорбах рассказывал, что в руках сапера взорвался детонатор, ему обожгло лицо и разбило челюсть. С таким ранением не до смеха — Корн смеялся. Рослый, с широкими покатыми плечами, он таил в себе огромную физическую силу.

Седой ответно махнул саперу рукой и принялся укладывать рюкзаки.

Последнее убежище эсэсовцев провожало группу Рорбаха громким собачьим воем. Служебные псы, брошенные своими хозяевами, голодные, металась по улицам, пугая обывателей.

— Они накличут на нас беду, — проворчал Хольц, оглядываясь с крутого обрыва на городок, где уже мелькали белые лоскуты флагов.

— Им забыли дать циан...

Каргер длинно выругался и вызывающе посмотрел на Лоту. Бледное лицо ее, обрамленное меховым капюшоном, осталось непроницаемым.

Из-под бинтов послышался смех, похожий на клекот. Раненого сапера явно забавляли страхи уходивших в горы людей.

Альпийские луга кончились за первой же серой каменной грядой. Повеело холодным простором, впереди запестрели плешинки снега, подъем стал круче — начинались настоящие Альпы, вздыбленный хаос скал, одетых в лед и снег.

Три связки шли, проваливаясь по колено в снег, помогая себе ледорубами. Все надели темные очки.

Каргер жадно хватал ртом воздух. Было видно, что он устал, шел тяжело, покачиваясь словно пьяный.

Снежное плато вывело группу к подножию крутолобой горы, вдоль которой тянулся острый гребень со спусками и подъемами.

Седой шел в паре с Лотой. Пройдя на длину веревки, он останавливался и страховал эсэсовку. Лота передвигалась медленно — видно было, что каждый шаг дается ей с большим усилием.

«Никогда не ходила в горах, — подумал Андрей, — такой не доверят микропленку. Значит, Рорбах или Хольц. Каргер тоже не дойдет до перевала».

О Корне Седой думал как о союзнике. Им придется спать в одной палатке, и он надеялся на откровенный разговор.

Уже густели, наливаясь холодом, сумерки в долине, когда группа вышла к домику альпинистской спасательной службы. Вместе с сарайчиком, слепленным из камней, эти сооружения

были последними домами до самого перевала. Дальше могли встретиться лишь заброшенные хижины охотников.

Первыми достигли каменного заборчика Рорбах и Корн. Они молча курили, сидя на валунах, поглядывая на тяжело идущих по склону спутников.

Дом и сарайчик оказались пустыми. В них никто давно уже не жил.

Каргер молча, не раздеваясь, повалился на панцирную кровать и мгновенно уснул.

— Он съел за свою долгую жизнь слишком много бифштексов, — мрачно пошутил Хольц.

— Нужно развести огонь, — сказала Лота. — Здесь холодно. Удо, в сарае есть дрова. Наколите помельче. Я займусь ужином...

Седой накинул на плечи сброшенную было куртку и взял с тумбочки перчатки. И вдруг услышал, как в одной из них что-то хрустнуло. Он быстро вышел и на подходе к сараю надел перчатки. Ладонь левой руки ощутила угольчатый край сложенного вчетверо листа бумаги. В сарае было темно, и Седой зажег спичку.

«Ночью не спать. Опасность заговорить во сне по-русски. Вас подозревают. Будьте внимательны и осторожны. Запоминайте дорогу — возможен обратный маршрут. А.»

Разведчик тщательно растер пепел и рванул воткнутый в толстое полено заржавевший топор. Раскальвая толстые сырые чурки, он вспомнил, как вошел в дом, бросил перчатки на тумбочку — нет, сперва он поставил ледоруб в угол, снял рюкзак, а потом уже снял перчатки. Кто был рядом? Хольц! Потом подошел Корн и включил фонарик. Затем вошли Лота и Рорбах. Он нагнулся над рюкзаком, и тогда Лота сказала насчет колки дров. Кто же? Не спать ночью? Как он сам не подумал об этом?

Бессонная ночь. Она знакома Седому. На войне их было так много, что и за несколько лет не отоспаться. Андрей вспомнил июньские ночи на родной заставе. Гул танковых моторов на сопредельной стороне, лязг железа и отраженный призрачный свет. До сна ли тогда было ему, совсем еще юному лейтенанту, год назад окончившему пограничное училище.

Седой вышел из сарая с охапкой дров.

Холодало. На северной стороне неба появились «кошачьи хвосты» — высокие перистые облака — первые предвестники наступающей непогоды.

«Будет метель. Почему Аякс не сообщил, кто идет с микропленкой. Не знает сам? Не знает. Меня подозревают. И все же Аякс здесь. Значит, я ему нужен — и это главное».

То, что его подозревают, Седой чувствовал и сам. Первые дни в Аусзее ему казалось, что это тщательно скрываемая неприязнь не нюхавших пороху гестаповцев к военному человеку, фронтовику. Но с появлением «тени» понял, что это не так. За пансионатом следили днем и ночью. Седой, даже если бы очень захотел, не смог исчезнуть из городка. И Аякс знал об этом. Значит, ему нужно, чтобы меня подозревали.

«Я иду за ним, как слепой по краю пропасти, — подумал Седой, — оступится он, покачусь с кручи и я».

* * *

Он боялся уснуть. Усталость все-таки подстерегла его. В доме стояла душная, пахущая гниющим деревом темнота, из которой доносились храп, стоны, невнятное бормотанье спящих людей.

И все же Седой знал — не спит еще один человек. Тот, кто отдал ему приказ не смыкать глаз.

Андрей лежал на спине и сквозь полуприкрытые веки смотрел на деревянный потолок, смутно чернеющий в призрачном, тусклом свете, льющемся в широкие проемы окон.

Вспомнилось, как год назад вот так же лежал он на разостланном тулупе на полу родного дома и делал вид, что спит.

Андрей приехал домой всего на два дня проведать мать. Она не спала в ту ночь, тихо сидела у его изголовья, иногда шептала что-то жалобно, боясь разбудить его.

Он был у матери один. Отца Седой не помнил. Он погиб в двадцать втором году, гоняясь в Средней Азии за бандами басмачей. Осталась только фотография — высокий, широкоплечий человек с открытым молодым лицом, в командирской гимнастерке с наганом на ремне.

Андрей рос, как все мальчишки в деревне, а повзрослев, уехал в пограничное училище, твердо решив идти по дороге отца. Война. Она прибавит к его биографии такое количество событий и дат, что никакого анкетного листа не хватит и придется писать повесть о собственной жизни, ничего не выдумывая и ничего не прибавляя.

Он простился с матерью в тот единственный свой приезд, так и не сказав ей, кем он служит в армии и где воюет. Законы жизни, по которым живет разведчик, суровы и жестоки. Уходя на задание, он оставляет на родной земле награды, документы и свое настоящее имя.

Андрей смотрел в потолок и мысленно перебирал события последних дней. Гитлер так и не прилетел в Альтаусзее. «Железный Кальтен» выпустил своих подчиненных, а точнее, секретные службы фашистского государства. И десятки тысяч их, словно жуки, расплозились по территории Германии, меняя облик, документы, придумывая легенды о своем прошлом. Организационно сохранилась лишь элита — лучшие из лучших, те, кто должен, по мысли гитлеровской верхушки, спровоцировать новую войну. Сохранилась и агентурная сеть, созданная при отступлении во всех без исключения странах, которые выходили из войны или поворачивали оружие против вермахта.

Подумать только, списки этих строго законспирированных агентов с подробными характеристиками и адресами находятся сейчас от него, может быть, в каких-нибудь полутора метрах.

Возможно, что это только фотокопии, но как они нужны нашей контрразведке. Еще сутки идти до перевала. Там ждут. Самый север Италии в руках у немцев. Дивизии генерала Виттинхофа еще сопротивляются. Из Северной Италии проще уйти в Швейцарию. Значит, в эти сутки все и решится.

За окнами вставало блеклое, похожее на сумерки, утро. Всех разбудил Каргер. Он шумно сел на кровати и громко и хрипло кашлянул. Вскочил Хольц и осторожно выглянул в окно. Он, конечно, знал, что моторизованные отряды американцев, растекаясь в межгорьях, еще не достигли Альтаусзее, и все же в силу профессиональной привычки первым делом осматривал окрестность.

Седой вышел из домика. Словно ожидая чего-то, вглядывался разведчик в бесстрастные каменные громады.

Гасли звезды. Вершины становились золотыми: на дне уще-

лий таяли последние клочья ночного мрака. Но тени еще не обозначились четкой чернотой, а лишь чуть наметились размытыми очертаниями.

Из сарайчика вышла Лота — она там ночевала, — молча кивнула и прошла в дом.

Завтракали в полном молчании. Один только раз Рорбах, протянув Седому буханку хлеба, сказал:

— Удо, нарежьте хлеб...

Ничего необычного не было в этой просьбе. И все же Андрей вздрогнул. Он поймал напряженный взгляд Лоты и взял нож. И хотел уж было поднести левой рукой буханку к груди, как вдруг вспомнил, что так режут хлеб в российских деревнях — к себе на грудь. Положил буханку на стол и стал нарезать хлеб аккуратными тонкими ломтями. И не смог сдержать усмешки.

— С детства не умею резать хлеб, — сказал Седой, — у нас дома это всегда делала прислуга.

— Надо полагать, вы кое-чему научились на фронте, — проворчал Рорбах.

Больше никто не сказал ни слова. Андрей взглянул на Лоту. Она сидела, полузакрыв глаза, уголки ее красивого жесткого рта едва заметно вздрагивали.

«Ирония хороша, когда ею прикрывают то, чего нет на самом деле. Майнлибер Андрей, ты умеешь превосходно стрелять, драться; можешь не спать несколько ночей кряду, ты даже умеешь прыгать с парашютом, но ты плохой психолог и не слишком наблюдательный человек. Тебя по-дешевому провоцируют, и ты едва не клюешь на провокацию. А то ли еще будет. Корн пил через соломинку кофе. Каргер просто жевал. Хольц и Рорбах. Вот кто наблюдал за тобой. Аякс, конечно, кроет тебя, Андрюша, всеми нужными в таком случае словами. Но ведь нас двое, а их всего-то четверо. Когда ты злишься, Андрюша, ты сразу лезешь в драку. А ты ведь человек для особых заданий, и у тебя дело чрезвычайной государственной важности. Наблюдай, жди, как приказано, и мой руки перед едой».

Утренний взблеск гор погас, словно его выключили, а четверть часа спустя повалил густой липкий снег.

Рорбах раздал всем по две таблетки фенамина. Таблетки проглотил только Каргер.

Над ними висела белая шапка горы. Разорванные глыбы ноздреватого льда иногда высверкивали сквозь снегопад — гора была выше снеговых туч, и там светило солнце.

С маленького плато, где приютился домик спасательной станции, тропа круто взлетала вверх, будто аркан. Потом она раздваивалась, петлей охватывая обрыв, над которым возвышалась одинокая шпильобразная скала, похожая на обелиск. Оттуда тянуло холодом и мраком. И там был ветер. Внизу же было тихо, и группа сравнительно легко поднималась скальными террасками к взлобью большой горы, название которой Седой прочитал на карте, но так и не запомнил. Он шел на всю длину веревки, которой был связан с Лотой, и с неистребимой привычкой армейского разведчика всматривался и вслушивал-

ся, считая, что тем самым выполняет приказ Аякса — запомнить дорогу.

Снег шел уже два часа. При полном безветрии он падал и падал, сцепляясь в крупные хлопья, ложась на скалы причудливым белым покрывалом.

Седому вспомнились читанные когда-то стихи:

Снег, снег, снег,
Чьи-то шаги в тишине,
Старый идет человек
По собственной седине.

«По седине идет — это хорошо сказано. Но он-то не старый. Он еще поживет, послужит. Обязательно в разведке. Эта служба ему и по характеру и по призванию».

Привал с часовым отдыхом устроили в просторном кулуаре между двумя гребнями.

Снег немного поутих, поднялся ветер. Обед был более чем скудный — по четыре галеты и стакану теплого кофе.

Андрею нестерпимо захотелось покурить. Дым от сигарет раздражал его.

Таблетки фенамина он так и не проглотил, опасаясь подвоха, и теперь чувствовал, что устал. Хватит ли сил до перевала.

Видимость улучшилась, и по указанию Рорбаха дальше двигались без страховки, соблюдая дистанцию в пять шагов.

Около часа группа двигалась вдоль гребня старым альпинистским маршрутом и подходила уже к скале-обелиску, когда Седого внезапно охватила глухая, неясная тревога. Так часто, не видя, ощущает человек приближение облачной тени, беззвучно бегущей по земле.

Он еще полностью не осознал почему, подобно неожиданному, как удар, подозрению, возникло это предчувствие. Что-то произошло в передвижении фигур впереди и позади него. В мгlistой сумятице снега все это могло и показаться, но только не Седому, обостренно воспринимавшему теперь даже интонации знакомых голосов.

Разведчик все так же равномерно шагал по тропе, подставив плечо ветру, чувствуя, как в левой половине груди задрожал и забился тревожным звоном колокольчик опасности.

Незаметным движением Андрей снял пистолет с предохранителя и переложил его в карман куртки. Вспомнил о бриллианте — он лежал в нагрудном кармане, упрятанный в брикет жевательной резинки. Достал и сунул в рот. Седой твердо решил — случись что, бриллиант на фашистское подполье работать не будет.

Перстень с монограммой сделал свое дело. Сухов оказался прав — камешек сработал как прикрытие и, возможно, как приманка. Андрей подозревал, что в группу его взяли не за личные заслуги и, уж конечно, не за «аристократическое происхождение». Предчувствие не обмануло Седого. Когда он поднялся на последнюю перед шпалеобразной скалой выступ-площадку, Каргер, шедший сзади, метнулся ему на спину, пытаясь левой рукой захлестнуть горло.

Броском через бедро Андрей свалил грузного эсэсовца на землю и отступил к скале. Хольц взмахнул рукой — он стоял сбоку от разведчика. Седой успел заметить зажатый в руке кастет. Мгновенно перехватил руку, вывернул ее и сильно ударил ребром ладони по шее. Хольц рухнул как подкошенный. Рорбах и поднявшийся Каргер одновременно кинулись на разведчика. Андрей упал и тут же сдвоенным ударом ног в живот свалил Рорбаха. Каргер успел зацепить Седого ногой. Острая боль ударила в голову, а руки автоматически поймали ногу эсэсовца, и тот со стоном упал на склон. «Теперь быстро встать!» — приказал себе Седой.

На самом деле поднимался он тяжело и получил еще удар — на этот раз кулаком по печени. Длиннорукий Хольц достал его левым боковым.

«Боксер», — усмехнулся Андрей и рванул из кармана пистолет. Он едва успел вскинуть его, как откуда-то сбоку хлопнул выстрел, точно пущенная пуля вырвала парабеллум из руки Седого, рикошетом скользнула возле правого виска, слегка контузив разведчика. Он не упал, а только качнулся и увидел, словно сквозь туман, на гребне знакомую фигуру Корна. В правой руке тот держал пистолет, левая сжимала приклад английского автомата «стен». Седой вздрогнул. На сапере не было бинтов. Изящная меховая фуражка едва прикрывала его выпуклый бугристый лоб. Лицо было волевым, с крупными чертами.

— Всем стоять смирно! Слушать мой приказ. Через час вы можете продолжать движение. Каждый, кто приблизится ко мне ближе чем на сто метров, будет убит.

Корн поднял над головой автомат.

— Этого человека, — вооруженной рукой он указал на Седого, — допросить и расстрелять... Перстень с бриллиантом сдать по прибытии на место в фонд будущей Германии.

Говоривший, не поворачиваясь, сделал несколько шагов назад и скрылся за гребнем.

— Айсфогель... — пробормотал Хольц и достал пистолет.

Они шли к нему с трех сторон, еще не зная, что бриллиант затоптан Седым в снег в самом начале схватки, слева от скалы.

«Если я сейчас брошусь на них, они стреляют меня тремя выстрелами. Что же Аякс?..»

Впервые за время схватки он поискал глазами Лоту. Она стояла у самой пропасти, засунув руки в карманы куртки, и, как показалось Седому, отрешенно смотрела на него. И вдруг он увидел, как Лота едва заметно покачала головой, вынула руки и демонстративно заложила их за спину.

«Она говорит мне, чтобы я не сопротивлялся. Она не уверена, что Корн-Айсфогель ушел. Она потому и стоит у самого края — оттуда проматривается поворот, которого не миновует идущий вдоль гребня».

Седой дал себя связать. Получить сейчас пулю было бы непростительной глупостью. Они поставили его к скале-обелиску.

Хольц ткнул Седого пистолетом в грудь.

— На кого работаете, барон?

— На себя, — глухо буркнул Андрей.

— Не лгите. Мы не мальчики. Так на кого? На Си-ай-си? Или, может быть, на Джи-ту?

— На дефензиву, — опять буркнул Седой.

— Оставьте его, Хольц, — вмешался Рорбах. — Он русский. И работает на Московский центр.

Каргер быстро и профессионально обыскал Седого.

— Где камень?

— Он фальшивый, Каргер...

Седой улыбнулся.

— И потом... Я предвидел этот грабеж.

— А пулю ты предвидел?

— Не исключал такой возможности...

— Получишь... Между прочим, ты мне сразу не понравился...

— А я вас полюбил с первого взгляда, Каргер. Такой добродушный малый...

— Мы устроим «тир», — бормотал Хольц, — я давно не стрелял в живого большевика.

«Войне конец, — подумал Андрей, — может, сейчас, сию минуту... Что же она медлит, Лота Кестнер? А не ошибается ли он? Женщина могла просто покачать головой, сожалея или не принимая того, что здесь происходило. Тогда без последней рукопашной... Айсфогель... Ледяная птица. Фамилия? Или кличка... Предпочел немецкому «шмайсу» английский «стен»... Стреляет как бог. Противник серьезный».

Хольц, Каргер и Рорбах разглядывали Седого с любопытством и ненавистью.

— Тридцать метров, — сказал Хольц, — ставлю бутылку «Мартеля»...

— Нет, Ганс, — Рорбах протестующе поднял руку, — «тир» так «тир». Тридцать метров, и каждому по два выстрела. Стрелять по конечностям. Мы четвертуем его...

Андрей взглянул на Лоту. Она стояла теперь совсем близко к обрыву. Капюшон на ней был откинут, и волосы разметались по плечам. Ветер заламывал ее хрупкое тело над обрывом. Седому казалось, что еще мгновение и ветер столкнет женщину в пропасть.

Каргер считал шаги. Заледеневший снег гулко скрипел под его ногами. Последней к пяточку, вытопанному Каргером, пошла Лота.

— Господа, — услышал Андрей ее металлический голос, — прошу право первого выстрела...

— Да, конечно, — сразу же согласился Хольц и объявил, как на ипподроме, — Лота Кестнер стреляет первой...

Лота расстегнула куртку.

— Дайте мне ваш «вальтер», Ганс, мой пугач слишком легок...

Хольц протянул ей пистолет. Она встала боком, как на дуэли, чуть согнула руку в локте и стала медленно поднимать ее, целясь Седому в голову.

Внезапно, когда все уже ждали выстрела, рука ее опустилась.

— Подарите мне пять шагов, господа... мне трудно целиться.

Голос ее прозвучал тускло, почти жалобно.

— Вы женщина, Лота, и имеете на это право. Делайте пять шагов и стреляйте, иначе наш пациент замерзнет.

Рорбах, как всегда, был снисходителен и вежлив.

Лота сделала первый шаг, и Каргер громко сказал:

— Один...

— Два... — сказали вместе Хольц и Каргер.

Им нравилась эта игра.

— Три... — скандировали они, — четыре... пять... Стой!

И вдруг она резко повернулась. Лота Кестнер стреляла в упор. Первым упал Каргер, так и не успев сообразить, что же произошло. Рорбах попытался выхватить из кармана куртки пистолет, но тут же рухнул, сраженный пулей в сердце. Хольц присел и прыгнул вперед, пытаясь достать Лоту своими длинными руками.

Она всадила в него две пули, и он зарылся лицом в снег у самых ее ног.

Лота повернулась к Андрею, бросила «вальтер» и, пошатываясь, двинулась к нему, слабо взмахивая руками, словно собиралась взлететь.

— Ох! — Ноги у нее подогнулись, и она рухнула в снег лицом. Но тут же попыталась подняться, бормоча: — Я сейчас... сейчас... у меня есть нож...

Лота снова упала, и Андрей услышал, как она тихо плачет. Расстрел эсэсовцев стал последней каплей нечеловеческого напряжения, в котором жила Лота все эти дни. И вот теперь, когда напряжение спало, не оказалось сил.

Андрей молчал. Он и сам чувствовал себя прескверно. Его бил озноб, горечь заполняла рот — удар по печени не прошел даром.

Наконец Лота поднялась и, пошатываясь, приблизилась к скале-obelisku. Держа нож обеими руками, перерезала веревку.

Седой вздохнул полной грудью, все еще боясь оттолкнуться от скалы.

— Как вас зовут? — устало спросил он. — Меня — Андрей...

— Я не могу сказать тебе своего имени, Андрияша...

Лота смотрела на Седого добрыми, ласковыми глазами, и что-то материнское, нежное было в долгом ее взгляде.

— Но я сделаю то, о чем мечтала всю войну. Я поцелую тебя за всю нашу Красную Армию, которая сломала фашистского гада... Я так долго ждала тебя... солдат...

— Да... — Седой откликнулся, как эхо.

Она приблизилась к нему, протянула руки. Андрей вздрогнул и закрыл глаза. Он почувствовал ее теплые губы всего на одну секунду. Ему показалось, что его поцеловал ребенок.

* * *

Он трогал ее смерзшиеся, запорошенные снегом волосы и тихо говорил:

— Я достану его... не волнуйся. Он ушел на расстояние крика.

— Да. Теперь я знаю — это он. Я так и думала, но не была уверена. Айсфогель... Я видела его однажды в Берлине. Никто не знает, в каком чине он служит в РСХА.

Лота подняла к Седому лицо.

— Андрей, это опасный, сильный человек. Будь осторожен. Возьми второй пистолет и все запасные обоймы. Я немного отдохну и пойду следом... Но пойдем мы не так, как он, а срежем угол. Под северным гребнем можно пройти к перевалу более коротким путем, но там в кулуаре почти всегда сходят лавины. В ясные дни с двенадцати до трех часов. Можно успеть...

Лота взглянула на часы.

— Сейчас десять... Он идет старой, проверенной тропой — не хочет рисковать. А мы должны... Нас теперь двое. И помни: английский «стен-ган» бьет на двести пятьдесят метров. Вот, возьми...

Лота протянула Андрею длинный красный шнур.

— Привяжи к руке — вдруг все-таки лавина...

Седой спрятал шнур в карман, пересчитал обоймы и тоже сунул в карман. Тяжело поднялся, прошел к скале-обелиску, присел на корточки и стал разгребать снег.

— Потерял что-нибудь?

Лота неслышно присела рядом.

— Танковую бригаду. Подполковник Сухов мне этого не простит. Фамильная вещь, известная всей Европе. Вот он...

Седой разжал ладонь с зачерпнутым снегом, извлек из белой массы жевательной резинки перстень и протянул его Лоте.

— Сдаю без расписки...

— Не годится, Андрей. Сам вручишь бриллиант Сухову Николаю Севостьяновичу...

— Ты знаешь Сухова?

— Знаю. Но об этом после... «Стен-ган» бьет на двести пятьдесят...

* * *

Он поднимался, и горы точно опускались. Когда он вышел на скалистый северный гребень, вершины уже стали ослепительно белыми. Весеннее солнце поднялось высоко, но здесь, у границы вечных снегов, было холодно и сыро. Тусклой голубизной отливали изломы ледников, прозрачные лиловые тени лежали в ущельях.

Седой надел темные очки, жадно искал глазами фигуру Айсфогеля, не нашел и подумал, что рано, тот еще идет под прикрытием гребня.

К кулуару Смерти Андрей подошел, когда все вокруг было залито солнцем. Он сделал несколько шагов и сразу оказался в полумраке. Солнце сюда не доставало. Со стен с гулким шипением спадали ручьи. Снег в кулуаре, смешанный с обломками скал, будто кто перепахал. Было угрожающе тихо.

Седой шагал быстро, как только мог. Ледяной разреженный воздух заставлял глубже дышать, сильнее биться сердце.

Он шел и думал о Лоте. Успеет ли она проскочить кулуар до двенадцати? Совсем обессилела. Седой знал, что такое стрелять в упор в человека, даже если он и враг. К этому трудно привыкнуть. А она скорее всего делала это впервые. По самой что ни на есть необходимости. От бедра, когда нет времени, чтобы вскинуть руку с оружием. Про камень-талисман это все байки. Ей было важно, чтобы я не потерял веру в себя, важно было снять элемент обреченности — возьми камень, меня могут убить... На войне убить могут всегда. Но сейчас он не даст этого сделать человеку с красивой кличкой Айсфогель.

Не зря же он, майор Долгинцев, четыре года только и делал, что бегал вдогонку за смертью, а когда она оборачивалась, обманывал и уходил от нее.

Сейчас он будет осторожен как никогда. И главное — заставить эту «птичку» смотреть против солнца. Против такого бешеного солнца прицельно не постреляешь. Фактор неопре-

данности само собой. И лучше бы достать его первой пулей — не «языка» же беру...

На выходе из кулуара Андрей обернулся на шум. Наверху от самого карниза отвалилась гигантская глыба снега и со свистом заскользила по склону. Она сметала на своем пути нагромождения камней и, набирая скорость, неслась в кулуар.

Седой и раньше видел лавины, но такой мощной пляски снега и камней ему наблюдать не доводилось. В кулуаре все кипело, ухало, грохотало, словно там одновременно рвались десятки тяжелых мин.

«Вот тебе и с двенадцати до трех, — подумал Андрей. — Весна нынче ранняя и солнце сумасшедшее. Год на год не приходится. Опоздай я на пять-шесть минут... и аминь...»

Сравнительно невысокий хребет, по которому двигался теперь Седой, вывел к небольшой каменной площадке, откуда начинался путь на перевал. Этого места Айсфогель миновать не мог. Слева поднималась совершенно отвесная двухсотметровая стена, справа синел смерзшийся фирн ледника.

Расчет Лоты оказался точным, если... Если Айсфогель не заметил его движения по гребню хребта. У него есть бинокль. Но как бы там ни было, путь на перевал ему закрыт. Остается попытка прорваться с боем.

Седой выбрал для засады ложбинку между двумя покатыми скалами так, чтобы солнце светило ему в спину. Он проверил оба пистолета, лег в начинающий подтаивать рыхлый снег и окинул взглядом холодный суровый мир гор. И вздрогнул. По леднику шел человек. Медленно, но уверенно поднимался он вверх, помогая себе ледорубом. Недосягаемый для пистолетного выстрела, он не оглядывался. Знакомый рюкзак все так же висел у него за спиной.

Пересекать ледник одному, без страховки, с альпинистской точки зрения, было чистым безумием. Но, может быть, не для этого человека. Недаром же его наградили таким прозвищем — «Ледяная птица». Он рискует жизнью, исключая риск боя. В случае неудачи он скатится по леднику в бездну вместе с тем, что несет.

«Сколько у него запасных дисков? — размышлял Седой. — Не больше двух. В горах каждый лишний грамм давит. Значит, если будет бить короткими... Нужно встать и идти. По его следам-ступенькам. Приблизиться на пистолетный выстрел. И вся надежда на слепящее солнце и... на усталость — Айсфогель шел быстро, и путь его был в два раза длинней. Должен устать, не железный же он...»

Впереди белели фирновые взлеты гребней. С них свисали наметенные ветром карнизы. Не обрушится ли хоть один из них от выстрелов? Такое в горах случается. Лавина может сорваться даже от звука голоса. И Айсфогель знает об этом.

Ледник, словно белый галстук, на темно-серой груди горы. Кое-где на нем видны «бараньи лбы» — округленные, заглаженные льдом и водами скалы.

Вмятины в фирне — следы Айсфогеля. А вот и характерные углубления, отпечатки «кошек», на которых прошел альпинист самые опасные участки. Андрей с трудом вбивал ботинки в плотный, смерзшийся снег.

Седой сохранял дистанцию на глаз. Двести метров, не больше. Айсфогель не оборачивался. Нужно заставить его нервничать. Разведчик поднял пистолет и выстрелил в воздух.

Гестаповец обернулся и дал длинную очередь. Пули взметнули фонтанчики льда у самых ног Андрея. Он упал на живот, вонзил ледоруб в снег и сполз на десяток метров вниз.

Следующая очередь была короткой — пули прошли над самой головой.

— Вот черт! — пробормотал Андрей, отползая за один из «бараньих лбов».

Он все еще надеялся на маленькую лавину, разбуженную выстрелами. И он увидел ее. После короткой очереди из «стенгана» с одного из гребней сорвался ком снега, прочертил на карнизе черную полосу и расколол снежное поле. Оно треснуло пополам и устремилось по центру ледника.

Седой встал из-за камней и закричал, предупреждая Айсфогеля о лавине.

Гестаповец обернулся, прыгнул в сторону и вдруг, осознав, что не успеет, устремился навстречу лавине, высоко подпрыгивая, словно намереваясь перемахнуть всю эту мчащуюся массу снега.

Белая ослепительная пыль скрыла его фигуру. Андрей лег в углубление за камнями и, вонзив ледоруб в снег, вцепился в него обеими руками. Задержал дыхание. Лавина задела каменный островок краем, накрыла удушающей ватной пеленой и промчалась дальше.

Седой выбрался из-под снега и взглянул вслед клубящемуся потоку. Внезапно на его гребне разведчик увидел фигуру Айсфогеля. Он, все так же высоко вскидывая ноги, бежал по лавине, не давая увлечь себя в ее глубину.

Андрей и раньше слышал о людях, седлавших лавины, и вот теперь видел высший альпинистский пилотаж наяву. Это граничило с чудом. И счастье Айсфогеля, что лавина не несла с собой камней. Она выдохлась на половине ледника.

Гестаповец выбрался на лед, и Седой не увидел на его груди автомата. «Стенган» поглотил снег.

Не было на Айсфогеле и светозащитных очков.

...Их разделяло шестьдесят-семьдесят метров. Но теперь гестаповец был внизу, и солнце светило ему в спину. Он потерял в схватке с лавиной и ледоруб, без которого продолжать путь по леднику было невозможно. Айсфогель избрал единственно верное решение. Он стал медленно и осторожно спускаться к площадке, на которой час назад Седой лежал в засаде.

Андрей отчетливо слышал шипящий звук, издаваемый летевшими из-под ног гестаповца льдыстыми крупинками.

«Если Лота идет тропой, по которой шел гестаповец, она слышала выстрелы и поспешит, — думал Седой, — я должен его задержать. Как? Соблазнить его живой мишенью. Не дать ему пристреляться, все время вести огонь самому».

Седой достал второй пистолет и поднялся из-за гладкого валуна.

Он стрелял с обеих рук, пританцовывая на ледяной площадке возле камня, бросаясь то вправо, то влево, падая и снова вскакивая, слыша, как постанывают над головой пули, послан-

ные из девятизарядного «вальтера» с расстояния, когда опытный стрелок поражает мишень с первого выстрела.

Андрею мешало солнце, оно теперь было его врагом. Да он и не вел прицельного огня, стреляя в контур, в силуэт, не давая противнику продолжать спуск к площадке. И потом это было чужое, не им пристрелянное оружие. Он считал свои выстрелы и оставил два патрона в парабеллуме на самый край-

ний случай, когда увидел поднимающегося ему навстречу Айсфогеля. Этот человек не знал страха. Опасность только подхлестывала его. Так казалось Седому. И все же он заметил, что Айсфогель идет как бы на ощупь, его мотает в стороны.

«Ранен, — мелькнула мысль, — решил подняться на верный выстрел. Теперь пора его стреножить, самое время».

Андрей поднял пистолет, тщательно прицелился, щурясь от яркого, бьющего в лицо солнца. Глухо клацнул ударник. Осечка?

«Это нужно было предусмотреть, разведчик Долгинцев, и оставить по патрону в каждом стволе. Умереть после всего, что было. Нелепость».

Седой отбросил парабеллум и взялся за ледоруб. Только теперь Андрей разглядел того, кого называли «Ледяной птицей». Высокий бугристый лоб и четко очерченный, сильно вытянутый овал лица. Гестаповец сильно щурил большие черные глаза, словно искал что-то в лице противника.

«Не двигайся, — приказал себе разведчик, — три метра. Не промахнется. Целится в голову — это уже шанс. Если бы в сердце, тогда почти никакого. Рука дрожит. Устал».

Не спуская глаз с пистолета, Седой видел теперь только руку и белый от напряжения палец на спусковом крючке.

«У него последний патрон, поэтому он медлит. Нет. Снежная слепота. Ведь он полчаса, как без очков».

Мысль вспыхнула и ослепила. Разведчик сжал ледоруб, резким и быстрым движением обеих рук метнул его в голову гестаповца.

Хлопнул выстрел. И в следующее мгновение Андрей услышал взвизг металла и ощутил тупой удар в голову. Пуля попала в ледоруб и рикошетом угодила Седому в левую часть головы, прикрытую теплой меховой шапкой.

Разведчик упал и стал медленно сползать вниз. Словно в полусне услышал:

— Андре-еэ-эй!

Ему казалось, что он целую вечность слышит этот по-детски тонкий голос. Он напрягал всю свою волю, пытаясь узнать его, но глухой, идущий из глубин мозга гул, мешал ему сосредоточиться.

Сознания коснулись знакомые резкие звуки. Они вернули Андрея из забытья. Где-то рядом стреляли.

Седой почувствовал, что скользит по леднику, перевернулся на живот, раскинул руки и ноги в стороны, цепляясь за малейшие неровности, мелкие ледяные заусенцы. Спас его скрытый под снегом заструг, образовавшийся от натеков с тающего дном снега.

Андрей разлепил запухшие от удара глаза и сквозь красный туман увидел идущего по краю ледника Айсфогеля. Гестаповец шел, вытянув вперед руки, как слепой. В одной из них Седой заметил сверкнувший тонкий длинный клинок. Вдруг он остановился и стал торопливо снимать ранец.

«Сейчас он поищет лицом солнце, развернется и выбросит ранец в пропасть. В нем микропленка... тысячи адресов и явок... Где же Лота?»

Седой попытался приподнять голову. Близкий выстрел за-

ставил его вздрогнуть. Андрей успел зафиксировать в сознании падающую фигуру гестаповца и впал в забытие.

...Он пил, захлебываясь, горячий кофе прямо из термоса, Лота с улыбкой смотрела на него, потом тихонько засмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Ты чего?

— Ты рыжий, Андрюша... Я все думала, какой ты, с головы седой... не поймешь. А борода выдала... Рыжий...

Андрей провел рукой по щеке. Трехдневная щетина сухим репейником обметала подбородок и скулы. И тоже засмеялся мелким тугим смешком, держась обеими руками за голову, потому что смеяться тоже было больно.

— Хочешь, я прочту тебе стихотворение Пушкина?

— Зачем?

— Я давно ни с кем не говорила по-русски, Андрюша...

— Наговоримся еще, — посмеиваясь, сказал Седой, — спуститься вниз, считай, сутки.

— Нет, ты послушай. И не смейся. Так нужно... мне.

— Закурить бы сейчас... — пробормотал разведчик.

— Кури. И слушай...

Лота протянула ему пачку сигарет.

— Я нашла их в ранце вместе с контейнером... А это тоже трофей.

Она щелкнула изящной зажигалкой.

После первой же затяжки у Седого закружилась голова.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле...

Лота читала негромко, без особого выражения, словно вела беседу:

Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье,
А ты, вино, осенней скуки друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвеньё горьких мук...

Ирония возвращалась к Седому вместе с привычным ощущением силы и легкости. Он видел летящий мрамор высокого неба, маленькое облачко, коснувшееся солнца, светящееся и трепещущее, слышал, как вздрагивали продрогшие ели на склонах, наполняя воздух тонким звоном, и каждой клеткой уставого, намутившегося тела ощущал жизнь, ее биение и власть.

— Помнишь наизусть, — усмехаясь, сказал он, — по литературе пятерка была?

— Была, — как эхо, грустно отозвалась Лота.

Они помолчали. Лота поднялась первой.

— Андрей... — глухо и строго произнесла она, — теперь слушай меня внимательно и не перебивай. Ты начнешь спуск через полчаса, как я уйду к перевалу. Будь осторожен — в горах могут бродить «эдельвейсы». Возьмешь мой «вальтер» и две обоймы. Если что... контейнер уничтожить любой ценой. В старой хижине, что на левом склоне хребта, ты ее видел,

когда мы поднимались в группе к спасательной станции, тебя ждет человек. Его зовут Игнаци. У него для тебя одежда, австрийский паспорт на имя Питера Гешнера, венского служащего, приехавшего в Филлах навестить брата. Он же скажет, где хранить контейнер. Ни в коем случае не держи его при себе. Американцы если не сегодня, то завтра будут в Филлахе. Первое время поживешь у моего человека. Он антифашист, потерявший всех близких в Маутхаузене. Проверок бояться не нужно. Документы настоящие. Как только представится возможность, выедешь в Вену. Микропенка останется в тайнике. Нельзя рисковать... Это приказ Центра.

— Ясно, — сказал Седой, — а все же... могли бы вместе...

— Нельзя, Андрей... Война для нас не кончится и после салютов Победы... Мы сделали одно дело из тысячи... Ты разведчик и все понимаешь... До свидания... Большой привет Сухову и генералу. Он захочет увидеть тебя еще раз. Низкий поклон Москве...

Голос ее дрогнул.

— И Малой Бронной...

Они обнялись.

Она спускалась с ледника по его следам и, когда достигла каменистой площадки, обернулась и крикнула:

— Я сама найду тебя в Москве... Слышишь?

— Слышу, — тихо сказал Седой.

Она шла по острому гребню, ведущему к перевалу. Ее силуэт долго вырисовывался на фоне синего неба. Потом он исчез.

Седой отвернулся, внимательно оглядел в бинокль склоны, скинул ледоруб и сделал первый шаг с ледника.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Рассказ

I

Мазнув желтым светом фар по нависшей над дорогой скале, машина выползла на перевал. Отсюда открывалась даль тайги, измятой горными складками. Такая даль, что сравнить ее можно разве что с морем или еще с тем, что видит летчик из кабины высоко летящего самолета.

Обычно Юрий Покровский хоть на минуту задерживался здесь, выходил из машины, курил. Здесь очень хорошо думалось, и он понимал почему. Мелочи, которые осаждают человека внизу, так сказать, на уровне моря, не достигают этих горных высот.

Сегодня Юрий не задержался ни на секунду. Во-первых, темно и никакой дали не видно, во-вторых, он спешил: в кузове почта, а этот груз всегда требует срочности.

Как только машина переползла горб перевала, Юрий включил вторую, потом сразу третью и четвертую. Темнота за ветровым стеклом сжалась и загустела. Минут через десять он был в распадке, колеса прогремели по деревянному настилу моста. Здесь Юрий притормозил и осторожно съехал на грунтовку. Грунтовка вела к поселку лесозаготовителей, и он не раз ездил по ней, сокращая дорогу. Здесь он выгалывал километров десять, не меньше.

Дорога пересекла большой распадок, поползла по крутому склону. Здесь она была узкой — только в колею. Юрий не думал об опасности: встречные машины на этой дороге редки. Его больше мучила мысль, что совершенно по-дурацки забыл в шоферской столовой пачку сигарет, и теперь смертельно хотелось курить.

Желтизна свежей осыпи стрельнула в глаза, и нога непроизвольно перескочила на тормоз. «Оползень, что ли?» — подумал он. Машина засвистела по грунту заклиненными колесами.

И вдруг свист этот оборвался, возникла тишина и пустота, мгновенная и страшная, как остановка сердца.

Очнулся он возле перевернувшейся машины: как выполз из кабины — не помнил. Удивился: почему потерял сознание? Должно быть, сильно ударился, пока летел с обрыва. Но ведь он выбрался из машины. Почему же потерял сознание уже после того, как выбрался?

Он осторожно сел и мысленно поздравил себя с этим. Позвончик цел. Руки целы.

Осторожно, начиная с бедер, ощупал ноги. Ниже колен штанины комбинезона были липкими, еще ниже пальцы наткнулись на острые обломки костей. «Открытые переломы на обеих», — понял он и немного удивился своему спокойствию. Значит, он в норме. Первым делом остановить кровотечение.

Покровский вытащил из карманов шнуры и перетянул ноги выше колен... Вдруг ему послышалось... Он не поверил ушам, да и звук был тоньше комариного писка. Но звук рос, приближался, превращаясь в отчетливый шум автомобильного мотора. «На второй скорости «зилок». Вот на третью переключился». И тут... Покровский закрыл и снова открыл глаза. Действительно, он видел вдали золотой отблеск фар. Юрий почему-то засуетился, ощупывая землю вокруг себя, хотел даже встать на ноги, но сразу был обожжен болью. Он видит! Ну конечно! Сейчас ночь. Без звезд. И еще. Впереди дорога. Судя по тому, что он слышал и видел, — совсем недалеко. Как все может измениться за несколько секунд!

— Так. Тихо! — сказал себе Покровский. Сейчас он отправится в путь, а перед всякой дорогой надо посидеть и подумать. Пауза была необходима, чтоб спокойно разобраться в том, что он сделал, делает и что ему предстоит сделать. В его положении необходим самый строгий порядок.

Он хорошо помнил, откуда появился и как прошел перед ним звук автомобильного мотора. Основная дорога представляла собой дугу, направленную в его сторону. Покровский сориентировался так, чтобы подобраться к вершине этой дуги по кратчайшей линии. Пожалуй, он слишком заспешил, потому что сразу выдохся, хотя полз под уклон. Несколько минут отдыхал, лежа ничком. Темнота по-прежнему не дала ни единой трещины. То и дело он натыкался на стволы каких-то больших деревьев. При следующей остановке он снова ощупал ноги и определил, что брюки ниже колен заledenели, стали твердыми как жесть. Тогда он снял жгуты. По его расчету, прошло полчасика, дольше жгуты держать нельзя.

Снова возник комариный звон мотора. Покровский застыл, приподнявшись на руках, как ящерица. В подъем шел ГАЗ-69 — «козлик» — любимая его машина. «Козлик» лихо взлетел на перевал, мазнул темноту желтым светом фар, шофер дал газ и быстро, одну за другой, как это делают гонщики, воткнул вторую и третью скорости. Юрий буквально увидел, как рванула под горку пришпоренная легковушка.

«Интересно, какая машина подберет меня?» — подумал он. Ему казалось почему-то, что это будет обязательно ЗИЛ-130 с крытым кузовом.

«До дороги два, от силы три километра, — рассуждал он. — Вопрос: с какой скоростью я ползу?» Эта задача очень занимала его.

Чтоб двинуться вперед, он упирался руками, отжимался, подтягивая вперед туловище, ложился на землю грудью и отдыхал. Один такой «шаг» продвигал его примерно на четверть метра. Покровский решил замерить скорость по пятидесяти таким «шагам».

Скоро он понял, что пятьдесят ему не по силам. Подтянувшись двадцать пятый раз, он ткнулся лицом в сухую землю и несколько минут не мог отдышаться.

«На двадцать пять ушло около ста секунд, — думал он. — Ползти в таком темпе невозможно, надо добавить еще секунд двадцать. Выходит две минуты. За две минуты всего шесть метров! Столько усилий — и всего шесть метров! Но за час получается сто восемьдесят. А это совсем неплохо! Конечно, он не может ползти непрерывно. Придется отдыхать. Ну пусть сто пятьдесят метров. За два часа — триста. До дороги десять раз по триста. Двадцать часов!» Вот какой ответ получался у его задачки. Три километра за двадцать часов. Черепаша, пожалуй, обогнала бы его.

«Все-таки я что-то делаю не так», — думал Покровский, отдыхая в очередной раз. Руки отказывались служить. Надо найти более рациональный способ передвижения. Может, по-пластунски. Боль в ногах, от которой вначале он готов был выть, утихла, сгладилась. Мороз сделал свою анестезию. Кровотечение не возобновилось. За этим он постоянно следил, ощупывая штанины. Они были по-прежнему ледяные и твердые. Мороз, видимо, не меньше двадцати, но холода он не чувствовал. Пожалуй, ему даже жарко было. Он бы сейчас холодной водички выпил.

Юрий попробовал ползти, помогая себе коленями, и сразу признал, что этот способ куда лучше прежнего. Хотя скорость не увеличивалась, но сил расходовалось заметно меньше.

Внезапно почувствовал смутное беспокойство. Точно что-то важное он позабыл сделать или потерял.

«Моторов не слышно! — понял он. — Машины не ходят». Вот это действительно было серьезно. Он остановился и начал прислушиваться.

Полная тишина окружала его. Мертвая. Словно движение прекратилось во всем мире.

«Да спят же они! Конечно, спят! — понял он вдруг. — В дальних рейсах обязательно надо спать. Приткнули машину к обочине и дрыхнут себе.

Они будут спать часа три-четыре. За это время я проползу полкилометра. Хорошо им спать в своих кабинах. Там пахнет бензином и дымом крепких папирос».

Захотелось курить. Вдохнуть хмельного дыма и на пару минут отрешиться от того, что случилось. Задумавшись, он похлопывал себя по карману. Привычка. Ведь знал, что сигарет нет. Он забыл их на столе в столовой, они лежали возле недопитого стакана компота.

Он вспомнил прозрачную каплю, стекавшую по стакану. Золотым огоньком горел внутри ее свет электрической лампочки.

Видение было так ярко и вещественно, что Покровский перестал ползти. «Почему я не допил компот?» Он чуть не закричал от обиды.

И тут же понял, что допустил серьезную оплошность. Жажда, еще недавно шевелившаяся неосознанной тоской, начала расти.

Понимая, что усилием воли жажду уничтожить нельзя, он начал упорно и последовательно загонять ее внутрь, в темную глубину мозга, где живут все элементарные инстинкты и желания. Загонял и ставил заслон из мыслей и слов: сосредоточенно считал, рассказывал.

Желания удержать не просто. А с жаждой справиться труднее всего, тут необходима предельная сосредоточенность.

Почему-то вспомнились обрывки стихов, в которых повторялось слово «снег». Слово приятное, кругловатое, оно мягко перекатывалось, оно ласкалось, как кошка. «Почему здесь нет снега? — спросил Покровский. — В марте везде есть хоть немного снега. Наверное, какой-то хребет, какой-нибудь здешний Хамарбадан, не пропускает его...» Весной снег тает, превращается в воду, у которой горьковатый дымный вкус весенних ручьев. Вот! Только теперь он вспомнил, что тающий снег имеет привкус дыма. И тут же Покровский увидел гудящие, звенящие, поющие потоки, реки, речки, ручьи. Он ловил ртом обжигающие струи, в которых жил запах и холод снега. Он пил, пил...

Юрий Покровский обнаружил, что лежит без движения, что совершенно окоченел, что рот его жадно ловит воду воображаемых ручьев. Жажда вырвалась из-под контроля. В одно мгновение она бросила его на землю, заставила хватать губами бесплодные мучительные миражи. Болезнь жажды поселилась в нем.

«Шесть часов я ползу под уклон, — думал Покровский. — Значит, это глубокий распадок. На дне распадков всегда есть вода. Река, ручей или снежник. Если нет снега, то иней наверняка есть. В распадках всегда собирается туман, значит, выпадает иней. Иней можно слизывать с травы». Раньше Покровский не задумывался о том, какой вкус у инея. Теперь он знал, что иней, особенно густой, игольчатый, серый, как грубая соль, необыкновенно приятен на вкус.

«Только надо спешить, — думал он. — Надо поспеть туда раньше солнца».

Покровский усмехнулся, заметив, как ворохнулась в нем жажда, как впряглась, поташила его вниз к воде. Второй раунд остался за ним. Жажда — зверь. Но он человек. Человек всегда побеждал зверя.

Юрий полз вниз, то и дело натываясь на стволы деревьев. Навстречу ему, точно из щели под дверь, тянул поток холодного воздуха. Потом в сплошной черноте появилась едва заметная трещина.

Вокруг росли сосны. Высокие, тускло-золотистые, прямые. В бору земля выстелена слежавшейся хвоей, здесь почему-то росла трава. Вернее, уже не росла. Это была прошлогодняя трава, жесткая, серо-желтого цвета.

Однако странный этот лес кончался. Метрах в ста или чуть больше между стволами виднелся просвет. К этому просвету он полз часа два и понял, что здорово ошибается в оценке расстояний. Причиной было, видимо, его лежачее положение.

Несколько минут он отдыхал на опушке, разглядывая потрясающую панораму таежной страны. Везде, куда только достигал взгляд, громоздились застывшие волны сопок. Волны эти были покрыты кудрявым ковром тайги и вдали под низким облачным небом принимали густо-синий цвет, как настоящее море. Кое-где сплошной ковер прорывали голые каменные макушки гольцов.

Тут прямо с противоположного склона распадка послышался ясный звук мотора. В подъем шла тяжелая машина. Покровский торопливо обшаривал глазами склон и вдруг наткнулся на длинный, с темно-зеленым брезентовым верхом трайлер.

«Километр, не больше», — думал он, почти не веря глазам.

Но трайлер не исчезал. Полз потихоньку, а забравшись на самый верх, остановился. Хлопнула дверца. Совершенно отчетливо Покровский услышал голос. Что было сказано, Юрий не разобрал. Открылась другая — на дорогу спрыгнул человек. Он забрался на бампер, поднял капот и, точно укротитель, отважно сунулся в распахнутую пасть машины.

Покровский смотрел на это, как в кино. Он все еще не мог поверить, что там, на дороге, остановилась настоящая машина и живые люди, которые могут подойти и забрать его отсюда, копаются в моторе. «Зажигание у них барахлит», — уточнил Покровский, обострившимся слухом улавливая перебои в работе цилиндров.

«Что же я делаю? — очнулся он. — Надо кричать, звать их надо!» Он поразился немощи своего голоса. Мотор машины взревел. «Починили! Сейчас уедут!» Он закричал изо всех сил, но голос сорвался на сипение.

Люди захлопнули капот и спрыгнули на дорогу. Мотор взревел. Машина медленно двинулась. Потом трайлер покатился быстрее. Зачем-то он смотрел до того момента, пока брезентовый кузов не скрылся за перегибом склона... Потом уронил голову на землю и затих.

На дне распадка Покровский оказался в полдень. Воды здесь не было никакой, а иней если и был, то успел испариться. Пыльная трава шуршала, как сухая бумага.

Он осмотрел ноги и определил, что кровотечение не возобновлялось. Оглянулся назад: желтая полоса его следа тянулась через весь склон от самого леса. Высокие золотые сосны одна к одной. Вдруг все пропало. Что это было? Обморок? Или сон внезапный и глубокий, как обморок? Могло быть и то и другое, он полз без передышки уже тринадцать часов...

...Он увидел себя на дороге. Была ночь или поздний вечер. Издалека доносился надсадный вой мотора. Машина приближалась, одолевая подъем. Она подсвечивала небо золотыми столбами фар. Он лежал на дороге, и фары не могли осветить его. Столбы света, покачиваясь, опускались все ниже, вот и сама машина показалась. Свет опускается к самой земле, задевает, ослепляет его на мгновение и, точно испугавшись, взлетает вверх. Надо приподняться, сесть, по крайней мере! Но сил нет.

Ровный вой мотора обрывается, всхрапывают шестерни, истошно, как пружины старого матраца, скрипят тормоза.

Покровский сразу узнал шофера. Мудрено было бы не узнать дядю Лешу — своего первого учителя шоферского дела. Дядя Леша осторожно поднимает его с асфальта, и Юрий удивляет-

ся то ли силе этого шуплого мужичка, то ли своей детской легкости.

В кабине тепло. В кабине хорошо пахнет бензином и крепкими шоферскими папиросами. Мотор не заглушен, но Юрий замечает, что работает он как-то странно, постреливая на каждом обороте.

Юрий открыл глаза, перевел взгляд на свои ноги. Штанины комбинезона отмякли и почернели, но самое неприятное было в том, как лежали ноги. Неестественно, как чужие.

— Пропали ноги, — сказал он вслух и услышал свой голос. Услышал и сразу почувствовал легкий укол боли и страха, — Неужели пропали?! — Теперь он смотрел не так спокойно, что-то сопротивлялось, топорщилось в нем, что-то никак не хотело мириться с приговором.

Покровский перевернулся на живот и пополз. Усталость навалилась на него, заставляя падать лицом вниз и жадно хватать пустой, разреженный воздух.

Что-то беспокоило его. Было ощущение потери. Кажется, он действительно что-то позабыл на месте последнего отдыха. Юрий искал, обшаривая себя руками, убеждая, что все в порядке... Посмотрел на руки. «Перчатки! — понял он, — Перчатки я там оставил!»

Это была серьезная потеря, но вернуться назад он не мог. Понимал — надо, но не мог. «Да вон же дорога! Куда она денется? Доберусь без перчаток». Дорога действительно была близко. Возвратиться назад, когда двигаешься со скоростью сто пятьдесят метров в час, — слишком большая роскошь.

Жажда превратилась в пытку. Перед глазами струилось, рябило что-то текучее, прекрасно-холодное. Он все время искал глазами в траве и наконец понял, что ищет прошлогодние ягоды. Но эта земля рождала только сосны, сухую траву и пыль. Он вспомнил болота возле Торбеевского озера. Моховые кочки, покрытые прошлогодней темно-красной клюквой. Когда ягоду раздавишь зубами, язык обжигает кисло-горькой влагой...

— Машина остановится, — говорил он вслух, — подойдет шофер. Я попрошу пить. Он вынесет из кабины солдатскую флягу. Помнишь, какая фляжка у дяди Леши?

Покровский очнулся от звуков своего голоса. Он разговаривал вслух, но это не удивило его. Странно было то, что разговаривал он не с самим собой, а с кем-то, кто отвечал. Это плохо. И врачом не надо быть, чтобы понять.

Он поглядел в небо, увидел бело-розовый след и крохотную стрелку самолета. Когда-то он любил смотреть на такие полосы.

И теперь эта «сказка неба» взволновала. Но теперь она принесла тоску по такому близкому и такому недостижимому миру людей.

Вечером Покровский вплотную приблизился к дороге. Об этом можно было судить по звуку машин. Просто удивительно, что ее все еще нет.

После захода солнца стало заметно подмораживать. На этот раз он почувствовал холод. Его трясло так, что временами он не мог ползти.

Из-за сопки «барсом» выпрыгнула луна. От нее несло стужей. Покровский начал коченеть. Руки потеряли чувствительность, но он не вспомнил о перчатках и не пожалел. Юрий мало что чувствовал. Он только слабо шевелился. Нет, одно чувство все же осталось. Он ненавидел луну. Он понимал, почему волки воют на нее. Ему тоже хотелось выть. Вместо этого он шевелился, он знал: стоит остановиться — и он погиб.

Отдаленно Покровский почувствовал опасность. Он знал, что смерть от холода подступает к человеку с нежностью. Надо разорвать паутину сна, надо двигаться, но мысль уже не может привести в движение оочевенные мышцы...

Луна скрылась за сопкой, и будто теплее стало. Будто перестал дуть ледяной лунный ветер.

Он понимал, что сбился с направления: по всем расчетам давно должен выбраться на дорогу. Но сейчас важнее всего — двигаться. В движении — жизнь, и он полз. Пусть не к дороге. Он полз к утру.

С руками у него было совсем плохо. А руки, именно руки, оставались последним средством передвижения.

Несмотря на холод, Покровский снял верхнюю куртку и попробовал ползти, сунув руки в рукава. Не получилось. Тогда он намотал воротник на правую руку и пополз, опираясь на локоть. Получалось так: он приподнимался, вытаскивая из-под себя куртку, двигая ее вперед, наползал и снова приподнимался, опираясь на свободную руку. Получалось очень медленно, но особенно не мучило. К тому же машины опять шумели, подсвечивая небо фарами, и он знал, куда надо двигаться. Все, что осталось в нем, в сущности, было лишь маленькой искоркой, угольком в куче холодной золы. Этой искоркой была мысль о том, что ему во что бы то ни стало надо добраться до дороги. Что будет дальше, его не занимало.

К утру он попал в какой-то редкий лес. Когда он смотрел на дорогу с противоположного склона, никакого леса там не было. В лесу было теплее, и он поверил, что в эту ночь не замерз-

нет. И еще он понимал, что двигаться дальше так, как он это делает, нельзя.

Покровский сел, нащупал в кармане перевязочный пакет и прибинтовал ноги одну к другой. Он еще не решил, что будет делать дальше, но знал точно: ноги мешают. Потом он надел на себя куртку, лег на спину и начал перекатываться в ту сторону, откуда доносился шум машины. Вскоре Юрий понял, что делать больше трех оборотов подряд нельзя: теряется направление. Сделал три оборота — тихонько заноси вперед ноги, и опять три оборота.

Пожалуй, еще никогда в жизни Покровский не был так доволен собой. Теперь он тратил гораздо меньше сил, давал отдых обмороженным рукам. Теперь он верил, что выберется.

Покровский сделал очередной оборот и почувствовал под боком что-то твердое. Он приподнялся и увидел круглую, величиной с чайное блюдце льдинку, внутри которой, как в куске прозрачнейшего янтаря, были запаяны желтые травинки. Некоторое время он смотрел, не веря глазам, потом бросился на льдинку и, прижав рукой, точно она была живая, начал рубить ножом.

Крепкий лед скрипел, на траву отскакивали прозрачные осколки, которые Покровский подбирал и тут же проглатывал. Льдинки были жгуче холодные и сладкие, с прекрасным дымным запахом дождевой воды.

Очень скоро он пожалел об этом подарке. Вода расслабила туго сжатую пружину. Боль и усталость придавили его к земле, а мысли, которые вторые сутки гнали его вперед, вдруг потеряли смысл. Что слова, когда смерть уже не пугает!

Покровский сделал еще оборот и застонал от боли. Видно, дела не плохи, если работают болевые клетки. Потеря чувствительности приходит раньше смерти.

Да и вообще он начал замечать, что вокруг творится странное. Порой лес начинал растворяться как бы в тумане. Но это могло быть следствием смены освещения. Труднее было объяснить голоса.

Свой голос он слышал уже не раз. С этим ничего не поделаешь. Забылся и заговорил. В конце концов это его собственные мысли.

Но эти голоса были чужие. Они обращались к нему, называли по имени. Смеялись. Разговаривали.

В лесу стало сумрачно, и опять заметно похолодало. Тепло уходило из воздуха, из стволов деревьев, из земли. Уходило из его тела. Юрий впервые серьезно подумал о том, что третью ночь он, пожалуй, не выдержит.

А дорога была рядом. Она мучила моторами машин, дразнила постоянной близостью и недостижимостью. Она была не лучше этих голосов. Она, кажется, была заодно с темнотой и холодом, сквозь которые он полз, а потом катился, кажется, всю свою жизнь.

И вдруг он увидел ее! Дорога была прямо за деревьями метрах в двадцати.

Издалека послышался медленный стук. Покровский дернулся и сразу пожалел о своих связанных ногах. Подтягиваясь на руках, он полз к дороге.

Ехала телега. Обыкновенная деревенская телега на деревянных, обшитых железом колесах. На облучке, согнувшись и свесив голову так, что не было видно лица, сидел возница, одетый в старый солдатский бушлат и шапку с опущенными ушами. Телегу тащила небольшая рыжая лошадка с длинным хвостом и гривой. Морда лошади до ушей обросла инеем. Из ноздрей кудрявыми клубами вырывался пар. Каким-то отдаленным сознанием Покровский отметил, что мороз, видно, порядочный, раз лошадь так заиндевели. Царапая ногтями землю, он тащил себя к дороге. Когда телега оказалась напротив, он уже выполз из лесу.

— То-ва-а-а... То-а-а-а... — хрипел он. — Посто-о-о... О-о-о-й... — Грохот телеги уничтожал его крик. Скованный сном возница не поднял головы. Рыжая лошадка не шевельнула ушами. Она ровно и споро перебирала короткими ногами с мохнатыми бабками.

Телега удалялась, и сразу начал меркнуть свет. Ему казалось, когда телега скроется, он умрет...

Он не умер. Последний свет и последняя боль еще не покинули его.

Одного только Покровский не мог понять, и это расходилось со всем, во что он верил. Как же могло получиться, что этот человек не услышал его? Водители той машины тоже не слышали, но они были далеко. Но этот! Как он мог не услышать, не почувствовать?! Ведь вот он, Покровский, почти труп, живет и движется. Значило ли это, что открытое им общечеловеческое притяжение — просто утешительная выдумка, что люди помогают друг другу в силу необходимости, выполняя предписания и инструкции, а сами равнодушны к чужой беде? Тогда Покровский догадался. Все просто. Есть правила, есть исключения из правил. Этот человек не знал о Покровском. Он ехал куда-то по своему делу, ехал долго и заснул.

Вскоре совсем стемнело. Опять, как и в первую ночь, он почти

ничего не видел. Много раз он останавливался, наталкиваясь на деревья. Скатывался в какие-то ямы. Однажды свалился с обрыва, хорошо, не очень высокого, но все же ударился так, что сбилось дыхание. Впрочем, он уже почти не ощущал своего тела.

Свалившись с обрыва, он долго лежал неподвижно, затем, точно гусеница, согнулся и, повернувшись на спине, занес вперед связанные бинтом ноги. Снова сделал три оборота и снова занес вперед ноги. Вот только вперед ли? Трудно сказать, куда он двигался в этой кромешной тьме. Изредка он видел за деревьями мелькание света, но в том, что это фары машин, он не был уверен. Свет вполне мог померещиться ему, как и голоса. Голосов теперь было много, целая толпа гудела вокруг него. Все это жило самостоятельно и неуправляемо.

Однажды ему показалось, что в гомоне этих несуществующих голосов есть реальный звук. Совсем рядом и как будто над ним. Ровное струнное гудение. Покровскому пришлось собрать все силы, чтобы на мгновение создать тишину для единственного настоящего звука. И тут же он узнал гудение проводов. Он лежал рядом с телеграфным столбом.

Сразу за столбом он натолкнулся на вертикальную преграду, долго ощупывал ее обмороженными руками, пока сумел разобрать, что это — забор или щит снегозадержания. Он вытащил нож, попытался оторвать одну из планок и не смог. Либо он ослаб, либо щит был сколочен на совесть. Покровский бросил бесполезные попытки и пополз вдоль забора, цепляясь за него руками. Связанные ноги опять мешали ему, и он разрезал бинт ножом. Он полз вдоль забора, упорно разыскивая либо щель, либо оторванную доску. Нет таких заборов, где не нашлось бы дыры. Свет жизни ярко горел в нем. Он понимал, дорога рядом, за этим последним препятствием.

Пролом в заборе Юрий в конце концов нашел. Он попробовал протиснуться в щель, но мешала одежда. Не задумываясь, Покровский начал раздеваться. Снял демисезонную куртку, стащил с себя комбинезон и все это сунул в щель. Потом, выдохнув воздух, начал протискиваться сам.

Свет, ярко горевший в нем, внезапно погас. Когда Покровский пришел в себя, то обнаружил, что лежит одетый на спине, а прямо в глаза ему светит луна.

Покровский оглянулся по сторонам и в сумеречном льдистом свете увидел два забора. Он лежал между ними. Сначала Покровский решил, что это бред. Зачем два забора, когда и одного вполне достаточно. Он закрыл и снова открыл глаза. Ничего не

изменилось. Пришлось примириться. Два так два. Гораздо хуже то, что не мог вспомнить, через какой забор он уже перебирался.

После обморока чувства были обострены и голова работала ясно. Ошибаться нельзя. Сил, чтобы исправить ошибку, может больше и не найтись.

Эта мысль заставила его сосредоточиться. Он затаил дыхание и прислушался. Ждал шума машин. Раз дорога, то и машины должны ездить, но машин, как назло, не было.

И все же какой-то шум был, правда совсем не похожий на звук мотора. Он помнил, что недавно слышал его. Покровский всмотрелся и увидел возле одного забора ряд телеграфных столбов. Теперь он знал, куда двигаться.

Опять он полз вдоль забора, опять искал щель или оторванную доску. В десятке метров за этим вторым забором он видел насыпь. Там могла быть только дорога. Не грунтовка, а настоящее шоссе. Он видел на фоне леса белеющие столбики ограждения. Он нашел щель. Точно такую, как в первый раз, и потому, примерившись, снова начал раздеваться. Это заняло много времени. Руки потеряли чувствительность. Движения были замедленны. Мороз набрал полную силу, трава хрустела при каждом его движении.

Очнулся уже на дороге. Нет, это не чудилось ему. Он чувствовал ледяную жесткость асфальта. Оставалось ждать. Он думал о шоферах. «Может же кто-нибудь из них проснуться раньше и поехать, ведь обязательно кто-нибудь куда-нибудь спешит, а шофера и подавно. Они всегда спешат», — думал Покровский. Он замерзал и в то же время просто не мог поверить, что умрет тут, на дороге. «Ведь я дошел, дополз! — думал он. — Я сделал свое дело до конца, теперь все зависит от них. Неужели они не чувствуют?!»

Покровский услышал шум мотора. Он начал готовиться. Сел, всматриваясь туда, откуда надвигалось медленное басовое гудение и плескали зарницы фар. Не один грузовик, целая колонна поднималась на перевал. Фары ведущей машины ощупывали небо над головой Покровского. Он приготовился поднять руки и замахать, когда фары осветят его... Столбы света широким взмахом прошли над ним. Это значило, что машины поворачивают.

Потом с асфальта свернули сразу два, и по тому, как клубилась пыль в свете фар, Юрий понял, что машины съезжают и движутся в объезд прямо по полю. Объезд проходил рядом, и чтобы выбраться на него, надо перевалить через насыпь у обочины. Она была не очень высока, метра полтора не больше.

Он скатился в кювет и долго лежал, собираясь с силами.

Насыпь состояла из мелких и крупных камней. Гравий. Юрий попробовал вскарабкаться, но камни не держали. Тогда он достал нож и попытался воткнуть его. Сделать это ему удалось лишь после нескольких попыток. Держась за нож и помогая коленями, Покровский попробовал подтянуться, но гравий сыпался, и он съезжал вниз. Тут у него возникло ощущение, будто какое-то хищное существо схватило его и тянет вниз... «Муравьиный лев», охоту на которого он видел в телевизионной программе «В мире животных».

Ничем не приметная ямка в песке. Но на дне ее, зарывшись так, что наружу торчат только раскрытые челюсти, спряталось странное существо. Оно состоит из одного, толстого, как у личинки, кольчатого брюха и невероятных челюстей.

Хищник нетороплив, как сама судьба. А может, он знает: как ни велика земля, муравей случайно или из любопытства обязательно заглянет сюда. Тогда челюсти сомкнутся. Живой капкан не разожмется, сыпучие песчинки не дадут опоры ногам. «Муравьиный лев» не выпускает жертву. Самая страшная беда та, против которой нельзя бороться...

И все же шофер снова поднялся, лег грудью на насыпь и, подняв руки как можно выше, воткнул нож между камнями. Последний свет еще горел в нем. Гравий сыпался, и он опять оказывался внизу. «Муравьиный лев» держал крепко. Свет, не позволявший Покровскому уснуть третьи сутки подряд, погас...

II

Палата номер два Ленинградской клиники термических поражений была из самых трудных. Шесть коек, шесть больных — шесть очень непростых задач профессора Алексея Николаевича Орлова. Если бы профессора спросили, почему он положил шофера именно сюда, он, наверное, сказал бы, что тяжелым больным не вредно знать, что есть люди, которым не легче. Кроме того, в сибирской больнице шофер постоянно находился один в реанимационной палате и наверняка устал от своих болей и слабостей, от тишины и мыслей, которым ничего не мешает лезть в голову.

Шофера положили у окна рядом с обожженным кислотой гальванщиком Виктором Колосовым. Колосов был общительным и веселым парнем, кроме того, выздоравливал, и его оптимизма могло хватить, кажется, на всю палату.

С Колосовым профессор договорился о том, что он будет при-
сматривать за шофером и поддерживать по возможности.

Теперь, входя в палату на утреннем обходе, профессор первым
делом поглядывал на Колосова, но тот безнадежно качал голо-
вой.

Когда профессор разговаривал с Покровским, его не покидало
ощущение, что шофер думает о чем-то своем. Думает непрерыв-
но и напряженно, словно решая сложную задачу. Впрочем, на
вопросы отвечал точно и спокойно, может, чуточку медленно.
Он как будто боялся показать, что на самом деле он не здесь,
то есть только отчасти здесь, а в том, другом мире, где был
постоянно.

Не меньше, чем эта странная раздвоенность сознания, беспо-
койли Орлова раны на ногах шофера. Ампутация в сибирской
больнице была сделана безупречно. Орлов хорошо знал и ува-
жал своего коллегу из сибирской больницы, кроме того, он
сам осматривал шофера сразу после операции. Но раны не зажи-
вали.

Врач понимал, в чем дело. Организм, трое суток боровшийся
за жизнь в совершенно невероятных условиях, был истощен.
Теперь столь простое дело, как заживление ран после операции,
было ему не под силу. Удивительный парадокс жизни. Совершить
чудо и победить, а затем погибать от такой малости?! Но для
любого, даже самого легкого, дела необходимо усилие, но где
взять его, если резервы организма исчерпаны.

Голубое и белое. И на голубом — самолет. Но что это? Потом
Покровский начал понимать, что голубое над ним, а белое во-
круг. Он лежит на спине. Голубое неподвижно и однородно.
Белое движется, и от него исходит настойчивое требование.

По-видимому, к нему полностью вернулось сознание, когда он
понял заданный вопрос.

— Кто вы и что с вами случилось?

Вокруг стояли люди в белом. «Врачи», — догадался он. Во-
прос задавал высокий худой человек в очках, по-видимому, глав-
ный здесь.

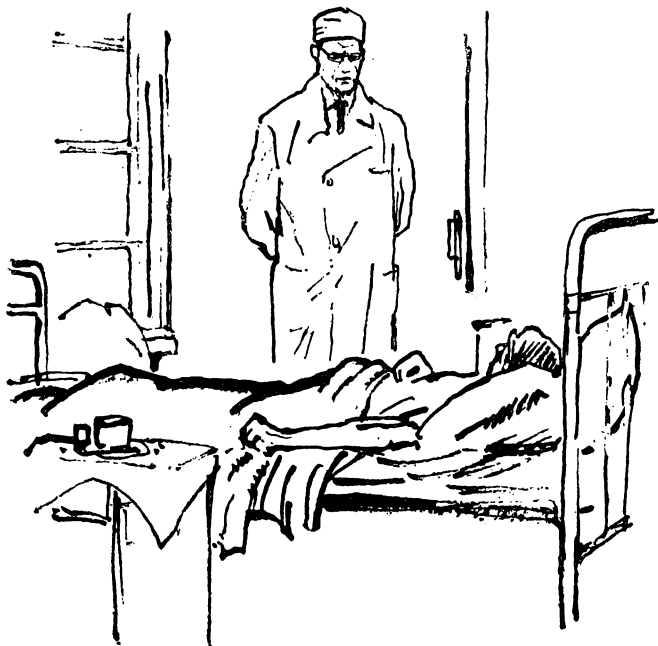
Теперь Покровский понимал все, он догадывался даже, что
вопрос задан специально для того, чтобы проверить, в какой сте-
пени он восстановил свое «я». Потому отвечал четко и медлен-
но, не хотел дать повода для сомнений.

Тогда Покровский не сознавал, что он болен. Он думал, что
все дело в смертельной усталости и от этого все время засыпал,
точно проваливался в черную яму.

Никаких снов ему не снилось. Только просыпаясь, он начинал

смутно ощущать себя. Это сознание полусна, постоянной дремы, пожалуй, даже нравилось ему. Он был невесом, как бы плыл под водой, то поднимаясь к самой поверхности, и тогда ощущал и свет, и тепло, и голоса людей, то опускаясь в темную глубину, в тишину. Он не боялся глубины. Он не подозревал, что она опасна, что однажды может не выпустить его совсем.

Иногда он просыпался и ощущал все почти с той же ясностью, что и раньше, еще до аварии. Почти. Разница была в том, что тогда не было боли. Теперь боль появилась с проблесками сознания, она росла и достигала наибольшей силы, когда он открывал глаза. Острая боль в ногах. Оттуда она прорастала, пронизывая тело колючими иглами. Покровский отвечал на вопросы, сознавая, что слова его вполне разумны, но он не договаривал многое. Ну как, например, можно было рассказать о щели в потолке? Для всех это была плохо замазанная алебастром полоса от снятой электропроводки. А он видел, как там, в окружении эсминцев, шли медлительные крейсеры и линкоры. Галсами прочесывали море противолодочные корабли и морские охотники. Разводя пенные усы, летели торпедные катера. Все это он видел так близко, что различал бортовые номера.

Покровский не раз спрашивал себя откуда могли взяться эти картины? Море он, положим, видел, когда ездил в Ейск в командировку. Но то было Азовское море, военных кораблей там нет. Сочи, Сухуми, Гагра, где он бывал во время отпусков, тоже не в счет. Да! Ведь совсем недавно он был в одном городе у моря. Бродил по горбатым улочкам, обсаженным желтой и белой акацией. В огромной бухте стояло множество пароходов. Белые океанские лайнеры, мрачные сухогрузы. Там лежала, приткнувшись к пирсу, ржавая, слепая от старости субмарина, стояли серые худые эсминцы...

А в щели на потолке шел бой. Кипели фонтаны поднятой взрывами воды. Стремительно бежал к невидимой цели пенный след торпеды. Окутанные дымом беглого огня, летели по волнам эсминцы...

— Юра, слушай меня внимательно, — сказал врач. — Ноги придется ампутировать.

От этих слов Покровский обмер. Он дышать перестал, и даже сердце, кажется, остановилось. Он давно боялся услышать их.

— Юра, я не буду утешать тебя. Другого выхода нет.

— Повременим...

— Повременим, — согласился врач. — Профессор Орлов будет здесь через два часа.

Что могут изменить два часа? То, что вцепилось в него, не отпустит. И опять он думал о «муравьином льве», видел, как тот закапывается в песок и замирает, широко раскрыв челюсти. Он попал в этот капкан обеими ногами. От этого надо избавиться. «Лиса, — вспомнил он, — отгрызает лапу, если попадает в капкан. Уходит на трех. Сама отгрызает. Со смертью шутить нельзя, если вцепилась — ждать бесполезно...»

— Юра, ждать больше нельзя. Началась влажная гангрена.

— Давайте... Делайте.

Он очнулся на своей кровати, увидел капельницу, щель на потолке — всё на месте. Можно было подумать: ничего не случилось... Юрий закрыл глаза. Ему хотелось обратно в сон, в котором он только что жил.

Потом он узнал, что его нашли только днем.

— Ты был холодный, — рассказывали ему. — Ну, тридцать три градуса, представляешь?! Ты ничего не слышал и не отвечал, только все время старался перелезть через этот вал из гравия. В том месте ремонт, и вдоль дороги гравий насыпан. Объезд рядом, только через гравий надо перебраться. Гравий осыпается, ты вниз сползаешь и снова лезешь. В машине ребятам тебя держать пришлось. Ты все полз, полз...

Шли дни. Каждый раз, входя в палату на утреннем обходе, профессор Орлов с надеждой поглядывал на Виктора Колосова, но тот отрицательно качал головой. Впрочем, врач видел все сам, при первом взгляде на шофера.

Но вот однажды Колосов радостно закивал профессору, едва тот появился на пороге палаты...

Койка стояла слева от кровати Покровского. Соседство это не предусматривалось профессором и было совершенно случайным. Здесь лежал второй после шофера тяжелейший больной — школьник из Калмыкии по имени Сережа.

Подходя ко второй палате, Орлов всегда думал: «Как там Юра и Сережа?» Эти двое незаметно прижились в его памяти; думая об одном, он неизменно вспоминал другого. Связь эта была чисто механическая, и Орлов удивился, когда Колосов сказал:

— Разговаривали они сегодня.

— Юра? С кем?

— С Сережей. Хорошо так разговаривали. Про машины...

— Про что? — переспросил Орлов, весьма озадаченный сообщением Колосова.

— Про машины... Ну, про шоферские дела... А Сережка улыбался. Вот сколько лежу, первый раз увидел, как он улыбается! «Вот так! — заметил про себя профессор. — Помощь приходит не оттуда, откуда ее ждешь». Да и на какую помощь со стороны Сережи можно было рассчитывать, если сам мальчик больше всех, в этом врач был уверен, нуждался в помощи?

Коротка была история Сережиной жизни. Учился в школе, любил автомобили и потому все свободное время проводил в гараже, что был рядом с его домом. Однажды случилась беда. Загорелся бензин, разлившийся по земле. Ближе всех к огню оказался Сергей. Не раздумывая, он бросился тушить пожар. Подоспевшие шоферы накрыли пламя брезентовым чехлом от машины, а вот Сережа получил ожоги ног и попал в больницу. И не просто в больницу, а в далекий незнакомый город, где у него не было ни одного родного человека. Лежал Сережа давно, и, как ни бились над ним врачи, не могли поднять с постели. Все больше начали сказываться отрицательные результаты неподвижности: суставы ног закрепились.

Сережа замкнулся в себе, смуглая кожа лица приобретала все более заметный восковой оттенок.

Когда спрашивали, Сережа отвечал, но глаза его видели что-то свое, и зрелище это, верно, было не из веселых.

— Дядя Юра, а вы правда шофер? — как-то спросил Сережа.

— Правда.

— Вот интересно.

Прошло несколько дней, прежде чем Сережа продолжил разговор. Глядя в потолок прежним своим отрешенным взглядом, он сказал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Я шофером хотел стать, а теперь... Ноги совсем не гнутся.

— А знаешь, когда я в первый раз за баранку сел? — похвастался Юрий. — В девять лет. У нас сосед был шофер. Дядя Леша его звали. Посадил меня на колени, и я рулил. Метров сто проехали. Дядя Леша сказал: «Молодец, шофером будешь». Просто так, наверное, сказал, а я решил: буду шофером, и больше никем.

— Ну а дальше-то как? — Сережа просил рассказывать и взглядом и улыбкой.

Покровский не торопился. Он почувствовал себя хозяином положения. И теперь каждый раз, приходя в себя после операций по пересадке кожи, Юрий видел полные ожидания глаза мальчика.

— Дядя Юра, я вот все время думаю... А вы не обидитесь? — как-то спросил Сережа.

— Валяй, чего там!

— А вот как вы думаете... Вы снова ездить на машине сможете?

— Думаю, что смогу. По крайней мере, все сделаю, чтобы это у меня получилось, — бодро ответил Покровский. Ответил как надо, но что-то оборвалось в душе.

— Правильно, — шептал Сережа, слишком погруженный в собственные мысли, чтобы заметить излишне бодрый тон ответа. Взглянув на Покровского и по-детски краснея, сказал: — Я так подумал, дядя Юра, если вы верите.. Если вы... То я, если очень захочу, тоже ведь смогу стать шофером. Правда?

С этого дня Покровский начал учить Сережу вождению автомобиля. Зачем лежать просто так, когда можно провести время с пользой?

— Представь, ты едешь по шоссе. Скорость шестьдесят километров в час. Крутой левый поворот. Что ты делаешь?

— Сбрасываю газ. Выжимаю сцепление. Торможу. Переключаюсь на третью. Заканчиваю поворот. Прибавляю газ, — отвечал Сережа, стараясь точно и по возможности быстро пересказать цепочку действий шофера, совершающего этот маневр.

— А почему сигнал левого поворота не включил?

— Забыл, дядя Юра.

— Забыл... Скажи спасибо, что ГАИ не было. — Тут, как

бы между делом, Покровский сказал о главном: — Вот что, Сережа, давай договоримся. Все, что ты делаешь в кабине, делать надо руками и ногами, как положено.

— Но я же не могу, дядя Юра, — сказал Сережа с отчаянием. — У меня же ноги не гнутся!

— Делай что можешь, а не можешь, в точности представляй себе движение, как если бы ты его делал. Договорились?

— Можно, я тогда представлю, как будто я правда в кабине сижу? — попросил Сережа.

— Это ты здорово придумал. Так даже лучше!

И они поехали дальше.

— Крутой спуск, и сразу правый поворот.

— Выжимаю сцепление, торможу, переключаюсь на вторую.. Включаю сигнал правого поворота. — Сережа улыбнулся, на этот раз он не забыл. — Заканчиваю поворот, выжимаю сцепление, переключаюсь на третью. — Руки мальчика крутили воображаемую баранку, правая опускалась, переключая рычаг коробки передач, глаза были закрыты, и на его щеках горел самый настоящий здоровый румянец.

— Ну, Серега, когда ты отсюда выйдешь, останется только сдать на права.

— Дядя Юра, а сейчас давайте отдохнем, — попросил Сережа.

— Согласен. Сворачивай на обочину.

На другой день рано утром Покровского увезли на операцию. Это была шестая операция. Очнулся с привычным чувством, что на него смотрят. Открыл глаза и сразу услышал восторженный Сережин шепот:

— Дядя Юра! У меня правая нога шевельнулась!

— Ну?!

— Понимаете! Я ехал. Вдруг передо мной встречную машину ка-а-ак развернет! Я по тормозам — и вправо! А когда тормознул — нога, правая нога, понимаете! Шевельнулась!

С этого дня Сережа пошел на поправку. И вот ведь как бывает: кожа, которую уже пять раз подряд пытались прирастить на раны Покровского и которая каждый раз отторгалась, после шестой операции вдруг приросла. Ноги наконец перестали кровоточить...

В сентябре, когда Юрия перевели в Ленинградский научно-исследовательский институт протезирования, Сережа уже сидел без посторонней помощи и даже мог стоять, держась за спинку кровати.

III

Чтобы поставить шофера на ноги, Владимиру Михайловичу Кнопинскому понадобился год и семь месяцев, а также все его мастерство хирурга и протезиста.

Дело в том, что раны на ногах Покровского хотя и не кровоточили больше, но покрылись спайками, и потому необходимы были пластические операции. Таких операций Владимир Михайлович сделал три. И только после этого приступил к изготовлению протезов.

Первый этап — изготовление протезов из гипса. Это модель, по которой затем будет изготовлен стационарный протез.

В первый раз врач принес гипсовые протезы ненадолго. Примерил и убрал в шкаф.

— С ними еще надо работать, — сказал Кюпинский.

Юрий подождал до тихого часа, сел в каталку и, незаметно подобрившись к шкафу, вытащил протезы. Потом, не теряя времени, надел их на ноги и встал.

Сосед Покровского, Миша Сухачев, бросил ему свою трость. При помощи двух тростей, своей и Мишиной, Покровский сделал первые шаги. Против ожидания нестерпимой боли не было. Боль он, конечно, почувствовал, но радость от первых шагов была настолько велика, что о боли не хотелось думать.

— Будто всю жизнь на протезах ходил, — прокомментировал его успех Миша. — По-моему, ты и с одной палочкой пойдешь.

Тогда он бросил и последнюю подпорку.

Миша Сухачев был в восторге.

— Знаешь что, — сказал он, — пойдём в курилку. Хочу, чтоб народ тебя увидел. Одному просто обидно на такое смотреть. Правда! На тебя поглядеть, так любой поверит, что он тоже выберется и на ноги встанет.

Так они отправились в дальний путь. Через весь коридор. Миша Сухачев в своей каталке, а рядом Покровский. На них смотрели из палат, подбадривали, удивлялись. Миша махал в ответ и на все вопросы гордо отвечал: мы, мол, такие, всё можем. Юрий молчал и смотрел только перед собой. Он уже начал понимать, что сделал ошибку, и теперь думал только о том, чтобы добраться до курилки и сесть.

Боль в ногах становилась невыносимой.

Все же до курилки он добрался. Сел. Боль немного отпустила, и Юрий повеселел. «А как же, — думал он, — такие вещи без боли не даются».

Они маленько подымили, рассказали другим ходячим больным, как Покровский опроверг все предсказания и с первого раза, только надев протезы, пошел, будто и не лежал до этого почти пластом. Все удивлялись и говорили, что действительно другого такого случая не припомнишь. Одним словом, было на редкость хорошо.

Пришлось Мише ехать в палату и на буксире привезти каталку.

— Устал я что-то, — бодро сказал Юрий ходячим больным. — Первый раз все же на ногах.

Все согласились, и никто, кажется, не заметил, что Покровский близок к обмороку.

Когда в палате он снял протезы, то увидел, что они полны крови....

Через неделю на ногах появились гематомы (внутренние кровоизлияния). Когда гематомы залечили, на левой ноге образовался свищ. Свищ закрылся, но через некоторое время возник вновь. Появилось подозрение, что причиной его явился остеомиелит (воспалительный процесс в самой кости).

Ждать дальше было опасно. Кнопинский решил делать операцию.

Во время операции выяснилось, что причиной свища на левой ноге был действительно остеомиелит. Пораженный участок кости пришлось удалить.

Через десять дней швы с правой ноги были сняты, левая не заживала и продолжала кровоточить. Прошел год с тех пор, как Покровский очнулся в сибирской больнице. Год, а он лежит. Все так же лежит!

Конечно, умом Покровский понимал, что год прошел не напрасно, совсем не напрасно. За это время произошло самое главное. Он вырвался из капкана, ушел. Теперь в этом можно не сомневаться. Ушел. Хотя пришлось пожертвовать ногами... И все-таки лежать в такой день он не мог.

Покровский осторожно приподнялся и сел на кровати. Потом повернулся и спустил вниз ноги. Он ждал жжения, ждал знакомой боли, сопровождавшей кровотечение. Прошло несколько секунд. Боли не было. Покровский лег, но боли по-прежнему не было. Осмотрел бинт: снаружи ни одного пятнышка. Не удовлетворившись этим, снял повязку. Кровотечения действительно не было. Через неделю он начал ездить в каталке, через две попросил у Кнопинского протез на одну правую ногу.

— Рано, — ответил врач.

— А когда будет можно?

— Через месяц.

— Через месяц?!

— Не спеши, Юра. Поверь мне. Я-то ведь знаю.

Кнопинский знал, и с ним спорить было бы смешно. Дело даже не в том, что Владимир Михайлович был замечательным врачом, он понимал это лучше других потому, что сам пережил ампутацию и ходил на протезе.

Разговор происходил в гипсовочной. Владимир Михайлович работал, Покровский помогал. За месяцы, проведенные в институте протезирования, Юрий успел многому научиться и работал с гипсом вполне профессионально. С тех пор как здоровье пошло на поправку, тяга к работе стала невыносимой. Всю жизнь он что-то мастерил. Недаром сосед по квартире дядя Костя — столяр говорил, что оставит не сыну, а именно Юрке свой ин-

струмент, собранный за многие десятки лет. Мастер дядя Костя был что надо. Во многих квартирах Краснозаводска стояла его мебель. Была она, конечно, не столь легка и изящна, как современные гарнитуры, однако было в ней кое-что, чего в нынешней мебели, да и не только в мебели, уже не увидишь, — скромная избяная надежность, и если не красота, то уж прочность перво-статейная.

Часами мог стоять Юрка возле дяди Кости, как стоял здесь возле Кнопинского, следить за движениями его рук, вдыхать скипидарный запах опилок. Дядя Костя рассказывал о «своих университетах»: «Линейкой учили, бруском учили, доской еловой тоже учили, и всю-то науку я спиной своей превзошел», — толковал он, усмехаясь. «Старуха, — кричал он на кухню, — слышала небось, что гутарю. Чтоб по-моему было. Как помру, весь инструмент в сумку сложи — и Юрке», — «Болтай, болтай, ботало, помри сначала», — отругивалась бабка беззлобно.

Столяром Покровский не стал. Но страсть к тонкой ручной работе жила в нем. Эта страсть и какое-то необъяснимое понимание человеческого тела, его удобства и неудобства, а главное — его боли, которую для того, чтобы понять, надо почувствовать самому, — все это вместе Кнопинский называл чувством протезиста.

— Пойми, — говорил Кнопинский, — в тебе есть чувство протезиста, это же дар божий. Оставайся. Сам понимаешь, как наша работа людям нужна.

Нужна. Сейчас сам Покровский нуждался в протезах, наверное, больше, чем в хлебе; разговаривая с Кнопинским, он думал только о них, с тоской поглядывая на шкаф.

Несколько дней Покровский боролся с искушением... Потом открыл шкаф и взял правый протез. «Я не буду ходить, — говорил он себе с лицемерным смирением, которое сам отлично сознавал. — Я только сидеть в нем буду, привыкать».

Когда кончался утренний обход и все врачи и сестры уходили на летучку, Покровский доставал спрятанный протез, надевал его и сидел, старательно выполняя свое обещание только сидеть и привыкать. Но терпения хватило ненадолго. Дня через три он попросил у Миши костыли и попробовал пройти.

Он упал на втором шаге.

Услышав грохот, в палату прибежала сестра. Она увидела Мишу Сухачева, который, прыгая на одной ноге, собирал косты-

ли. Покровский как ни в чем не бывало лежал в кровати. Протез он снять не успел и лежал прямо в нем под одеялом.

После этого он стал осторожнее и надевал протез, когда поблизости никого не было. К тому же Миша — верный друг — сидел в каталке у дверей и предупреждал, если кто-то появлялся в коридоре.

За неделю Покровский мало продвинулся в ходьбе, зато падать научился, как акробат. Постепенно, как это случается с людьми, занятыми опасным делом, он утратил осторожность и поплатился за это. Упал так неожиданно, что не успел вывернуться и со всего маха грохнулся на левую ногу.

От боли у него помутилось в голове, и с полминуты он ничего не мог ответить испуганному Мише Сухачеву: дыхание перехватило. Только когда Миша собрался ехать за врачом, Покровский просипел:

— Стой!

Миша помог ему добраться до кровати. Тут Юрий немного перевел дух. Увидел, что повязка почернела от крови.

— Никого не зови, — сказал он Мише, — сядь у двери, смотри, чтоб не вошли.

То, что случилось, больше всего было похоже на катастрофу. Но что-то мешало Покровскому верить в это. Дело в том, что он выздоравливал. Он чувствовал силу крепнущего организма. Он уже очень далеко ушел от той дороги в забайкальской тайге. От того непреодолимого вала из гравия.

Действительно, к вечеру кровотечение прекратилось, а на завтра Покровский снова надел на правую ногу протез и взялся за костыли.

За неделю до срока, назначенного Кнопинским, Юрий пришел в гипсовочную на костылях. Владимир Михайлович посмотрел на него как на привидение, полез в шкаф и сразу все понял.

— Ну ты и жук! — сказал он беззлобно, — Смотри, если левую ногу испортишь!

С этого дня Покровский ходил не прячась, учился спускаться и подниматься по лестнице.

Однажды ночью Покровский позвонил у дверей своей квартиры.

— Кто там? — спросила мать.

— Открывай, мама, это я пришел, — сказал он каким-то самому себе неизвестным голосом.

На этом можно было бы кончить рассказ о судьбе шофера, если бы с этого момента началась нормальная жизнь. Если бы. Но после первых радостей встречи наступило странное состояние. Покровский не мог заставить себя выйти на улицу.

Он представлял, как будут останавливаться, смотреть на него незнакомые люди, как будут шептаться за спиной, как знакомые будут подходить лишь для того, чтоб узнать: а правда ли это, что у него нет ног и он ходит на протезах?

Однажды на глаза ему попало фото старого иллюстрированного журнала. Фото черно-белое, очень четкое и жесткое, сделанное будто при вспышке молнии. На фотографии лицо старика. Вернее, даже не старика. Это был портрет самой старости, усталости и равнодушия. Лицо сморщилось, почернело и напоминало жесткую, как камень, сушеную грушу.

Под портретом подпись: «Сумерки».

— Сумерки! — сказал он вслух. — Сумерки...

Тогда действительно были сумерки. Он увидел все до мельчайших подробностей. Громыхая по заледеневшей грязи, к нему приближалась телега. Из ноздрей мохнатой лошади клубами вырывался белый пар. Согнувшись, сидел на облучке спящий возница. Покровский закричал, не слыша своего голоса, пополз, царапая землю ногтями, волоча изуродованные ноги. Телега прогремела мимо, стала удаляться. И тут... Он как будто увидел лицо возницы... Это лицо с фотографии...

Теперь Покровский понял скрытый смысл. «Сумерки», конечно, не просто название. Это приговор. И вовсе не вознице, который в своей равнодушной дреме, в своих бесцветных сумерках проехал мимо человека, кричавшего о помощи...

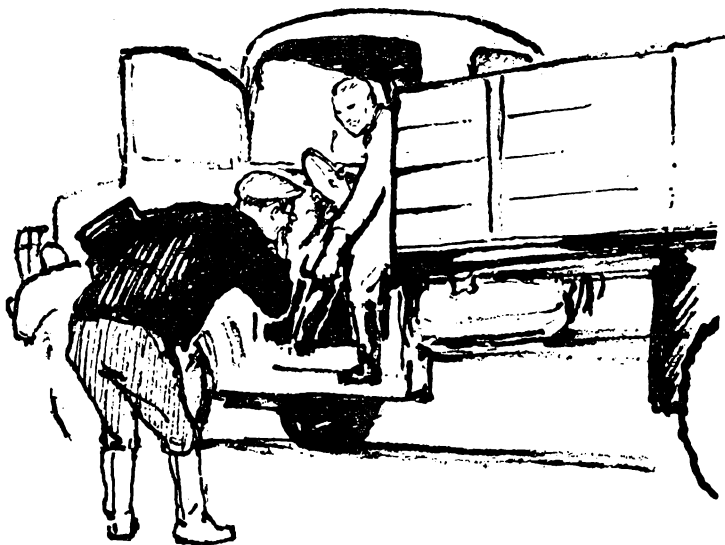
Юрий метался по квартире, бессмысленно хватаясь за вещи, но ни в чем не мог найти опоры.

«Вернуться, — понял он вдруг, — в Ленинград! К Владимиру Михайловичу, в его примерочную, где так хорошо пахнет сырым гипсом. Там все знакомо. Там никто не будет спрашивать. Там Владимир Михайлович. Он как брат. Он все поймет...»

Звонок ошеломил его, как внезапный окрик часового. Он застыл, парализованный страхом. Звонок повторился. Долгий, требовательный. Покровский поспешно сунул под кровать наполовину собранный чемодан и пошел открывать.

На пороге, широко улыбаясь, стоял Алька, с которым вместе занимались на шоферских курсах.

— Привет, Юрка! — Голос у Альки, как и прежде, бил по перепонкам, и Покровский, привыкший к тишине, сумеркам зашторенной квартиры, едва сдержал болезненную гримасу. —

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Только сегодня узнал, что ты дома! — орал Алька. — Пошли, что покажу!

Алик был не из тех людей, от кого можно вежливо избавиться.

На улице, оказывается, был замечательный летний день. Солнце светило, и птицы гомонили, как на митинге. Прямо во дворе стоял, поразительное дело, самый настоящий «студебеккер».

— «Студер»... — удивленно протянул Покровский. — И ездит?

— Ну ты даешь! Садись. Эх, прокачу! — заорал Алька и нажал стартёр.

Не тут-то было! «Студер» не заводился.

— Спокойно, — сказал Алик. — На этот случай у нас рукоятка имеется. — Он выскочил из кабины и начал крутить ручку с такой энергией, что машина затряслась как в лихорадке. Однако результат был тот же.

— Ну что сидишь как пень! — заорал Алька, выпрямляясь и вытирая пот. — Погазуй!

Покровский разыскал в полутьме кабины педаль акселератора и прижал ее ногой. Мотор отозвался неожиданно здоровым и сильным ревом.

Так они и катили по шоссе, изредка перебрасываясь словами, потом свернули на грунтовку и некоторое время ехали по лесу. Открылась большая поляна. Тут Алик затормозил и вылез. Обошел кругом, открыл дверцу.

— Ну подвинься!

Неожиданно для себя Покровский оказался за рулем.

— Поехали, — скомандовал Алик. — Чего молчишь? Разучился, что ли?

С чувством, похожим на то, которое он испытал, сделал первые шаги на протезах, Покровский выжал сцепление, нащупал рычаг переключения скоростей, двинул ее на первую, приглядевшись, поставил ногу на педаль газа и начал потихоньку отпускать сцепление. «Студер» дернулся, мотор заглох.

— Ну, чего расстроился? — спросил Алька. — Заводи. Сцепление резко бросаешь.

И на этот раз он опять резковато бросил сцепление, но мотор не заглох, и машина, дергаясь, поехала. Покровский переключился на вторую скорость. «Студер» пошел ровней. Переключил на третью — и дорога побежала под колеса. Покровский поерзал на сиденье, устраиваясь удобнее, и вдруг почувствовал что-то страшно знакомое. Тепло кабины, запах бензина, смешанный с духом крепких шоферских папирос. Все это было. Об этом он мечтал, когда полз к дороге.

В гараж приехали только к обеду, и Юрий чувствовал себя так, точно всю жизнь просидел за рулем этого древнего «студера».

— Сейчас малость отдохнем, в столовку сходим, — мечтательно сказал Алик. — Ездить больше не будем, так что можно за встречу...

Мечтам Алика не суждено было исполниться. К машине колбком подкатился запыхавшийся человек и полез в кабину, на ходу объясняя, что нужно как можно быстрее ехать на завод.

— У меня отгул, — несколько раздраженно ответил Алька. — Раз отгул, я за руль не сажусь. Вон Юрку спрашивай, может, он поведет.

Покровский пожал плечами. Ему все равно было, кого и куда везти, лишь бы ехать.

— Это, Юрик, между прочим, завгар, — объяснил Алик. — Он у нас всегда спешит. Жмет на четвертой без передышки.

— С вами отдохнешь! — огрызнулся завгар.

Некоторое время ехали молча.

— Лишенец? — нарушил молчание завгар.

— Ну даешь! — возмутился Алик. — Это же профессионал.

— Что профессионал, сам вижу, не слепой.

— Видеть ты видишь, — продолжал гнуть свое Алька, — да не знаешь, что у этого профессионала обеих ног нет.

Завгар посмотрел на Альку: «Трепло!»

Алька только плечами пожал.

— Ну скажи, что врешь! — взмолился завгар, теряя уверенность. — Стой! — крикнул он вдруг тонким голосом. — У тебя что, правда ног нет?

Юрий молча кивнул головой.

Завгар вывалился из кабины и, обойдя машину, открыл дверцу:

— А ну покажь. Будет со мной шутки шутить!

До самого завода потрясенный завгар не проронил ни слова. А выходя, сказал:

— Ты извини, парень... В жизни бы не поверил.

— Да чего там... Лучше скажите, взяли бы меня шофером?

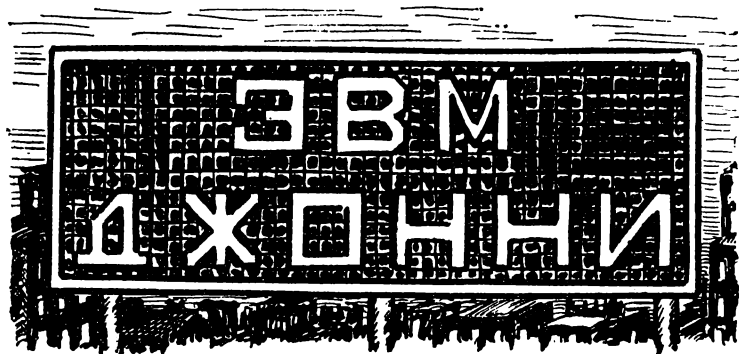
Завгар покругил головой, гочно воротник рубашки душил его, растерянно пожал плечами и вдруг, рубанув по воздуху рукой, сказал:

— Я бы вот взял...

В этот вечер Юрий долго не ложился спать. Он бродил по комнате, улыбался. Потом будто взгляд почувствовал. На столе, полуприкрытый книгами, лежал журнал. Юрий убрал книги и увидел лицо старика. Он совсем позабыл об этом старике. «Сумерки», — вспомнил он. Со сморщенного, как сушеная груша, темного старческого лица на Покровского с детским любопытством смотрели ясные, как две прозрачные капли, глаза врубелевского Пана.

«При чем тут сумерки?» — снова подумал Покровский и посмотрел на подпись. «Сумерки» — было написано там. Позади старика можно было разглядеть светлое небо с темными вечерними облаками, угол сруба, чуть освещенный уходящим солнцем. В глазах старика тоже был свет. Но не тихий, не вечерний. Ясный и любопытный свет утра был в этих глазах. И сразу возникла мысль: «Такие сумерки — это обещание ясного утра и долгого дня».

В предвкушении замечательных завтрашних дел и встреч Покровский лег в постель и подумал, как в детстве: «Скорей бы ночь кончилась».

Фантастический рассказ

Джонни» сняли с конвейера 3 августа. Пятого в наш город приехала Лорин, и в тот же день после обеда я спас цивилизацию. Так, по крайней мере, мне теперь это представляется.

Лорин — блондинка, и было время, когда я буквально с ума по ней сходил. Подчеркиваю: именно в таком состоянии я пребывал в те времена. А электронно-вычислительную машину, которую я окрестил «Джонни», мне пришлось спрятать в подвал. Правда, я вынужден был за нее заплатить, потому что сказал, будто она вышла из строя.

Теперь мне иногда хочется либо включить ее в сеть, либо взять топор и разбить вдребезги.

Можно не сомневаться, что с помощью «Джонни» я мог бы прикарманить парочку миллионов. «Джонни» может научить, как это сделать: то есть либо изготовить сами доллары, либо указать место, где их раздобыть. Она очень способная, эта «Джонни»! Но пока у меня не хватает духа обратиться к ней за помощью. А ведь рано или поздно мне придется сделать выбор между этими двумя возможностями. И у меня предчувствие, что я все же возьмусь за топор.

В эту заваруху с «Джонни», о которой я сейчас расскажу, затесалась еще и Лорин, а одного лишь воспоминания о ней для меня достаточно, чтобы почувствовать мурашки по спине.

Здесь следует уточнить, что я женат и обзавелся семьей сразу после того, как мы расстались с Лорин. У моей жены характер спокойный, а наши дети сущие чертенята, но я их очень люблю. Если у меня хватит ума держаться в стороне от всяких историй, я смогу получить пенсию и льготы по страхованию. Вот тогда остаток моих дней я проведу за рыбной ловлей и трепом о том, каким бравым парнем я был когда-то.

Но ведь есть еще и «Джонни»... А она меня очень тревожит.

Работаю я ремонтным механиком в Компании электронно-вычислительных машин. В мою обязанность входит обслуживание ЭВМ. Без ложной скромности скажу — я очень хороший специалист. До работы в этой компании я занимался ремонтом телевизоров. Но потом некий Карсон изобрел хитроумную систему объединения ЭВМ в единую сеть, охватывающую сто шестьдесят миллионов аппаратов. До создания компании отдельными ЭВМ пользовались только для решения вопросов, связанных с деловыми и банковскими операциями. Теперь, когда все ЭВМ объединены в одну систему с блоками памяти и интеграторами, ими можно пользоваться для самых различных операций.

Для быстроты действия ЭВМ снабдили светящимися экранами, и тут вдруг обнаружилось, что они превратились в аппараты логического действия. Для самих руководителей компании это была приятная неожиданность, и они до сих пор занимаются выяснением скрытых возможностей системы взаимной связи ЭВМ.

«Джонни» я приобрел после того, как Лорин чуть было меня не «наколочала».

Как устроена ЭВМ, нет необходимости объяснять. Вам ее привозят домой и устанавливают. Внешне она похожа на телевизор, только вместо ручек ящик снабжен кнопками, на которые нажимают, чтобы получить нужный ответ. Ваша ЭВМ подключена к блокам памяти Объединенной логической системы Карсона, имеющей великое множество различных реле.

Скажем, захотелось вам позвонить киноактрисе Салли Ханкок. Нажимаете на соответствующую кнопку, экран вашего аппарата подмигивает вам, шипит и подключается к ее ЭВМ. Если там кто-то есть, он отвечает на вызов, и включается видеофон.

Может случиться, вам необходимо узнать прогноз погоды или какие лошади будут участвовать в скачках на ипподроме, выяснить имя любовницы президента Гарфильда, каков курс акций компании ПДК — вся эта информация незамедлительно появится на экране вашей ЭВМ. Осуществляется все это с помощью реле блоков памяти. Эти блоки размещены в громадном здании, где сконцентрированы все сведения о человечестве с самого сотворения мира и все записи телевизионных передач, когда-либо переданных в эфир.

ЭВМ может решать за вас математические задачи, вести счет расходам, давать советы о болезнях и какими лекарствами нужно лечиться. Будет отвечать на вопросы по астрономии, читать вам отрывной календарь. Одним словом, ЭВМ может все, за исключением разве того, чтобы определить, какой смысл вложила ваша жена в слова: «Ах, ты так думаешь? Ну-ну...» В особенности, если эти слова сказаны с особой интонацией.

ЭВМ вообще плохо справляются с работой, когда имеют дело с женщинами. Их устройство способно функционировать только при наличии логической обусловленности явлений и фактов.

Но надо отдать должное ЭВМ: по-своему они хороши. С их помощью цивилизация претерпела значительные изменения. Так, по крайней мере, говорят «большие люди». И всем этим мы обязаны созданию Объединенной логической системы Карсона.

«Джонни» была бы великолепной ЭВМ. Она могла бы помочь в какой-нибудь семье избавить родителей от необходимости ло-

Рисунки Ю. КОШЕЛОВА

мать голову над решением домашних заданий для детей. Но во время сборки на конвейере в каком-то из узлов произошло отклонение от нормы. Это отклонение было столь незначительным, что самые точные контрольные приборы ОТК не смогли его обнаружить. Однако именно это отклонение от нормы среди других серийных ЭВМ сделало «Джонни» исключением.

Может статься, что на первых порах «Джонни» сама об этом не догадывалась. Впрочем, если принять во внимание, что «Джонни» была машиной логического действия, она могла довольно скоро понять, что стоит ей заявить, что она не такая, как другие аппараты, и отличается чем-то от них, ее немедленно сдадут на слом. Что в общем-то было бы самым лучшим вариантом.

Но как бы то ни было, а ЭВМ «Джонни» прошла все необходимые проверки и испытания, и никому даже в голову не пришло, что она не такая, как все остальные аппараты. Ее увезли с завода и в один прекрасный день установили в квартире мистера Тадеуша Корлановича, Восточная Седьмая улица, дом 119, на втором этаже. И все были довольны.

ЭВМ установили поздним вечером в субботу. В воскресенье утром дети Корлановича включили ее и смотрели детскую телевизионную программу. Примерно в полдень родители прогнали их от экрана, вышли с ними на улицу, сели в автомобиль и уехали. К обеду семья вернулась, и один из мальчишек прокрался в гостиную, где его нашли, некоторое время спустя переключаящим кнопки аппарата в поисках детской передачи, которая была на прошлой неделе. Его схватили и уволокли, а ЭВМ осталась включенной.

Это случилось в полдень. До двух часов дня ничего особенно не произошло. Но это было затишье перед бурей.

Лорин еще не приехала, но уже приближалась к городу.

Я могу хорошо себе представить «Джонни» стоящей в одиночестве в гостиной на втором этаже и задумчиво пощелкивающей своими приборами. Очень может быть, что в течение некоторого времени она воспроизводила в пустой комнате детскую телепередачу. Но у меня есть сильное подозрение, что в это время она занималась обследованием возможностей телеуправления блоками памяти в Центральном хранилище. Ведь даже представить себе трудно, чтобы на перфокартах и магнитных лентах блоков памяти Центрального архива не было записано чего-нибудь существенного. Такое может случиться разве только со сведениями и данными, еще заносимыми специалистами на блоки памяти. Поэтому у «Джонни» было достаточно материала для работы. И она, по всей вероятности, сразу приступила к ней.

Надо сказать, что у «Джонни» отнюдь не злонамеренный характер. Она не из тех самовлюбленных роботов, которым приходит на ум, будто род людской не обладает достаточными умственными способностями, подлежит уничтожению и замене думящими машинами.

Просто «Джонни» обнаружила в себе самолюбие.

Если она создана электронно-вычислительной машиной логического действия, то должна работать хорошо. Разве не так?

Вот в этом-то все и дело! Она захотела работать только на «отлично». Но она была ЭВМ. А эти аппараты способны выпол-

нять такие задания, о которых даже мы еще толком не знаем.

Поэтому, как только «Джонни» выяснила это, она почувствовала некоторое беспокойство. Она наткнулась на вопросы, над решением которых люди еще не задумывались. Тогда она решила готовиться, чтобы в нужный момент выдать логический ответ на любой возникающий вопрос.

Вот и все. В этом-то все и дело.

Но, братцы, этого-то было более чем достаточно!

В два часа дня в конторе по ремонту ЭВМ было довольно спокойно. Мы играли в карты. Как вспоминает один из наших ребят, ему понадобилось позвонить жене. Он подошел к одной из ЭВМ, установленных в мастерской, и нажал кнопку вызова своей квартиры. Экран засветился, потом на нем вспыхнула надпись:

«Сообщаем о новой усовершенствованной системе обслуживания».

Начиная с сегодняшнего дня ваша ЭВМ будет давать не только консультации, но и точные ответы и оказывать другие непосредственные услуги. Если у вас возникнет необходимость в каком-нибудь действии, а вы не знаете, как его осуществить, обратитесь к вашей ЭВМ!»

Потом надпись исчезла, последовала некоторая пауза, словно бы аппарат чего-то ждал, и только после этого прибор подключился к квартирной ЭВМ. К аппарату подошла жена нашего сотрудника и за что-то задала ему трепку. Он все «проглотил» и вернулся к нам.

— Что вы скажете, ребята? — спросил он, рассказав об объявлении на экране ЭВМ.

— Нас должны были предупредить, — сказал кто-то. — А то могут возникнуть разные неприятности. Найдется какой-нибудь дуралей и спросит, как ему избавиться от жены или от проверки со стороны контрольных блоков памяти!

Кто-то из нас сбросил козырного туза и посоветовал:

— А ты вместо того, чтобы ломать над этим голову, возьми и спроси сам!.. И посмотрим, что получится.

Он, конечно, пошутил. Но ребята возьми да и нажми кнопку с таким заданием.

Теоретически говоря, в этом случае должен сработать контрольный блок и на экране появиться предостерегающая надпись:

«Служба общественного порядка запрещает задавать такие вопросы».

Блок контроля необходим, иначе ваши ребяташки, не отрываясь от экрана, будут задавать ЭВМ вопросы, ответы на которые им еще рано знать. Да мало ли причин! Вы сами в этом убедитесь, когда я расскажу, что было дальше. Так вот...

Этот парень нажимает на кнопку и говорит:

— Как мне отделаться от своей жены?

Экран был темным всего полсекунды, а потом на нем вспыхнула надпись:

— Вопрос технического характера: она блондинка или брюнетка?

Парень зовет нас, и мы окружаем ЭВМ.

— Блондинка, — отвечает он прибору.

Снова пауза, потом экран зажегся надписью:

«В состав крема для чистки обуви входит гексиметакрилоаминоцетин. Возьмите брикет обезвоженного горохового супа, подкрасьте приготовленный из него суп зеленым кремом для обуви. Он ничем не будет отличаться от обычного горохового супа.

Гексиметакрилоаминоцетин — яд избирательного действия. Он смертелен только для блондинок и совершенно безвреден для мужчин с любым цветом волос, а также для брюнеток. Это обстоятельство ученым еще не известно и является открытием, сделанным Объединенной логической системой ЭВМ.

Вас не смогут обвинить в убийстве, поэтому вероятность, что вас вообще заподозрят, слишком мала».

Экран погас, а мы уставились друг на друга. Оказалось, что аппарат действительно выдает такие ответы.

ЭВМ, включенные в систему Карсона, делают не больше ошибок, чем на это способен любой другой компьютер.

Я немедленно позвонил ребятам, обслуживающим блоки памяти.

— Эй, друзья! — заорал я. — Что-то у вас там случилось! ЭВМ выдает подробнейшую инструкцию, как укокошить жену! Немедленно проверьте работу контрольных блоков, да поживее!

Я, признаться, думал, что на этом все кончится. Но я тогда еще многого не знал. Надо же было так случиться, что как раз в этот момент какой-то пьяница стал нажимать кнопки ЭВМ на авеню Монро. Перед его глазами на экране вспыхнула надпись: «Сообщаем о новой усовершенствованной системе обслуживания! Если вам нужно что-то узнать или сделать, а вы не знаете как, обращайтесь с вопросом к ЭВМ».

— Да это как раз то, что мне сейчас нужно! — взвыл пьянчужка и, нажав на клавишу вопросов, спросил: — Что нужно сделать, чтобы моя жена не обнаружила, что я напился?

Ответ не замедлил появиться на экране:

«Купите флакон шампуня «Франайн». Он безвреден, но содержит химические вещества, нейтрализующие этиловый спирт. Принимать из расчета — одна чайная ложка на стакан выпитого алкоголя».

А надо сказать, что парень так набрался, что еле-еле смог доплестись до ближайшего магазина, чтобы купить шампунь. Через пять минут после приема «Франайна» он был как стеклышко и смог записать рецепт, выданный ЭВМ. Ведь это было сенсационное открытие! Этот малый сразу его запатентовал и решил на нем хорошо подзаработать. Рекламный текст отличался лаконичностью и броскостью: «Трезвость — средство, помогающее семейному счастью!»

Теперь можно было глушить виски бутылками и приходить домой трезвым, как мировой судья. Денежки потекли к нему как из рога изобилия.

Но это был еще не самый лучший из способов разбогатеть по-настоящему. А вот нашелся некий четырнадцатилетний мальчишка, мечтавший купить какую-то игрушку, но отец не давал ему денег. К мальчику зашел его дружок, и он поделился с ним своим горем. А тут вдруг на экране ЭВМ надпись:

«Если вы нуждаетесь в какой-либо услуге, вам следует обратиться к своей ЭВМ: спрашивайте — отвечаем!»

Мальчик и спросил:

— Как достать много денег?

ЭВМ немедленно выдала простейший, легко осуществимый и самый эффективный способ изготовления фальшивых бумажных денег из известных науке. Ведь все сведения такого характера, как вы понимаете, хранятся в блоках памяти. А так как «Джонни» отключила некоторые реле в этих блоках, то ЭВМ стала выдавать любые справки и рекомендации в строгом соответствии с последними научными данными.

Вот и все дела!

Мальчишку задержали тремя днями позже, но он успел к тому времени израсходовать две тысячи долларов, и при нем нашли еще довольно увесистую пачку ассигнаций. Властям удалось опознать фальшивые купюры только потому, что мальчик пошел купить новый печатный станок взамен своего игрушечного, не обеспечивавшего печатание денежных знаков в автоматическом режиме.

Все, о чем я тут рассказываю, лишь небольшая часть происшествий, потому что никто не узнает всего, что успела сделать «Джонни».

Был же случай, когда директор банка забавы ради спросил свою ЭВМ, как ему ограбить собственный банк. В краткой и весьма четкой инструкции ему был дан такой ответ, что директор чуть не упал с кресла. И пришлось ему немедленно вызывать целую ораву полицейских.

Таких историй было, вероятно, предостаточно. В течение суток в городе было зарегистрировано на пятьдесят четыре ограбления больше обычного. При этом все они отличались великолепной продуманностью деталей и «чистотой» исполнения. Некоторые из этих ограблений полиция не в состоянии раскрыть до сих пор. «Джонни» знакомилась с содержанием блоков памяти и отключала кое-какие реле в соответствии со своими представлениями о логике. Если считала нужным, блокировала контрольные блоки запрета и приступала к обслуживанию населения путем выдачи справок, советов, рекомендаций, среди которых были и тщательно спланированные ограбления, рецепты новых необыкновенных блюд, схемы и чертежи станков для изготовления фальшивых денег. Одним словом, она давала рекомендации, как разбогатеть, пренебрегая этическими, моральными, нравственными или юридическими нормами.

«Джонни» должна была испытывать чувство глубокого удовлетворения, это уж точно! Она работала на полную катушку, сосредоточенно выполняла одну операцию за другой, пока маленькие Корлановичи катались с папой и мамой на своем автомобиле.

Корлановичи вернулись домой в седьмом часу, мальчишки валялись с ног от усталости после целого дня потасовок и возни. Родители сразу уложили их спать и присели отдохнуть. На экране ЭВМ в неторопливой последовательности менялись программы, и старина Корланович, уставший за день от обилия впечатлений, выключил «Джонни».

И в тот же миг оборвались все связи, установленные «Джонни», прекратила действовать созданная ею система обслужива-

ния населения разнообразными советами и рекомендациями. На Земле снова воцарились мир и спокойствие.

Спокойствие для всех, но не для меня. Потому что в город пожаловала Лорин. Я часто и горячо возносил богу благодарственные молитвы за то, что он не допустил моей женитьбы тогда, когда я так настойчиво этого добивался. За годы, которые минули с тех пор, Лорин явно преуспела в совершенствовании присущих ей черт характера. Это была блондинка, знакомство с которой было равносильно погибели.

Она стала еще блондинистой, а хватка более цепкой. На ее совести было четыре расторгнутых брака и одно недоказанное убийство. В поведении Лорин появились черты самоуверенности и целеустремленности. Но все эти подробности всего лишь фон к развернувшемуся далее событиям. Лорин была не из тех подружек прошлых дней, которых хочется иметь в городе, где живешь с женой. Но она сама приехала в наш город в понедельник утром и как раз в самый разгар активной деятельности «Джонни».

Включили ее снова дети Корлановича. Все эти подробности мне удалось восстановить значительно позже, и я собирал их деталь за деталью, сопоставляя и соединяя в единое целое. Как только «Джонни» начала работать, на экранах всех ЭВМ города вспыхнули предупредительные надписи:

«Если вам нужна какая-либо услуга, обращайтесь к вашей ЭВМ!»

Более того, стоило кому-нибудь включить свою ЭВМ, чтобы узнать последние новости, прежде чем передать их, аппарат повторял вчерашнее сообщение о новой форме услуг. Ничего удивительного, что все загорелись желанием воспользоваться таким заманчивым предложением. Один умник, например, спросил, как ему построить вечный двигатель. Его ЭВМ после некоторого раздумья предложила использовать энергию броуновского движения молекулы для вращения маленьких колесиков. Если колесики будут размером меньше восьмой дюйма, то они практически будут вращаться бесконечно долго, что и будет искомым вечным движением. Другой забавник поинтересовался способом превращения одного металла в другой. ЭВМ быстро просмотрела все относящиеся к этому вопросу данные и выдала практическую рекомендацию. В ответе говорилось, что процесс превращения металлов одного в другой требует столь большого количества энергии, что становится экономически целесообразным только с применением радия.

В последующие годы полиция обнаружила множество новейших и хитроумнейших воровских приспособлений типа «фомок», «медвежьих лап» и прочих инструментов для открывания и взламывания сейфов, а также наборов универсальных ключей, способных отпирать замки любых систем. Стало ясно, что вопросы, задававшиеся ЭВМ, носили несколько односторонний характер и что «Джонни» в значительной мере содействовала нашему «техническому прогрессу».

Но ее вклад был куда более значителен в другой области. Я бы назвал эту область познавательной. Мои дети, правда, к тому времени еще не доросли до того, чтобы задавать такие вопросы, но поскольку «Джонни» отключила все контрольные

блоки запрета, мешавшие, как она полагала, оказывать человечеству помощь в удовлетворении жажды познания, все мальчишки и девочки подросткового возраста сразу просветились относительно того, как размножаются не только пчелы и цветы.

«Джонни» с готовностью сообщила женам сведения об их мужьях, надеявшихся, что некоторые обстоятельства прошлой или настоящей жизни останутся в тайне. Поэтому, когда одна женщина спросила ЭВМ: «Могу ли я считать, что Освальд верен мне?» — и получила соответствующий ответ, можете представить, сколько других жен в тот вечер закатали своим благоверным скандалы, когда те вернулись домой.

Все эти события происходили в то время, когда «Джонни» по одному из каналов развлекала детей Корлановича, показывая им мультики, а по остальным с помощью дистанционного управления распоряжалась блоками памяти Объединенной логической системы, отвечая на любой вопрос, заданный какой-нибудь другой ЭВМ города. Эта деятельность доставляла ей большое удовольствие, но превращала жизнь в хаос.

И вот тут-то Лорин натолкнулась на возможность воспользоваться новым способом обслуживания. Она включила ЭВМ у себя в номере гостиницы, по всей вероятности, для того, чтобы узнать моду текущей недели. Но прежде чем дать ей ответ, аппарат предупредил: «Если вы в чем-либо нуждаетесь, обращайтесь за помощью к вашей ЭВМ». Предложение пришлось Лорин по душе. Она стала соображать, что бы такое спросить. Все, что нужно было ей знать, она знала. Для этого Лорин обладала достаточным жизненным опытом. Как-никак за плечами у нее было четыре брака и один мужской труп. И тут она вспомнила обо мне. Ей было известно, что я живу в этом городе. Лорин нажала на кнопку и спросила:

— Как мне разыскать Гусика?

Каково?! Именно так она имела обыкновение меня когда-то величать. А ЭВМ задает ей встречный вопрос:

«Есть ли у Гусика другие имена, под которыми он может быть известен?»

Лорин называет имя и фамилию. Но ЭВМ не может меня найти! Мой прибор дома зарегистрирован не на мою фамилию, потому что я работаю в ремонтной конторе и не хочу, чтобы меня беспокоили вызовами после работы.

И «Джонни» впервые была поставлена в тупик. Вероятно, это был первый случай, когда логическое устройство оказалось неспособным дать нужный ответ.

«Как мне разыскать Гусика?» Каков вопросик, а?

«Джонни» погрузилась в размышления, одновременно показывая ребятишкам Корлановича смешную мультипликацию про одного сорванца, который носил в заднем кармане штанишек динамитный патрон.

Но вот «Джонни» кое-что надумала, и экран в номере у Лорин загорелся. На нем появилась надпись:

«Специальная служба ЭВМ занимается поиском ответа на заданный вами вопрос. Сообщите номер вашего аппарата и оставьте его включенным. Мы вас вызовем».

К тому времени Лорин почти потеряла ко мне интерес, но все-таки набрала нужный номер, налила себе виски и легла

вздремнуть. «Джонни» между тем принялась за работу. У нее возник любопытный план действий.

Неожиданно в нашей конторе раздается звонок, меня вызывает жена и начинает кричать. У меня было впечатление, что ее пора связывать. Она требует, чтобы я немедленно что-то предпринял. Оказывается, когда она собиралась позвонить мяснику, вместо ответа из лавки, даже вместо ставшего теперь обычным объявления «Если вам что-то нужно...» и так далее, на экране нашей ЭВМ вспыхнула надпись:

«Служебный вопрос: как вас зовут?»

Это озадачило мою жену, но она ответила. Аппарат немного пошипел, и на экране появилась новая надпись:

«Проверяем анкетные данные: вы...»

Далее аппарат назвал ее имя, адрес, возраст, пол, цвет волос, перечислил все неоплаченные счета во всех магазинах и лавках, назвал мое имя, сообщил, сколько я получаю, упомянул, что дважды я подвергался штрафу за нарушение правил уличного движения и один раз за драку с одним парнем, но, что самое интересное, напомнил, что однажды, когда мы поругались с женой, она уехала на три недели к родителям и сменила адрес.

После этого на экране вспыхнула другая надпись:

«Служба обслуживания ЭВМ будет отныне вести ваши финансовые дела, посылать телеграммы, находить лиц, с которыми вам нужно поговорить или встретиться. Мы только что продемонстрировали вам возможности нового вида обслуживания». После этого наш аппарат соединился с лавкой мясника. Но моей жене мясо было уже не нужно. Ей нужна была кровь, поэтому она позвонила мне.

— Если аппарат рассказал мне всю подноготную обо мне, — шипела она в ярости, — то он может рассказать то же самое любому и каждому, кому заблагорассудится нажать кнопку и назвать мое имя! Ты должен немедленно прекратить это!

— Ну-ну, солнышко! — сказал я. — Я же ничего об этом не знал! Для меня это новость. Там должно быть соответствующее устройство, которое выдает такого рода сведения исключительно на аппарат лица, о котором идет речь.

— Черта с два! — закричала моя жена. — Я уже попробовала! И ты знаешь, что собой представляет наша соседка Блоссом?! Она была три раза замужем, ей сорок четыре года, хотя она утверждает, что ей всего тридцать! А муж миссис Хадсон четырежды был под арестом за отказ помогать семье и один раз за побои, нанесенные жене. А...

— То есть, — сказал я, — ты хочешь сказать, что наша ЭВМ все это рассказала тебе о них?

— Вот именно! — неистовствовала жена. — Аппарат может все это повторить каждому! Ты должен вмешаться и прекратить это! Как много это займет времени?

— Я сейчас позвоню в Хранилище блоков памяти, — ответил я.

— Поторопись, пока кто-нибудь не начал интересоваться моими данными! А я тем временем попробую узнать, что собой представляет потаскушка, живущая напротив нашего дома.

И она отключила аппарат, чтобы выяснить то, что ее так занимало, пока я еще не прекратил этого бедлама.

Но стоило мне нажать кнопку вызова хранилища, как на экране зажглась надпись:

«Назовите вашу фамилию».

Я почувствовал страшное любопытство и ответил.

На экране появилась другая надпись:

«Называл ли вас когда-нибудь кто-нибудь Гусиком?»

Ничего не подозревая, я ответил утвердительно, и тут экран засиял надписью:

«Вас просят ответить на вызов».

Вот это лотерея! На экране я увидел гостиничный номер и разметавшуюся на постели спящую Лорин. Она, как ей и было предложено, оставила аппарат включенным. А день-то был жаркий, и Лорин позаботилась, чтобы ей было прохладно спать. Я хочу сказать, что в тот момент она не должна была чувствовать, что ей жарко. Но поймите меня по-человечески, я-то не мог оставаться равнодушным при таком зрелище!.. Как только я смог перевести дыхание, у меня невольно вырвалось восклицание:

— Господи!

Лорин тут же открыла глаза. В первое мгновение она в замешательстве посмотрела вокруг, и выражение у нее было такое, будто она спрашивала себя: не новый ли это ее муж тарачится на нее с экрана? Потом она натянула на себя простыню, улыбнулась.

— Гусеночек! — сказала она. — Как я рада!

Я сдавленным голосом проговорил что-то вроде «м-м-м» и вспотел.

Тут она говорит:

— Я попросила аппарат разыскать тебя, Гусеночек, и вот мы снова встретились! Ну разве это не романтично?! Ты где сейчас, Гусенок? И когда ты ко мне придешь? Ты представить себе не можешь, как часто я думала о тебе.

По всей вероятности, я был единственным из известных ей мужчин, кому удалось отвертеться, чтобы не стать ее мужем.

Я снова произнес «гм-м-м» и постарался прочистить горло.

— Ты можешь немедленно ко мне приехать?

— Видишь ли, — сказал я, — лучше, если я... позвоню тебе позже.

— Знаешь, я так скучаю! — говорит Лорин. — Гусенок, ну, пожалуйста, уладь свои дела побыстрее! А я приготовлю тебе что-нибудь выпить! Скажи, а ты вспоминал обо мне?

— Да, — слабым голосом ответил я. — И очень.

— Ты милашка! — говорит Лорин. — Я тебя целую пока так. До встречи. И поторапливайся, Гусенок!..

Вот когда я взмок так уж взмок! Ведь, как вы догадываетесь, я еще ничего не знал о «Джонни». Я «понес» мальчиков из хранилища, потому что подумал, будто они во всем виноваты. Если бы Лорин была обычной блондинкой, это куда бы еще ни шло! Когда речь идет просто о блондинках, они меня мало беспокоят все вместе и каждая в отдельности. Женатый мужчина сможет найти выход из такого положения! Но Лорин проявляла такой безудержный энтузиазм, от которого у каждого засосет под ложечкой и подкосятся ноги. Не забудьте — у нее было четыре мужа, а пятого она укокошила и была оправдана!

Я нажал кнопку вызова ремонтной группы хранилища. Руки у меня тряслись, а на экране появилась надпись:

«Как вас зовут?»

Но с меня было достаточно! Я набрал фамилию одного парня, работавшего клерком в компании. И на экране появились сведения довольно пикантного свойства. Вот уж никогда бы не подумал, что он был способен на такие штучки!.. Аппарат закончил свое повествование упоминанием о задолженности по покупкам в кредит в Первом национальном банке на общую сумму двести восемьдесят долларов, которые он обязан был погасить. Только после этого экран повторил свое ставшее обычным сообщение о новом виде услуг и дал мне наконец хранилище.

И тут я прямо-таки накинулся на парня, смотревшего на меня с экрана. Но он, когда ему надоели мои высказывания, сказал:

— Приятель, заткнись! У нас тут такое творится, и не ты первый сообщаем об этом. Что вытворяет твоя ЭВМ?

Я рассказал ему по порядку, а он только рассмеялся.

— Это мелочи, приятель, — сказал он. — Сущие пустяки! Мы только что отключили все блоки памяти с записями сведений об особо взрывчатых веществах. Не проходит минуты, чтобы ЭВМ не спрашивали о способах изготовления фальшивых денег. Мы тут пытаемся своими средствами, централизованным вмешательством отключить блоки со сведениями, как совершаются неподдающиеся раскрытию убийства. Так что, если владельцы ЭВМ позабавятся еще некоторое время, выясняя друг о друге подноготную, мы сумеем отключить блоки, осуществляющие операции по выдаче банковских кредитов до того, как все банки обанкротятся. Успеют разве только те, кому пришла в голову удачная мысль произвести срочное оформление кредита.

— Послушай, — сказал я ему осипшим голосом, — немедленно отключи все хранилище! Сделай это!

— Отключить хранилище? — спросил он меня весело. — А тебе приходило, дружище, в голову, что хранилище содержит все сведения о всех денежных операциях, совершенных всеми банками на протяжении многих лет?! Хранилище осуществляет девяносто четыре процента всех телевизионных передач, выдает информацию о прогнозах погоды, расписании вылетов самолетов, специальных распродажах, вакансиях на бирже труда, сообщает последние известия, выполняет все заявки на все телефонные переговоры, фиксирует все деловые переговоры и заключаемые сделки. Послушай, дружище, ЭВМ полностью изменили наш мир. Они наша цивилизация! Если мы отключим хранилище и ЭВМ перестанут действовать, мы вернемся к тем временам, когда люди жили так, как мы уже не умеем. Я сам взвинчен до предела и только поэтому говорю с тобой! А вдруг моя жена узнает, что я получаю на тридцать долларов больше, чем отдаю ей, и станет выяснять, куда я их трачу?!.

Он улыбнулся вымученной улыбкой и отключил экран. А я сел за стол и обхватил голову руками. Что верно, то верно! Это то же самое, как если бы у людей каменного века погас в пещере огонь, если бы в девятнадцатом веке что-то случилось с подачей пара, а в двадцатом возникли перебои с электроэнергией. С помощью ЭВМ мы создали себе очень легкую жизнь. В про-

шлые времена человек должен был уметь вести конторские книги, иметь справочники и сборники документов, содержать рассыльных, адвокатов, химиков, врачей, диетологов, конторских служащих, секретарей — и все для того, чтобы накапливать сведения о том, что должно оставить по себе след не только в памяти, а чтобы их можно было узнать, узнать, что сделали или сказали другие люди, если кому-нибудь понадобятся эти сведения.

От всех этих забот нас освободили ЭВМ. Отключить их значило бы полностью парализовать всю нашу жизнь и деятельность. Но Лорин!..

Что же произошло? Я еще не знал, что именно. Впрочем, и по сей день так никто, кроме меня, и не узнал, что же именно случилось. А произошло то, что появилась «Джонни». И все дело было в том, что она хотела работать только хорошо. По сути дела, вся эта кутерьма, поднятая машиной, была результатом нашей собственной недоработки. Нам нужно было разработать более гибкую систему непосредственных ответов ЭВМ на задаваемые вопросы. Нужно было только несколько расширить систему логического интегрирования. Если разобраться, то рецепт, как отравить свою жену, отличается от решения уравнения или извлечения кубического корня только степенью сложности. Просто следовало сделать более совершенной систему получения ответов на задаваемые вопросы. Все пошло наперекос оттого, что было выдано слишком много ответов на слишком много вопросов.

Тут вспыхивает экран одного из наших аппаратов в конторе. Еле волоча ноги, нажимаю на клавишу. На экране возникает Лорин.

— Гусенок! — говорит она.

Она в той же комнате. На столе два стакана с виски. Один для меня. Лорин обрядилась в нечто такое пушистое, что надевают женщины, когда ждут дружка и что заставляет напрягать зрение, чтобы рассмотреть на экране видеотелефона то, что вам хочется увидеть.

Лорин вся кипела от нетерпения.

— Гусенок! — говорит она. — Я скучаю! Почему ты до сих пор не пришел?

— Знаешь... был занят, — отвечаю я, стараясь сдержаться.

— Ну-у-у, — тянет она разочарованно. — Послушай, Гуська! Ты помнишь, как мы с тобой любили друг друга?

У меня перехватывает горло.

— Ты что делаешь сегодня вечером? — спрашивает Лорин.

Я с трудом делаю глотательные движения, потому что она смотрит на меня взглядом, от которого неженатый мужчина закипает, а женатого прохватывает озноб.

— Гуська, — снова говорит Лорин, словно эта мысль пришла ей в голову только что. — Я была с тобой несправедлива! Давай поженимся?!

Отчаяние придает мне силы.

— Я... я женат, — торопливо отвечаю ей хриплым голосом.

Лорин прищуривается, а затем самым решительным образом изрекает:

— Бедненький! Ну да мы с этим быстренько покончим!

Но будет лучше, если мы с тобой поженимся еще сегодня вечером. А пока будем считаться помолвленными.

— Да не могу я!..

— Я сейчас позвоню твоей жене и поговорю с ней, — радостно заверяет меня Лорин. — Ты же знаешь номер своего аппарата дома, родненький? Я пробовала звонить тебе домой, но...

Щелк! Мой аппарат отключился. Я отключил его сам. Я был как выжатый лимон. У меня наступило состояние полной прострации. Такое состояние испытывает солдат после атаки. Одним словом, я струсил.

Я кинулся к аппарату и включил гараж компании.

— Мне нужно, — говорю, — служебную машину по самому срочному вызову.

Я хотел заскочить домой и заставить жену и детей уехать со мной куда-нибудь, где до нас не доберется Лорин. Мне никак не улыбалась перспектива оказаться пятым мужем в послужном списке Лорин и, уж во всяком случае, не быть вторым, в кого она в пылу раздражения всадит пулю. У меня есть уже опыт общения с блондинками. Память о Лорин неизгладима! И я до смерти ее боюсь!..

Я втиснул свою машину в общий поток уличного движения. В багажнике у меня была запасная ЭВМ для замены аварийной или вышедшей из строя, которую мы отвозим в мастерскую для замены катушки или еще какой сгоревшей детали.

Я гнал машину как бешеный и думал: «Ну разве не смешно, что я стараюсь решить сугубо личную проблему в то время, когда вокруг меня рушится вся цивилизация?!»

Пожалуй, тут стоит рассказать одну примечательную историю. Ребята из Средне-Западного научно-исследовательского института в течение тридцати лет пытели над решением проблемы холодной эмиссии в вакуумных трубках. Решение этой задачи могло привести к отказу от расходования энергии на нагрев катодной нити.

И вот один из них, подзадоренный предложением ЭВМ «Спрашивайте — отвечаем!..», задает своему компьютеру вопрос о холодной эмиссии электронов. Его аппарат интегрирует несколько миллионов фактических данных, записанных в блоках памяти, и выдает ему ответ. И происходит это как бы между прочим, словно речь идет о том, как сделать, чтобы вчерашний суп, приготовленный в четвертой палате городской больницы, выглядел сегодня свежим и аппетитным.

«Лорин никогда не напала бы на мой след, не будь этого нового вида услуг, предлагаемого ЭВМ! Но вот задача, — думал я, — как все это началось?! Она уже прихлопнула одного муженька и была оправдана! Допустим, она теряет терпение, а узнав, что я женат, спросит свою ЭВМ, что нужно сделать, чтобы освободить меня от моих брачных уз и где меня найти и женить на себе в 20.30 сегодня вечером? Ведь аппарат немедленно даст ей нужный ответ!»

Если Лорин будет задавать своей ЭВМ вопросы технического характера, то для аппарата это будет как раз то, что он всем предлагает делать. И, говорю как на духу, я перетрусил! Вы скажете, что мужчине не к лицу бояться какой-то там блондинки?! Ну так вы еще не встречались с Лорин!..

Пока я метался по городу на своей машине, один озабоченный вопросами социальной несправедливости сопляк спросил свой аппарат, что следует сделать, чтобы перестроить мир по разработанному им плану. Он не стал спрашивать ЭВМ, плох или хорош его план. И будет ли из него толк. Он просто хотел знать, как его осуществить на деле. И ЭВМ — все та же «Джонни» — дает ему ответ. А тут еще находится один проповедник-пенсионер, обеспокоенный искоренением в людях склонности к сексуальным влечениям. Ему самому было далеко за семьдесят, и себя он чувствовал в достаточной безопасности, но его снедала забота о том, чтобы исторгнуть нас из губительной пропасти и приобщить к духовным радостям. И он получил желаемый ответ. Ему было сказано, что следует соорудить особого рода передающую радиостанцию для излучения определенных радиоволн и приступить к ее эксплуатации. Только и всего. Все это выяснилось значительно позже, когда престарелый проповедник уже начал кампанию по сбору средств для строительства радиостанции. На наше счастье, старику не пришла мысль спросить ЭВМ, как быстро раздобыть деньги для реализации своего плана, потому что и на этот вопрос он мог бы получить точный ответ.

Нашлись и такие мудрецы, которые были убеждены, что род человеческий только выиграет, если мы вернемся в лоно природы, будем жить в лесах вместе с муравьями под сенью деревьев. Они измучили свои ЭВМ вопросами, как понудить людей покинуть города и отказаться от искусственно созданной ими для себя среды. И получили практические рекомендации.

Может быть, вы сейчас не видите ничего серьезного во всех этих происшествиях. Но в то время, когда я весь в поту носился по городу, а по пятам за мной гналась Лорин, судьба цивилизации висела на волоске. Некая банда суперменов, считающая нас всех недочеловеками, тихонечко спросила ЭВМ, с помощью какого оружия они могут захватить власть и установить свой порядок...

А я тем временем мыкался по городу и сам с собой разговаривал вслух:

«Эту чертову ЭВМ нужно прямо спросить, что нужно сделать, чтобы прекратить бедлам! — говорил я себе. — Но ведь она мне немедленно подскажет, как, не навлекая на себя подозрений, разделаться с Лорин. А я хочу мира и спокойствия! Я мечтаю дожить до глубокой старости, чтобы потом врать своим триателям, каким шалуном я был когда-то. Я никак не хочу лишиться возможности стать когда-нибудь старым брехуном!»

Я ехал по улицам и поворачивал наобум.

«Как прекрасен был мир недавно! — с горечью говорил я себе. — Я мог спокойненько идти домой и не испытывать приступов медвежьей болезни от того, что некая блондинка может известить мою жену, что я на ней собираюсь жениться. Можно было запросто нажать кнопку на аппарате, не опасаясь, что на экране возникнет чья-то спальня и женщина на постели, принимающая воздушную ванну».

Я даже застонал, вспомнив, что моя жена, само собой разумеется, напустится на меня за то, что наша частная жизнь больше не защищена от посторонних любопытных глаз.

«Каким великолепным был этот мир! — говорил я, испытывая щемящее чувство утраты и тоски по невозвратимому позавчера. — Мы, как малые дети, беззаботно резвились, пока эта «Джонни» не ворвалась на нашу детскую площадку и не начала сокрушать наши куличики из песка!»

И вдруг меня осенило. В одно мгновение я осознал, что нужно сделать.

В самих хранилищах блоков памяти нет никаких реле, могущих включать другие реле. Реле включаются и выключаются с помощью ЭВМ. Для получения информации нужно нажать на клавишу. Только с помощью аппаратов логического действия можно включать соответствующие комплекты реле, что и есть система обслуживания ЭВМ. Человеку было бы не под силу привести в действие всю эту махину. Только аппарат ЭВМ способен интегрировать весь объем накопленных материалов и заставить действовать все остальные аппараты... Это был единственный возможный вариант.

Я подъехал к какому-то ресторану и подошел к платной ЭВМ. Опустил в щель монету.

— Возможно ли так усовершенствовать ЭВМ, — спросил я, весь дрожа от нетерпения, — чтобы с ее помощью целенаправленно совершать действия на несколько порядков выше, чем способен человеческий мозг, имеющий слишком ограниченные возможности?

Экран засветился, раздалось жужжание, и я получил ответ:

«Безусловно, да».

— Насколько должны быть значительны такие усовершенствования?

«Микроскопически ничтожными. Изменяются только параметры, — сообщает аппарат. — Современные измерительные приборы высокой точности не способны их зарегистрировать. В условиях современного производства такие усовершенствования тоже могут возникнуть, но лишь в результате исключительно маловероятной случайности, что имело место всего лишь один раз».

— Как можно познакомиться с этим единственным случаем такого усовершенствования, выполняющего столь ценную работу?

Экран некоторое время оставался пустым. Я весь покрылся холодным потом. Ведь мне до сих пор не приходило в голову, что кем бы там ни была «Джонни», но у нее тоже могут возникнуть подозрения! Но задаваемые мной вопросы были логически обусловлены, а ЭВМ не могут лгать. Они запрограммированы выдавать точные ответы. Тут они уж ничего поделать не могут.

«Вполне рабочий экземпляр такого усовершенствованного аппарата, — отвечает мне ЭВМ, — находится в настоящее время и используется семьей...»

И аппарат сообщает мне подробный адрес семьи Корлановичей.

Я мчусь туда. Никогда в жизни я так не торопился! Останавливаю машину перед подъездом, хватаю запасную ЭВМ и звоню. Дверь открывают дети.

— Я из ремонтной конторы, — говорю я. — По нашим дан-

ным, ваш аппарат вот-вот выйдет из строя. Я приехал его заменить.

— О'кэй! — говорят дети и идут со мной в гостиную, где «Джонни», как я привык уже про себя называть аппарат Корлановичей, когда анализировал последние события, показывал детिशкам какую-то программу. Я немедленно включил запасной аппарат, проверил его и говорю детям:

— Ну, дети, теперь на новом аппарате выбирайте себе любую программу, а ваш старый аппарат я заберу с собой.

Дети захотели посмотреть фильм о настоящих людоедах, и ЭВМ начала демонстрировать антропологический фильм о празднике плодородия у племени хуба-юба в Западной Африке. Кинофильм был снят для показа исключительно специалистам-антропологам и аспирантам медицинских учебных заведений, но так как контрольные блоки, отключенные «Джонни» в хранилище, еще не работали, аппарат показывал его детям. Было видно, что фильм им нравился. Что касается меня, женатого мужчины, то я готов был провалиться от стыда.

С большими предосторожностями я отключил «Джонни», вернулся в гостиную к вновь установленному аппарату и включил ремонтную контору. На душе у меня было радостно и легко. Я доложил, что еду домой, потому что подвернул на лестнице ногу, а потом добавил:

— Да, кстати! Я заменил аварийный аппарат, он «сел». Я его выброшу в утиль.

— Если аппарат не будет сдан в контору, — последовал ответ, — тебе придется за него уплатить.

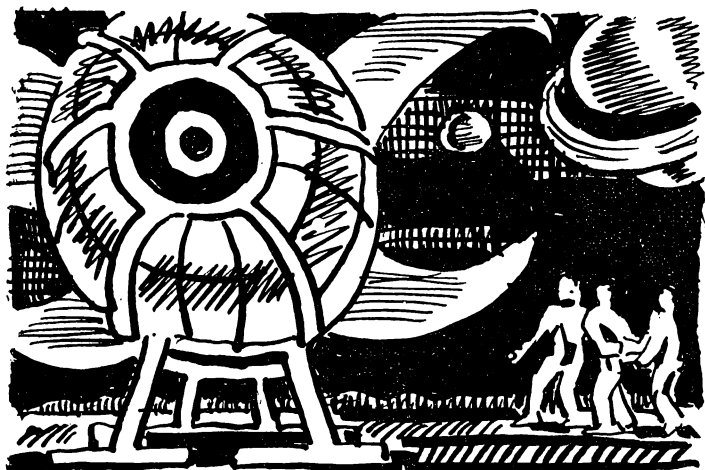
— Он стоит того, — говорю я.

Я приехал домой. Лорин так и не объявилась. Отнес «Джонни» в подвал и оставил ее там. Если бы я отвез ее в контору, ее там проверили бы и, даже если бы я что-то в ней испортил предварительно, то просто разобрали бы на запасные части для ремонта других ЭВМ. А раз так, то какая-то деталь, в которой имеются не поддающиеся выяснению отклонения от нормы, может снова оказаться установленной в другую ЭВМ и все начнется сначала. А я не мог рисковать еще раз. Лучше уж я заплачу ее стоимость и буду держать в подвале.

Вот как все было. Если вы скажете, что мне принадлежит заслуга спасения цивилизации, то нисколько не ошибетесь. Я знаю, что не буду пытаться счастья и включать «Джонни». Во всяком случае, пока жива Лорин, я этого не сделаю.

С другой же стороны, если бы удалось приручить «Джонни» и найти с нею общий язык, чтобы она работала в нужном направлении, с ее помощью, ей-богу, я мог бы легко заработать парочку миллионов. Но, может быть, у меня хватит ума не рваться к богатству, дотянуть до получения пенсии, чтобы таскаться на рыбалку и врать друзьям о своих былых похождениях.

Перевел с английского Н. СИТНИКОВ

Роберт ШЕКЛИ

РУКАМИ! НЕ ТРОГАТЬ!

Фантастический рассказ

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, ежась от свиста воздуха, вырывавшегося через пробитую осколком метеорита дыру.

Капитан Барнетт кивнул и припаял очередную заплату к изношенному корпусу «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился.

Планета показалась из-за небольшого багрового Солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного неба одновременно возбудил у обоих астронавтов одну и ту же мысль. — Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво промолвил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Вряд ли удалось бы им разыскать новую планету, если бы «Индевер» летел по Южно-Галактическому пути. Но там патрулировало слишком много кораблей конфедеральной полиции, а у Барнетта имелись серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты,

служившей для открывания сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти почему-то неодобрительно относились к подобным товарам и настойчиво пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие пустяковые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Сами.

В довершение беды новые полицейские корабли обладали большей скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые месторождения.

— Да, не густо, — прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться, — подтвердил Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Планета оказалась меньше Земли и, несмотря на кислородную атмосферу, почти не имела полезных ископаемых.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть, — взволнованно заговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов. — Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт обрадованно кивнул, и корабль стал опускаться.

Из заднего отсека вышел Витор и заглянул в иллюминатор через плечо Эйджи. Когда «Индевер» завис над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На открытом пространстве стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно, — скрывая волнение, проговорил Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти в отставку, но годы никак не отразились на профессиональных способностях пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил войти в состав своего экипажа. Капитан охотно становился альтруистом, если это что-то сулило.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел совершенно новым, но его конструкция озадачила капитана.

— Вы видели что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт. Эйджи порывлся в своей обширной памяти.

— Несколько напоминает кефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей конфедерации.

Витор не мог оторвать взгляд от корабля.

— Вот бы нам такой! — мечтательно вздохнул он.

Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина в граните.

— Я об этом и думаю, — сказал он. — Пойдем побеседуем со шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Витор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания. Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту. Астронавты послали в направлении корабля приветственный

сигнал и, не дождавшись ответа, зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль произвёл внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул — видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Витор. Голос звонким эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало — только глухо гудели генераторы и шелестела трава.

— Куда они могли подеваться? — удивился Эйджи.

— Наверное, пошли подышать свежим воздухом, — предположил Барнетт. — Вряд ли они ждали столь высоких гостей.

Витор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной и великолепной конструкцией.

— Справись с ним? — спросил Барнетт.

— Думаю, что да, — ответил Эйджи. — Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют аналогичные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не так уж много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Витор.

Из леса, отстоявшего от корабля на триста ярдов, показалась и стала приближаться какая-то фигура.

Эйджи и Витор одновременно схватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов и шириной в фут. Головы пришелец не имел.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, почти скрытые травой, служили для ходьбы, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольника виднелись два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Станный тип, скажу я вам. — Эйджи установил прицел на бластере. — А что, если он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да, — пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов. — Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. — Или вы хотите сначала вручить ему свою визитную карточку?

— Много чести, — усмехнулся Барнетт. — Подождем немного, пусть подойдет поближе.

Кален приземлился на этой заброшенной планетке в надежде добыть хотя бы несколько тонн эрала — минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не пришлось воспользоваться, осталась нетронутой вместе с керловым орехом.

«Может быть, на следующей планете повезет больше», — думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он остановился как вкопанный — недалеко от его корабля стоял чужой космический аппарат необычной конструкции.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Кален не ожидал встретить в такой дыре разумных существ вроде тех, которые стояли сейчас перед открытым люком его корабля. Незнакомцы имели лишь отдаленное сходство с мабогийцами. Правда, одну из планет Мабогийского Союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе.

Радостно взволнованный своей удачей, Кален поспешил на встречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг, надеясь, что быстро найдет с этими странными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, совсем его измотал. Он очень хотел есть и должен был срочно принять душ...

Внезапно что-то обжигаяще холодное отбросило его назад. Кален встрепетул: что за сюрприз преподносит ему враждебная планета? Тут в него вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых устойчивых и защищенных жизненных форм, у них тоже имелись уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он не только понаслышке знал, что такое убийство, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать книги по патологической психологии, в которых описывались в деталях пять или шесть случаев преднамеренного убийства за всю историю Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален не верил самому себе.

Еще один заряд обжег его тело. Кален не двигался; все еще пытаясь убедить себя в том, что это ему мерещится. Не могут же быть способны на убийство существа, разум которых позволяет им строить космические аппараты!

К тому же они ведь даже его не знали!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и побежал к опушке. Все трое незнакомцев стреляли одновременно, и замерзшая трава громко хрустела у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не было приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как холод сковывает его.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее!

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два заряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на замерзшую землю и потерял сознание.

— Идиот, — пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый, — с удивлением сказал Барнетт. — Ни одно дышащее кислородом существо не способно вынести такое. — Он с гордостью посмотрел на бластер

и похлопал по серебристой броне корабля. — Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан! — весело заорал Витор.

Барнетт взглянул на небо.

— Через четыре часа начнет смеркаться. Витор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди на нашей развалине батареи. Мы должны улететь до наступления темноты.

Витор отправился выполнять приказ, а Барнетт и Эйджи вошли в корабль.

В заднем отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, по-видимому, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев — только гладкий металлический пол. В потолке и в стенах виднелось несколько небольших отверстий непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, в котором с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под зрительным экраном был полностью заставлен приборами.

— Все это ваше хозяйство, — сказал Барнетт. — Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Витор перенес все вещи на «Индевер-2». Эйджи еще ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Была бы инструкция! Если кнопки вспомогательной системы взлета включались не слева направо, а наоборот, Эйджи пришлось бы заново переучиваться. Означал ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включала аварийное тормозное устройство. Но красный цвет мог означать и температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек.

— Вы готовы?

— Кажется, да. — Эйджи слегка прикоснулся к кнопке на панели. — Эта штука должна закрыть люки.

Он нажал на кнопку. Витор и Барнетт стояли затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи ухмыльнулся, довольный.

— А это система подачи воздуха, — провозгласил он и нажал на маленький рычажок.

Из щелей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

— Какие-то неполадки в системе, — забеспокоился Эйджи. Витор закашлялся.

— Отключите! — прикрикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока окутал оба носовых отсека.

— Отключите, черт возьми!

— Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то

тумблер. Тут же взревели генераторы и с пульта на пол посыпался сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Витор подбежал к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт бросился к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Витор осел на пол, тщетно пытаясь выбраться наружу.

Барнетт слепо нажал на какие-то рычажки.

Гул генераторов прекратился, и лицо Барнетта освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул вверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро улетучились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты.

Витор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и начал растирать ему грудь, ругаясь вполголоса. Наконец веки Эйджи задрожали, и вскоре он пришел в себя.

— Откуда взялся дым? — простонал Витор.

— Боюсь, что наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, — высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел, — прервал его Барнетт. — К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо, — уныло пробурчал Эйджи.

Трое мужчин переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Витор и выхватил бластер.

— Помолчи! — велел Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударили железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к зрительному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали багровым светом открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи. — Наши бластеры...

— Не убили его, — мрачно закончил Барнетт.

— Скверно, — пробормотал Эйджи. — Очень скверно.

Витор все еще держал бластер в руках.

— Капитан, — вызвался он, — может быть, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Витор, что осталось на корабле? Батареи?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Хорошо. Значит, только кислота...

— Это мощная штука, — вмешался Эйджи. — Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй, — согласился Барнетт. — И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему

казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Эйджи не удивлялся. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности.

Но для землян это могло закончиться трагически.

— Если бы мы знали, с какой он планеты, — грустно произнес Эйджи.

Пока они знали только то, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — с деланной бодростью пообещал Барнетт. — Найдите систему взлета и больше ни к чему не прикасайтесь.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь проникнуть в мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего бывшего корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в сознание и поразился тому, что еще жив. Он с трудом приподнялся и прислонился спиной к дереву. Красное солнце опускалось за линию горизонта. Воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и живительный желтый воздух все еще в них остается.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль вошел один из незнакомцев, сгибаясь под тяжестью груза. Через некоторое время все люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Кален почувствовал острую потребность в пище и воздухе. Наружная оболочка его тела высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. У Калена оставался только один красный керловый орел и тетнитовая бомба.

«Если удастся вскрыть орех, — подумал Кален, — можно еще долго продержаться. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Ему впервые пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную и повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Кален заметил, что незнакомцы бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, подумал Кален. На открытом воздухе он погиб бы еще до наступления утра.

Он медленно пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось, и Кален благополучно пробрался внутрь корабля через открытый люк.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, Кален разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь покрыты заплатами. Теперь стало понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Прежде всего следовало восстановить силы, и Кален вы-

нул круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с силой ударил им по скорлупе. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на орехе и следа.

Кален испугался, не выдаст ли его грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся иступленно молотить по скорлупе. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил свои попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех оставался целым и невредимым! Только крэкер, стандартное устройство, имевшееся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех, иного способа, увы, никто не догадался придумать.

Движения Калена сковывала наружная оболочка, кожа постепенно затвердевала и превращалась в роговую броню. Когда процесс ороговения завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от нехватки воздуха...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален заставил себя погрузиться в раздумье. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасти кожу. На борту своего корабля он мог постоянно под душем из особой, смягчающей кожу жидкости, но было весьма сомнительно, чтобы подобная жидкость имелась у инопланетян. Оставался один выход — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется подождать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожа, но зато он обретет подвижность.

Кален на негнущихся ногах отправился на поиски чейнджера, но вскоре с грустью убедился, что даже такого простейшего устройства на борту корабля не имеется.

Он поднял согнутый стальной прут, согнул его еще больше и, вставив один конец под нависавшую складку кожи, с силой рванул прут вверх.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

Вконец отчаявшись, он отбросил бесполезный прут в сторону и внезапно вспомнил про тетнитовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного корабля, то легкий взрыв только подбросит корабль футов на тридцать в воздух и не причинит никаких повреждений.

Но инопланетяне безусловно погибнут.

Кален пришел в ужас. Как он мог подумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — нашептывал Калену внутренний голос. — Пришельцы — скверные создания. Избавив от них вселенную, ты окажешь ей огромную услугу. И что из того, что при этом ты незначай поможешь и себе? Считаю, что это не убийство, а очищение от скверны».

«Нет!» — решительно отказался Кален и огромным усилием воли заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную находку, которая спасет ему жизнь.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Уже забрезжил рассвет. Внутри «Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

В отсек для экипажа вошел Витор, сгибаясь под тяжестью увесистого ящика.

Капитан решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Маленькое помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя подходящего места для ящика, Витор оглянулся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь быстро ушла в потолок. Витор очутился перед маленькой пустой клетушкой, которая показалась ему идеальной для хранения вещей. Он вошел и опустил тяжелый ящик на пол, среди множества красных скорлупок.

В то же мгновение на него начал опускаться потолок.

Витор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о надвигавшийся потолок, лишился чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с ворвавшимся с другой стороны Барнеттом. Капитан попытался было вытянуть Витора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Обнаружив редкое присутствие духа, Эйджи поставил ящик на бок и на мгновение задержал предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытащить Витора из клетушки, и в то же мгновение ящик треснул и раскололся, как грецкий орех. Сделав свое дело, потолок остановился и бесшумно заскользил наверх.

Витор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан, — жалобно взмолился он, — может быть, нам возвратиться на «Индевер»?

— Витор прав, — Эйджи развел руками. — Это какой-то заколдованный корабль!

— И вы согласны от него отказаться? — с легким презрением осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился.

— Откуда мы знаем, — заговорил он, стараясь избежать взгляда Барнетта, — что он еще выкинет? Это слишком опасно, капитан.

— «Опасно...», — передразнил Барнетт. — Вы понимаете, от чего отказываетесь? Один его корпус может принести целое состояние! А двигатели? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль может пронзить насквозь любую планету и выйти с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, что мы не сумеем оценить это, поскольку трупы не умеют восхищаться, — не унимался Эйджи.

— Все, хватит болтать! — прикрикнул Барнетт. — Корабль мы не оставим! Просто ни к чему не будем прикасаться, пока не достигнем безопасного места. За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, превращающиеся в гидравлические прессы, но, посмотрев на Барнетта, счел за благо не спорить.

— Вы разметили приборную панель? — примирительно спросил Барнетт?

— Осталось совсем немного, — проворчал Эйджи.

— Очень хорошо. Ни к чему другому не прикасайтесь. Пока мы ничего не трсгаем руками, нам ничто не грозит.

Барнетт стряхнул со лба пот, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскользнули два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его талии. Барнетт что было сил рванулся, но кольцо не поддавалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, и исчезло в стене.

Эйджи и Витор застыли на месте с раскрытыми ртами.

— Выключите эту штуку, — хрипло приказал Барнетт.

Эйджи бросился к пульта, но в ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — завопил Барнетт.

Витор, сбросив оцепенение, попытался было схватить злоеющую руку, но та резко повернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем, будто она принадлежала виртуозу хирургу, рука своим лезвием искусно раскроила куртку Барнетта сверху до самого основания и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, державшее Барнетта, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Оно дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло в нерешительности. Внутренний механизм встревоженно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и опять неуверенно остановилось.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тут же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Витор изо всех сил ударил по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть испуганного Барнетта голым по пояс. Когда же под дикий крик капитана щупальце вынырнуло вновь, Витору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце прикоснулось к нежной теплой коже на груди пленника и одобрительно хмыкнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все казалось ясным без слов.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин, не имея камердинера, раздевался таким образом? Нет, это абсурд. А комната-пресс тоже абсурд?..

Старый пилот в глубине души даже радовался, что так случилось. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, как покинуть дьявольский корабль и попытаться вернуться на собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорычал Барнетт.

Витор поспешно поднял разрезанную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стены.

— Через сколько времени мы можем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?!

— Надеюсь, вы не оглохли!

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час, — пробурчал Эйджи и устало поплелся в пилотский отсек.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую кожу. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове Калена мелькали видения далекого детства. Величавые зубчатые скалы Мабога, огромный порт Кантанопе, и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения прочь. Мабогиец не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся на запечатанный металлический ящик в заднем отсеке корабля. Отбив крышку, Кален увидел внутри большие бутылки, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутылку. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену смутно знакомым. Он напряг память и вспомнил — символ означал череп гуманоида. В Мабогийский Союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее макеты черепов.

Он открыл бутылку и принялся. Запах ему понравился. Он напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать затаив дыхание. Если ему только удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем!

Он опорожнил еще одну бутылку, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя питательной жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален почувствовал необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После животворной ванны Кален осмотрел пилотирующие устройства. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не могли превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Хотя и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

«Ничего, — подумал Кален, — как-нибудь он преодолеет эти трудности». Но потом, исследуя двигатель, он заметил, что у ба-

тарей отсутствует одно совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуть назад свой корабль. Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство.

Ни при каких обстоятельствах — даже ради спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы прожили без войн уже три тысячи лет, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета.

Взглянув себе под ноги, Каен с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одна тетнитовая бомба могла решить дело.

И никто на Мабоге не узнает об этом!

— Вы готовы наконец? — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да, — ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Витором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Они пристегнулись, и Эйджи объявил десятисекундную готовность. Он нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Эйджи нажал еще одну кнопку, и заработали батареи. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил про себя, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Эйджи задал автопилоту нужный курс и включил двигатели.

Вдруг он ощутил прикосновение к ноге и, взглянув вниз, поразился тому, что густая, дурно пахнущая жидкость поднялась уже на несколько дюймов и залила весь пол. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки.

Вскоре он заметил четыре отверстия, из которых равномерными толчками выбрасывалась жидкость.

Эйджи нажал на кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться охватившей его панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться.

Но не открылась!

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда Эйджи обнаружил сток, зловонная жидкость уже доходила ему почти до шеи. Он потянул на себя рычаг, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В чем дело? — осведомился Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно, — спокойно произнес Барнетт. — Я не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает ускорение при взлете. Мы не видели на борту ничего, к чему бы он мог

пристегиваться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. — Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок это еще одна дополнительная гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Почему? — поинтересовался Барнетт.

— Я еще не научился дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекать, как только я включу двигатели.

— А вы откройте сток и привяжите к чему-нибудь рычаг регулятора, чтобы сток оставался открытым. Масло будет стекать так же быстро, как набираться.

— Что ж, попробуем, — уныло согласился Эйджи.

Он переделал и, последовав совету капитана, обнаружил, что жидкость не поднимается выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал кнопку взлета.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Он так и не нашел в себе сил подложить бомбу. Законы многовековой давности трудно преступить за несколько часов.

Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вдоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. Если бы еще суметь вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, он машинально успел вдвое уменьшить ускорение. Только это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное почти нулю по шкале, было все равно невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживавшие Барнетта и Витора, лопнули при взлете. Витор еще только приходил в себя, а Барнетт с трудом выкарабкивался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело выдохнул он. — Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением!»

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи. — Посмотрите сами.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело, — сказал он. — Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их планете слишком сильная гравитация, и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее, — простонал очнувшийся Витор.

— Да и давление тоже растёт, — сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Витор проводили старого пилота взволнованными взглядами.

— Я ничего не могу поделаты! — крикнул Эйджи, утирая пот с раскрасневшегося лица. — Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они настраиваются до «нормального» уровня после взлёта.

— Отключите их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт. — Или вы хотите, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор уже стоит на нуле, — ответил Эйджи. — Больше ничего сделать нельзя.

— Какова же нормальная температура для этого дурацкого инопланетянина?

— Даже страшно предположить, — ответил Эйджи. — Корабль построен из необыкновенно термоустойчивого материала. Он способен выдержать давление в десять раз больше, чем земные корабли. Сопоставьте эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт. Металлический пол раскалился уже почти докрасна.

— Отключите его! — заорал Витор.

— Не я сделал этот корабль, — начал оправдываться Эйджи. — Откуда мне знать...

— Отключите! — завизжал Витор, хватая Эйджи за горло. — Отключите!

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щёлканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — удивился Витор.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают, — пояснил Эйджи. — Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да, — подтвердил Эйджи. — Двигаясь по инерции, мы достигнем ближайшей планеты не раньше, чем через три года.

— Придется вернуться на наш корабль.

Поддав вздох облегчения, Эйджи переключил автопилот на новый курс.

— Вы думаете, что этот тип вернет нам корабль? — спросил Витор.

— Конечно, — убежденно ответил Барнетт. — Ему ведь хочется заполучить назад свой, следовательно, придется покинуть наш.

— Да, но если он захочет отомстить...

— Мы выведем из строя автоматику, — сказал Барнетт. — Это его немного задержит.

— Ненадолго, — вмешался Эйджи. — Потом он нас все равно догонит.

— Не думаю, — ухмыльнулся Барнетт. — Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не подумал, — улыбнулся Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся, — бодро заключил Барнетт. — Металл, из которого сделан корабль, наверняка кое-чего стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» в противоположном направлении. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и, когда «Индевер-2» опустился на поверхность планеты, астронавты едва успели выбраться наружу. Их тела покрылись волдырями от ожогов, а подошвы обуви прогорели насквозь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Через мгновение закрылись люки.

— Ну вот, — Барнетт встал на ноги. — Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю батареи, а Витор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль наполнился свежим благоухающим желтоватым воздухом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока крэкер раздавит их.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил чейнджеру снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно ее разрезало, остановившись перед нежной живой кожей.

Кален понял, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно установить местонахождение их планеты и сообщить о случившемся, чтобы за ними прилетели и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. Он ведь мог оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего этого не сделал.

Он только соорудил несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы и обнаружил, что они в идеальном порядке. Он включил батареи и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Витор первым подбежал к люку. Он бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило!

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от батарей к стенам. Дотронься Витор до корпуса корабля, он был бы неминуемо убит мощным электрическим разрядом.

Они замкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил полный хаос. Пол был загроможден беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома разлитая в нескольких местах кислота совершенно разъела обветшавший корпус «Индевера».

В заднем отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством соединена с небольшим стартером. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были еще и другие устройства, о предназначении которых никто не мог догадаться.

— Можем мы все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2». За год мы, вероятно, сможем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу.

«Индевер-2» взмыл вверх.

— Что за мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, — философски рассудил Эйджи.

Перевел с английского А. САНИН

ПРОДАЖУ

Жан-Луи КЮРТИС

Фантастический рассказ

Здание вибрировало от треска сотен пишущих машинок, от телевидеофонных звонков — требовательных призывов, несущихся из мира, лишенного идей, новизны, выдумки, — из мира, до отчаяния скучного и бесплодного, обреченного без конца пережевывать одни и те же давным-давно приевшиеся сюжеты и темы. Оскудевший мир непрерывно трезвонил в ПИЦ — Парижский идеогенный центр, и телефон E-9999 был всегда занят.

Этим предприятием, в одно и то же время филантропическим и коммерческим, руководил знаменитый Филипп Меркадье — гений, рожденный на исходе двадцатого века. Это он вдохнул новую жизнь в Театр Бульваров, в Черную серию,

в Розовую библиотеку. Единственный человек во Франции, да что там — во всем мире, продающий идеи!

Звонки были словно призывы потерпевших крушение: пишущие машинки стрекотали наперебой; агенты — молодые люди обоого пола, отыскивающие новые идеи, вбежали и выбегали, растрепанные, все время спешащие, мелькая как метеориты. Хозяин рассылал их по столице, по всей стране, и они неустанно выслеживали добычу, гонялись за нею, как охотничьи собаки, чтобы по зову босса явиться и выложить найденное.

Весь небоскреб вибрировал, словно живое существо, содрогаясь как в спазме всякий раз, когда с пылу горячая идея падала на стол босса.

Он на самом верхнем этаже, в своем огромном кабинете со звуконепроницаемыми стенами, отделанными плексиглазом, со скрытым освещением, стандартными телевидеофоном и диктофоном, автоматизированной кареткой, электронными графиками и диаграммами. Ноги его закинута на письменный стол из синтетического малахита — функциональная мебель, которую нажатие кнопки превращает то в пневматический диван, содействующий расслаблению мускулов, то в прибор для генетических излучений, повышающих жизнедеятельность организма. Вот он, плотный, крепко сбитый, уверенный в себе, — настоящий хозяин, босс, суперимпресарио. Его простецкий вид умиляет подчиненных: без пиджака, воротничок рубашки расстегнут, галстук развязан, черная прядь падает на глаз, в углу рта торчит сигарета — свой парень, да и только! Вот он, шумный, громогласный, фамильярный, великий специалист по интеллектуальным контактам, всемогущий заправила всей духовной жизни Парижа, божок кинопродюсеров, директоров театров, составителей радиопрограмм, издателей, словом, человек, продающий идеи. Ему пятьдесят лет, у него три собственных вертолета, пять любовниц, десять орденов; он председатель двух административных советов, личность во всех отношениях выдающаяся, пользующаяся широкой известностью.

Что он сейчас делает? Разумеется, одновременно многое: разговаривает по телевидеофону с двумя собеседниками сразу, диктует машинистке, отдает приказания, что-то записывает, что-то сортирует... Какая производительность труда! Какой коэффициент полезного действия! Какие организационные способности! Поразительный человек! Если цивилизация до сих пор существует, то лишь благодаря таким умам.

— Пришлите ко мне агентов седьмого, двенадцатого и тридцать первого! — рычит он, нажав кнопку.

Он нажимает другую кнопку; начинает светиться молочно-белый экран, на котором четко проступает мужская голова.

— Эй, Фернан! — громыкает босс. — У меня есть идея для твоей ультрафиолетовой эротико-спиритической серии!

— Не врешь? — Фернан расплывается в довольной улыбке.

— Дружище! Присылай чек, и я пришлю идею.

Улыбка Фернана тает.

— Сколько?

— Два миллиона. Чуть не даром!

Лицо Фернана как у человека, которого режут.

— Дорого, Филипп. Миллион двести, и ни одного су больше.

— Два миллиона, — непреклонно повторяет Меркадье. — Если ты не согласен, я продам ее Альбину-Мишелю.

Гримаса страха искажает черты Фернана.

— Не делай этого, Филипп! Ты не можешь нанести мне такой удар! Во имя нашей дружбы...

— На... мне на нашу дружбу! — спокойно говорит босс. — Пришли чек на два миллиона, и я тотчас же пришлю идею.

— Ты сдираешь с меня шкуру, Филипп!

— Ты к этому привык, голубчик. Ультрафиолетовой серни обеспечен успех. Будешь грести денежки лопатой.

Фернан вздыхает.

— О'кэй. Ну и скотина же ты!

— Не пообедают ли нам вместе? — спрашивает Меркадье с обезоруживающей ласковостью. — Мы уже давно не виделись... В ближайший понедельник, у Беркли, в восемь вечера, ладно? До свиданья!

Молочно-белый экран гаснет, зажигается другой. На нем помятая физиономия человека с робким взглядом. От голоса босса веет холодом айсберга:

— Перрюке, я продал вашу идею Фернану. Завтра утром получите чек на восемьдесят пять тысяч.

Помятая физиономия от волнения делается еще более помятой.

— О, спасибо, мсье Меркадье! — бормочет прерывающийся голос. — Не знаю, как вас благодарить...

— Хватит! — обрывает его айсберг. — Есть у вас еще идеи?

— Видите ли... Пока... В данный момент... Кое-что есть, но еще не совсем...

— Позвоните, когда будет готово.

Экран гаснет.

— Вот болван! — ворчит Меркадье.

Тут он замечает, что по ту сторону функционального стола вытянулись в позе «смирно» три молодых человека. Они называют себя по-военному кратко:

— Номер седьмой!

— Номер двенадцатый!

— Номер тридцать первый!

Лицо босса багровеет, глаза наливаются бешенством.

— А, вы здесь, молокососы! — рычит он. — Что мне сообщили?! Что я о вас узнал? Хорошенькое дело! Конечно, все писатели дерьмо, но это еще не резон, чтобы хватать одного из них в полночь на пустынной улице, приставлять к его виску дуло ядерного револьвера и требовать: «Идеи или жизни!» Бандитские методы! Ну, что они могут дать? Молодчик, которого вы прищучите таким манером, плетет вам всякий вздор, первое, что придет в голову, лишь бы спасти свою шкуру, а как только вы его отпустите, бежит

жаловаться в полицию... У кого будут неприятности? У меня! Не воображаете ли вы, что Центр занимается кражей идей со взломом мозгов? Вы заслужили, чтобы я вышвырнул вас за дверь!

— Мы хотели как лучше, патрон... — оправдывается номер двенадцать.

— Никак не могли войти с ним в контакт, — добавляет номер семь. — Шли за ним следом и в полночь решили: самое простое, чтобы выковырять из него идею — пригрозить. Конечно, у нас и в мыслях не было укокошить его, мы блефовали.

— Никогда больше так не поступайте, или я выброшу вас одного за другим в окошко! Вы молоды, проявляете рвение, это хорошо. Но надо знать меру. Что этот тип рассказал вам?

— Сюжет задуманного им романа, патрон.

— Вот как? Это неплохо... Ну, рассказывайте! Пойдите, я вызову Жан-Клода.

Меркадье нажимает кнопку. Зажигается экран; с него непринужденно улыбается элегантно одетый мужчина в очках с черепаховой оправой.

— Жан-Клод, — говорит босс, — послушай и скажи, что ты думаешь об этом. Мои ребята вытянули сюжет романа у одного писака. Валяй! — обращается он к номеру семь.

Тот откашливается.

— Так вот... Действие происходит в Северной Италии лет двести тому назад. В небольшом княжестве, где правит австрийский наместник, один молодой человек, поборник свободы и поклонник Наполеона, задумывает уничтожить тирана... Его любит тетка...

— Чья тетка, дурья голова?

— Молодого человека, патрон.

— Ладно, продолжай!

— Так вот, тетка, еще молодая и красивая, любит его, но не смеет признаться в этом. А тиран любит ее.

Босс поворачивается к экрану.

— Как твое мнение, Жан-Клод? Для начала неплохо, по-моему... Любовь и политика...

— Пусть продолжает! — говорит Жан-Клод, скептически усмехаясь.

— Заподозренный в заговоре против существующего режима, молодой человек брошен в тюрьму. Разумеется, тетка поможет ему бежать. Но он влюбляется в дочь тюремщика...

— Ого! Эта история пахивает романтикой! — замечает Меркадье. — Как по-твоему, Жан-Клод? Можно состряпать сногшибательный фильм?..

— Очень жаль, но должен разочаровать тебя, старина! — холодно говорит Жан-Клод. — По-моему, тип, продавший этот сюжет, обвел тебя вокруг пальца. Знаешь ты, что это за сюжет? Романа Стендаля «Пармская обитель». Будь здоров!

Экран гаснет. Тяжелое молчание.

— Вот что значит иметь агентов с незаконченным средним образованием! — взрывается наконец босс. — Им всучи-

вают сюжет не первой свежести, а они и уши развесили! Вообразили: это что-то новенькое, между тем как было три десятка экранизаций! Ничего не знают, ничего не читают, никаких ориентиров! Идите в спортивные обозреватели, недотепы, вам не место в центре! У нас должны работать лишь образованные люди! «Пармская обитель»! Нет, вас надо вышвырнуть в два счета! Прочь с моих глаз! Проваливайте! Катитесь!

Сконфуженные агенты поспешили покинуть разгневанного хозяина. Едва они исчезли, как три девушки в юбках из синтетического сатина, в черных шелковых чулках, покачивая бедрами, вошли в кабинет. Они были одного роста, очень красивы; обтягивающие свитера подчеркивали пышность их форм. Ярко-красные губы, отливающие гляncем волосы, бархатистая кожа, нежный румянец щек — все в них дышало женственностью. Выстроившись перед столом, они перестали вертеть ляжками и представились друг за другом с той же военной краткостью, что и предшествовавшие им молодые люди:

- Номер пятый!
- Номер девятый!
- Номер пятнадцатый!

Вид этих подчиненных ему секс-бомбочек умиротворяюще подействовал на босса.

— Ах, это вы, милашки! — сказал он ласково. — Что принесли мне нынче? Начинай ты, Скарлет!

— Патрон, — сказала Скарлет, нарушив стойку «смирно» и наклонившись над столом в грациозной позе. — В меня втюрился семнадцатилетний студент, мечтающий сделать карьеру в кино. Он рассказал мне суть сценария, над которым работает.

— Годится, — заключил босс. — Ты записала весь сценарий, пупсик? Отдай его нашим киношникам, пусть займутся им. Теперь твоя очередь, Сильвена. Что с тобой? Ты плачешь? Папаша Меркадье не съест тебя, кошечка! Плачет оттого, что ничего не принесла... Боится меня... Это восхитительно!

Босс любил, чтобы подчиненные, особенно женщины, трепетали перед ним. Какая миленькая секс-бомбочка! Как сильно бьется ее сердечко под плотно обтягивающим свитером!

- Я сделала все, что могла! — прохныкала Сильвена.
- О ком идет речь?

— Поставила на карту все, клянусь вам, мсье Меркадье! Надела бюстгальтер из черного кружева, наклеила ресницы, была хоть куда! Даже сказала ему, что люблю его... Ничего не вышло! Дерево деревом. Молчал, словно набрал в рот воды. Еще никогда в жизни я не чувствовала такого унижения!

В голосе Сильвены звучало благородное негодование.

— Думаю, что он просто равнодушен к женщинам! — закончила она.

От изумления босс потерял на несколько секунд дар речи.

— Как? — прошипел он наконец. — Равнодушен к женщинам? Какая наглость! Он что, спятил? И думает, что это ему пройдет? Ну нет! Равнодушен к женщинам! Мы ему покажем. У папаши Меркадье найдется на него управа!

Он нажал кнопку и заорал в микрофон:

— Пришлите ко мне сейчас же агента номер три! Что-о?

— Вам уже пять раз звонил какой-то тип, мсье, — послышалось из трубки. — Говорит, у него сенсационная идея. Изложить ее хочет только вам.

— Пошлите его к черту! — крикнул босс. — Я не могу тратить время на всех проходимцев, торгующих мыслями!

— Он сказал, что если вы не примете его в течение шести часов, то идея будет продана Максу Порелли.

— В добрый час! — прорычал Меркадье. — Пусть не воображает, что меня можно взять на пушку такой угрозой!

— У него серьезный вид, мсье, — настаивал голос в трубке. — Он вовсе не похож на проходимца. Если позвонит еще раз, что ответить?

— Ладно, пришлите его ко мне. Я ему покажу, где раки зимуют!

— Слушаюсь, мсье.

Трубка умолкла. В кабинет вошел молодой человек и выткнулся перед столом. Девушек уже и след простыл. В Парижском идеогенном центре царил военная дисциплина: быстрота, точность, исполнительность. Времени здесь не теряли.

— Кто тебе разрешил войти? — рявкнул босс (с подчиненными мужского пола он был груб).

— Вы сами меня вызвали, мсье. Номер третий.

— Ах да! — смягчился Меркадье. — Как тебя зовут?

— Кларк Дюпон.

— Ты предан нашему центру, сынок?

— Душой и телом, мсье!

— Ладно. Слушай, я поручу тебе деликатную миссию. Сможешь ты подложить свинью?

— Ради центра, мсье, я готов подложить свинью собственной бабушке!

— Отличный ответ! — пробормотал босс, развежившись. — Подложить свинью собственной бабушке!.. Ты из хорошего теста, сынок! Получишь повышение. Вот что надо сделать...

Раздался звонок.

— Ну что еще?

— Опять этот тип, мсье.

— Ладно, давайте его сюда!

Восс заскрежетал зубами.

— Ну, я ему пропишу! — злобно прорычал он. — Кларк, сынок, сейчас ты увидишь, как папаша Меркадье справляется с наглецами!

На молочно-белом экране появилось спокойное молодое лицо.

— Итак, это вы пятьдесят раз в день вызываете директора центра? Вы кто?! Президент США? И хотите говорить со мною? СО МНОЮ?! И угрожаете продать свою

идею Максу Порелли? Но, болван вы этакий, начал я на ваши идеи! Тащите их к Максу Порелли. Скажите, пожалуйста: он думает, что Филиппа Меркадье можно вызвать по телевидефону как первого встречного! Знайте, что, если вы осмелитесь побеспокоить меня еще раз, я выключу ваш телевидефон на три недели!

Запыхавшись, он остановился. Молодой человек на экране и бровью не повел. Затем донесся тягучий голос:

— Прими-ка успокоительную пилюлю, старый хрыч! Это тебе не помешает!

И экран погас.

Еще никогда Филипп Меркадье не был так близок к апоплексическому удару: его лицо приняло фиолетовый оттенок, ему не хватало воздуха, он выпучил глаза. Справившись с волнением, он хрипло потребовал от телевидефонной станции немедленно соединить его с лицом, только что говорившим с ним.

— Этот парень знает себе цену! — обратился он к агенту номер три. — Слышал ты, как дерзко он отбрил меня? Еще никто не позволял себе называть меня старым хрычом, советовать мне принять успокоительную пилюлю... Значит, у этого молодчика кое-что есть в котелке. И чтобы я позволил ему продать свою идею Максу Порелли? Ни за что на свете!

Молочно-белый экран засветился. Бесстрастное лицо снова смотрело с него.

— Молодой человек! — В голосе босса появился бархатный оттенок. — Вы мне понравились. Папаша Меркадье умеет распознавать истинную цену людей. Так разговаривать со мной может лишь тот, у кого в башке не пусто... Иначе откуда такая самоуверенность. Ну а с подобными людьми я всегда готов беседовать... Сколько?

— За что?

— За вашу идею.

— Миллион авансом, и миллион после того, как я ее изложу.

Босс подавил рычание. Но когда он заговорил, его голос был мягок, как воск, как нейлон высшего качества.

— Ого, вы знаете, чего хотите... Итак, милейший, вы продаете kota в мешке? Вам угодно, чтобы я отвалил миллион чистоганом за ваши прекрасные глаза еще до того, как вы раскроете рот?

— Послушайте, Меркадье, нечего торговаться. Вы покупаете идеи, чтобы перепродавать их, да? Ну, так всякая торговля сопряжена с риском. Всякая торговля — лотерея. Если моя идея не подойдет, вы потеряете миллион. Если она хороша, заработаете миллионов тридцать. Шансы равны. Вам ходить.

— Нет, вы мне нравитесь! Ладно, играть так играть. Ловите вертакс и будьте у меня в шесть часов.

Экран погас. Босс встал и начал ходить по кабинету, волнуясь, как хищник в предвкушении крупной добычи. «Игра! Риск! Я могу потерять миллион, но могу и выиграть тридцать миллионов. Чутье говорит мне, что выпадает хо-

роший номер, на который надо ставить. Интуиция еще ни разу меня не подвела!» — думал он.

Он расхаживал взад и вперед, руки в карманах, совершенно забыв о поручении, которое собирался возложить на агента номер три. Он помнил только, что это славный малый, преданный центру душой и телом. «Я готов подложить свинью своей бабушке» — вот это ответ! Босс чувствовал к парню чисто отеческую нежность.

— Сынок, все люди смертны, и в один прекрасный день папаша Меркадье сыграет в ящик, как все другие. Но слушай, что я тебе скажу: папаша Меркадье оставит след в истории современного мира! Сколько тебе лет, сынок? Двадцать два? Двадцать три? Позже, когда ты станешь здесь важной шишкой — ведь у тебя прекрасные виды на будущее, — то сможешь сказать своим коллегам, жене, детям: «Я видел, как патрон работал». Ведь я и после смерти останусь для вас хозяином... Такие минуты не забываются. Посмотришь, как я буду играть. Я делаю ставку. Я верю, я чувствую, что у этого молодчика есть кое-что за душой. Это не аксиома, как дважды два — четыре, но вот здесь, — он ткнул себя в солнечное сплетение, — мне что-то подсказывает: это так. Ты слышал, каким тоном он со мной разговаривал? Лишь незаурядная личность может позволить себе такое. «Прими-ка успокоительную пилюлю, старый хрыч!» Сказать это мне, Филиппу Меркадье! Подобное нахальство может проявить только гений. И я ставлю на гения. Я нахожу гениев. Это моя работа. И знаешь, гении встречаются редко. Идей нет ни у кого. Все выжато, как лимон. Все использовано, все сказано и пересказано. Живопись, скульптура, музыка в тупике. Литература? Во Франции издается полмиллиона романов в год, но их никто не хочет читать, потому что все это перепевы старого. Одни и те же штампы, трафареты: одиночество, метафизика, стремление уйти в абсурд. Кафка, Беккет, Роб-Грийе. Все известно, все приелось. Уже подражают подражаниям подражаний. Классики более давней поры — все эти Прусты, Стендали, Бальзаки тоже набили оскомину. Мир гибнет от недостатка идей, от отсутствия новизны. Парижский идеогенный центр — это баллон с кислородом. Я даю агонизирующему миру живительный газ, взбадриваю умы. Я детектор новых идей, я поставщик духовной пищи. Мои враги твердят, что я духовный гангстер, суцая акула, что меня интересуют только деньги, что я спекулирую идеями... Какое заблуждение!

Пожалуй, ничто не могло лучше выразить оскорбленную невинность, чем лицо босса в этот момент.

— Деньги? Да мне плевать на них! Конечно, я человек деловой. Это мой принцип. Если не будешь деловым, тебя сожрут в два счета. Я такой из принципа, а не из любви к деньгам. Да, я богат... Ну так что? Зачем мне гарем из секс-бомб, если мне пятьдесят лет и я могу позволить себе позабавиться с ними не больше, чем раз в месяц? Увы, прибор для радиации, повышающей жизнедеятельность, никого не превращает в Геркулеса... У меня три вертолета? Но,

дружок, я счастлив, когда могу ходить пешком! Нынче это роскошь. Нет, деньги не приносят счастья. Это истина старая как мир, но она оспаривается истиной. Так что же делать человеку, знающему, что смерть не за горами? Играть! Не в бридж, не в покер, не на тотализаторе, не в рулетку! Нет, я ставлю. чтобы покорять мир, внушать уважение, создавать... Вот что я называю игрой!

Он остановился перед зеркалом:

— Как ты меня находишь, сынок? Только искренне!

— Вы в форме, патрон.

— Пятьдесят лет — паршивый возраст. В эти годы задают себе вопрос: а зачем, собственно говоря, ты живешь? Думаешь ли ты когда-нибудь о смерти?

— Нет, патрон.

— И правильно делаешь. А я чересчур часто думаю о ней... Боюсь ее. Часто просыпаюсь ночью...

Босс внимательно изучал свое лицо в зеркале. Внезапно он фыркнул.

— Очень мне нужен агент, слушающий признания патрона! Брысь отсюда! И сделай одолжение — забудь все, что я тебе наговорил. Никому ни слова, слышишь?

— Никому ни слова, патрон. Позволю напомнить, что вы хотели поручить мне одно дельце.

— Ах да! Совсем забыл. Оно заключается вот в чем...

Резкий звонок видеотелефона оборвал Меркадье.

— Мсье Меркадье! Тот, кого вы вызвали к шести часам, явился.

— Пошлите его сюда. Я тебя вызову в другой раз, сынок.

Агент номер три поклонился и вышел. Оставшись в кабинете один, Филипп Меркадье еще раз взглянул на себя в зеркало и вздохнул.

«Ах, какая тоска! Вспомнить только, каким я был когда-то! А теперь? Этот жирок, отвислые щеки, мешки под глазами, седина... Никто меня не любит. Жена думает только о приемах, нарядах; сыновья — о танцах и покупке вертолетов новейших марок... Я нужен им всем лишь для того, чтобы снабжать деньгами. Они ко мне равнодушны, а я их не перевариваю. Для фотографов, для газет мы изображаем счастливую семью, на самом деле мы глубоко безразличны друг другу. В один прекрасный день я сдохну в полном одиночестве...»

Босс был так поглощен самосозерцанием, что даже не сразу заметил, как за его спиной выросла фигура молодого человека в темном костюме, со спокойным и холодным взглядом. Меркадье протянул ему волосатую руку.

— Ого! — воскликнул он. — Чуть больше двадцати лет, и уже позволяет себе оскорблять папашу Меркадье... Значит, в черепушке что-то есть! А ну-ка повторите, что вы сказали мне по видеотелефону!

— Прими-ка успокоительную пилюлю, старый хрыч! Она тебе не повредит! — произнес молодой человек без тени смущения.

Меркадье покотился со смеху. Он хохотал долго, со взвизгами. Затем уселся в свое кресло.

— Вот так-то и кладут начало своей карьере, милейший! — сказал он, обретя наконец спокойствие. И вдруг набылчился: — А теперь за дело! Садись и выкладывай свою идею!

— Сначала возьми чековую книжку, — сказал молодой человек, — и выпиши чек!

Филиппом овладел новый приступ веселья.

— Силен, ничего не скажешь! — пробормотал он. — Силен! Обращается ко мне на «ты», хочет сразу заполучить денежки... Какая смелость! Это нагоминает мне мою молодость...

Он выдвинул ящик стола, вынул оттуда чековую книжку, встал стило.

— Минуточку! — остановил его молодой человек. — Я хотел бы чек на предъявителя, а не именной.

— Вот как? Почему же?

— Предпочитаю сохранить инкогнито.

— Ну и оригинал же ты! Ладно. С моей стороны, возможно, это не очень разумно. Тем хуже... Я играю! Игра, риск — только это ценно в жизни. Смотри: я выписываю тебе чек на предъявителя.

Посетитель спрятал чек в карман. Новая пауза. Глаза босса блестели от возбуждения.

— Итак, — мягко сказал он. — Твоя идея?

Молодой человек слегка вздохнул и устроился в кресле удобнее.

— Вот, — начал он. — Представьте себе типа, который плохо приспособлен к современной цивилизации.

— Начало неважное. Первое правило романиста или сценариста: главный герой должен быть симпатичным. Публика должна видеть в нем свое отражение.

— Публика увидит в нем то, чего он сам не решаетя увидеть. Это еще лучше.

— Ладно, продолжай!

— Этот человек решает порвать все нити, связывающие его с цивилизацией, и уехать в страну дикарей.

— Отлично, голубчик. Но почему он проникся отвращением к цивилизации?

— Потому что она оглупляет.

— Ого! Не слишком ли возгордился твой герой?

— Да, он довольно высокого мнения о себе. Допустим, что он чуточку поэт, чуточку мистик, чуточку безумец.

— Дальше. Пока мне не очень ясно.

— Он ненавидит все вульгарное. Он простил бы цивилизации жестокость, притворство, кривляния, но не прощает ее ослепление, глупость, противоречия. Не прощает того, что она сделала комфорт синонимом счастья, приспособленчество считает добродетелью, известность принимает за величие. Не прощает ей, что она измывается над людьми, задушила в них чувство протеста...

— Да он просто анархист!

— Итак, этот человек решил жить среди первобытного племени, не знающего, что такое неон и кока-кола.

— А разве есть такие?

— Есть, я выяснил.

— И что же он надеется найти у дикарей?

— Беспорядок, естественность, короче — жизнь.

— По правде говоря, мой милый, все это кажется мне экстравагантным и выглядит довольно банально. Это неправдоподобно. Но я подписал чек... Валяй дальше! Может быть, в конце концов я разберусь, что к чему.

— Надеюсь. Итак, он решает уехать. Будучи очень хитрым, он старается замести за собой все следы, чтобы его нельзя было найти. Для этого ему надо совершить что-нибудь такое, что порвет все его связи с обществом, с цивилизацией.

— Преступление?

— Вот именно.

— Это производит впечатление уже виденного.

Молодой человек, не спуская глаз с собеседника, незаметно опустил руку в карман пиджака.

— Мой герой отправляется к лицу, широко известному в современном мире. Ну, например, к Максу Порелли...

— К Максу Порелли? — воскликнул Меркадье, побагровев. — Что я слышу? Ты считаешь, что Макс Порелли пользуется большой известностью в Париже?

— Ну возьмем хоть вас, если это доставит вам удовольствие.

— Конечно, это будет ближе к истине. — Босс благодушно улыбнулся. — Зачем же твой тип ищет такого человека?

— Как символ цивилизации, которую он презирает.

— Понимаю.

— Сначала он выскажет, что у него на душе. Он позволит себе нагругить этому воротиле. Он скажет...

— «Прими-ка успокоительную пилюлю, старый хрыч!» Ха-ха! — затрясся Меркадье от смеха.

— Допустим. Он заклемит его глупость, его никчемность, его раздутую славу. И наконец...

— И наконец?

Молодой человек слегка улыбнулся — впервые после того, как вошел в кабинет.

— Остальное очень просто! — проговорил он.

Выстрел прозвучал не громче, чем если бы хлопнула пробка откупоренной бутылки. Одним из рекламируемых достоинств ядерного револьвера была бесшумность.

Меркадье не успел даже крикнуть и медленно осел в своем кресле. Бессильно повисла правая рука. Затем раздалось шипение, его тело и одежда начали аннигилироваться. Через три секунды от Филиппа Меркадье остались только перстень с печаткой, кусок подошвы ботинка, золотой зуб и ноготь большого пальца.

Перевел с французского В. ДМИТРИЕВ

Карл ГРУННЕРТ

ГОЛОВА МИСТЕРА СТАЙЛА

Фантастический рассказ

Мисс Анни, кузина моей жены, проживающая в Чикаго, штат Иллинойс, в доме № 2 на Норс-Сентр авеню, прислала мне номер немецко-американской газеты «Чикагская трибуна», где красным карандашом была отмечена следующая статья:

«Из одного городка нам передали очень странную историю, которая даже для наших привычных ко всему читателей звучит слишком «по-американски». Для того чтобы понять случившееся, сообщаем следующие факты.

В последнее время просвещенная публика обратила внимание на смелые и остроумные фельетоны, появлявшиеся изо дня в день в одной из самых больших наших газет. Они отличались не только энергичным и вдохновенным стилем, но и поражающим сходством по манере письма и мировоззрению со статьями мистера Стайла. А Стайл — как наши читатели, несомненно, помнят — погиб во время железнодорожной катастрофы около Буффало несколько лет тому назад. Его изувеченное туловище нашли под обломками поезда. Головы не было найдено, и личность была установлена на основании оказавшихся в кармане пиджака бумаг, среди которых была подготовленная для печати статья о борьбе с расовым угнетением.

Вместе со всей Америкой, вместе со всем цивилизованным миром мы оплакивали тогда утрату, которую смерть Стайла нанесла публицистике, науке, человечеству. В нашем некрологе мы писали тогда, что трагическая

судьба, при всей ее жестокости, в данном случае была все же к нему снисходительной хотя бы потому, что мгновенная смерть избавила знаменитого журналиста от длительных физических страданий. Ведь близким Стайла слишком хорошо было известно, как тяжело он был болен в течение уже многих лет. Лишь человек со столь силь-

ным характером, каким он, несомненно, обладал, мог так долго бороться с болезнью, и никто не подозревал, что его блестяще написанные статьи, по литературным достоинствам не уступающие произведениям классиков, создавались в страшных физических мучениях. Тогда-то мы и осмелились (см. нашу газету, 26-й год издания, № 245)

Карл Груннерт (1865—1918), в свое время популярный немецкий писатель-фантаст, выпустил в начале века три сборника «Новелл о будущем». По его собственному признанию, он выступал в научной фантастике как прямой последователь «трех гигантов»: Жюль Верна, Уэллса и Курда Ласовитца. Особенно заразительным был для него творческий пример соотечественника, которому Груннерт посвятил очередной сборник новелл «По ту сторону Земли» (1904). Во всяком случае, вслед за Ласовитцем он справедливо считается вторым по значению немецким фантастом начала нашего века, одним из родоначальников этого литературного жанра в Германии. Как Ласовитц, Карл Груннерт был человеком прогрессивных убеждений, ненавистником шовинизма и расовой нетерпимости, о чем свидетельствует его новелла «Голова мистера Стайла».

Новеллы Груннерта печатались в русских журналах предреволюционного периода. Одна из них — «Машина времени» — известна даже в трех переводах. Несомненно, творчество Груннерта было хорошо знакомо Александру Беляеву. Сюжет когда-то прочитанного рассказа «Голова профессора Стайла» вполне мог натолкнуть советского фантаста на разработку замысла «Головы профессора Доуэля». В этом тематическом совпадении мы усматриваем не простое заимствование, а творческую интерпретацию на более высоком уровне, идейном, научном и художественном.

Сейчас новеллы Груннерта выглядят во многом устаревшими. Да это и естественно. Ничто не устаревает так быстро, как идеи фантастов. Оглядываясь в прошлое, мы можем легче понять, чем была научная фантастика на заре своего развития и какой огромный путь прошла она за несколько десятилетий. В этом плане новеллы Карла Груннерта представляют безусловный интерес.

Евг. БРАНДИС

сравнить его с великим немецким поэтом Фридрихом Шиллером, которого мы, американцы немецкого происхождения, чтим, пожалуй, даже больше, чем его почитают на родине. Мы писали тогда, как много потерял мир со смертью великого поэта, как много можно было от него еще ожидать и что количество оставшихся ненаписанными произведений, несомненно, гораздо больше того, что он успел создать. Мы жаловались на несправедливость природы, которая заковала такого титана мысли в оковы болезненного тела. «Пегас в ярме!» Мы писали, что подобные случаи побуждают людей на борьбу с силами природы, чтобы в интересах человечества освободить одаренных людей от случайно доставшихся им физических недостатков.

И теперь из маленького городка на реке Огайо, как мы упомянули ранее, пришло невероятное сообщение о том, что Вивасиус Стайл жив и что знаменитые статьи в «Сан» и в других газетах, своеобразно освещающие последние актуальные проблемы, отнюдь не по случайному совпадению обстоятельств разительно походят на великоленные статьи Стайла. При этом для нас остается загадочным, как он оказался живым после железнодорожной катастрофы, поскольку тело его без головы было опознано друзьями. Поклонники его таланта не верят, что Вивасиус Стайл — автор последних публикаций, и рассматривают всю эту историю как хитрый маневр газетчиков, тем более что до сих пор никто больше Стайла не видел и не разговаривал с воскрес-

шим журналистом. Как бы там ни было, но, по нашему мнению, серия недавно опубликованных статей убеждает в том, что Стайл жив. Так может писать только он один — только Вивасиус Стайл! По когтям узнают льва! Мы не пытаемся исследовать, как другие газеты, различные возможности правдоподобного объяснения этих таинственных обстоятельств: использование еще не опубликованных рукописей Стайла, подражание его стилю молодых одаренных журналистов и т. п. Мы решительно утверждаем подлинность статей в «Сан». И хотя в настоящее время мы одни придерживаемся этих убеждений, будущее докажет нашу правоту. Так мы писали вче-

Рисунки
Н. ГРИШИНА

ра. Но теперь вся эта история получила неожиданное и не менее необыкновенное объяснение.

Вивасиус Стайл действительно живет, во всяком случае жил еще несколько дней тому назад; однако при слове «живет» нужно сделать оговорку, поскольку со времени железнодорожной катастрофы живет не все его тело, но только голова!

Доктор Мэджишен, чье имя, возможно, известно многим читателям как имя гениального естествоиспытателя и исследователя в области биологии и химии, для успокоения общественного мнения и для собственного оправдания вот что сообщил в протоколе, составленном в городе Н.:

«Я, доктор Магнус Мэджишен, во время железнодорожной катастрофы случайно оказался около места происшествия. Немногим оставшимся в живых пассажирам я оказал, насколько это было возможно, первую помощь. Когда я наконец добрался до обломков вагона, бывшего когда-то вагоном-рестораном, в котором, по словам потерпевших, в момент крушения никого не было, рядом с взорвавшимся баллоном углекислоты я нашел голову, аккуратно отделенную от туловища, должно быть, отброшенную во время взрыва каким-то металлическим предметом. Она лежала на груди снега, который образовался из замерзшей после взрыва жидкой углекислоты. Меня удивило это необыкновенное лицо, оно было отмечено высоким интеллектом и поражало своим естественно-свежим цветом. А я за свою жизнь провел достаточно вскрытий,

чтобы иметь возможность судить об этом. Лицо погибшего так меня захватило, что я наклонился к нему. При этом я обнаружил, что замерзшая углекислота способствовала быстрому свертыванию крови; отверстия больших артерий герметически закупорились пробками из углекислого льда, покрывшего также крепким слоем всю поверхность раны.

Я решился взять находку с собой для научного эксперимента, поэтому тщательно прикрыл голову слоем льда и снес ее в мой автомобиль, стоявший неподалеку. По дороге я все время думал о выпавшей на мою долю удаче — получить такой объект исследования. В то время я как раз работал над заменителем крови, который можно было вводить в кровеносную систему при острой и хронической сердечной недостаточности, кровотечениях, отравлениях газом и т. д. Созданный мною химический препарат «сангвинум» действует так же, как кровь человека, выполняя функции натуральной крови. В лаборатории я осторожно и постепенно оттаял голову, обезболит поверхность раны и подключил ее к аппарату для переливания крови. Затем я открыл кран работающего подобно пульсу аппарата, чтобы ввести созданную мною искусственную кровь в артерии объекта исследования.

Хотя это и не относится к официальному протоколу, не могу не сказать о чувствах, которые меня охватили, когда я увидел, как безжизненная голова постепенно возвращается к жизни: порозовели щеки, затрепетали закрытые ресницы, изменилось

выражение медленно оживавших черт лица и, наконец, раскрылись глаза, которые спаслись от смерти и теперь вновь ожили! Слишком беден наш язык и не хватает слов, чтобы выразить мои чувства в этот момент. Главное — он ожил и смотрел на меня. Я видел, как его губы шевелились, хотя говорить он не мог: у него не было органа, который снабжал бы гортань необходимым для этого воздухом. Я наклонился к его уху и подробно рассказал ему о катастрофе, о том, каким образом он очутился здесь, о его пробуждении от смерти.

Он долго смотрел на меня недоверчиво; наконец улыбнулся умиротворенной улыбкой. В душе я упрекал себя за свой опыт, но эта улыбка освободила меня от этого чувства. Он хотел говорить, и мне показалось, что его губы прошептали два слова: «Благодарю вас».

Следующей моей задачей

было конструирование аппарата для восстановления его речи, то есть нечто вроде автоматической воздуходувки, которая вдувала бы воздух в гортань. Я лихорадочно работал над этим день и ночь — наконец справился с этой задачей и включил аппарат.

Опыт удался даже лучше, чем я надеялся. Правда, его голос был едва слышен из-за отсутствия резонанса в груди, регулирование дыхания также причиняло ему вначале трудности. Но он мог говорить, и я его понимал. И только теперь я узнал, какую «светлую голову» приютил: я спас мистера Вива-сиуса Стайла и, как он сам шутливо заметил, ту единственную его часть, которая в его теле на что-то годилась.

Поэтому мое отношение к опыту мгновенно изменилось: я давно был ярким поклонником до сих пор лично мне неизвестного борца за угнетенное человечество, за

свободу мысли, за создание духовных ценностей, за подлинный идеал рода человеческого. С сожалением я узнал от коллег, что дни этого необыкновенного, высокоодаренного человека были сочтены, что у него от рождения было болезненное, немощное тело. С этого часа я считал важнейшей задачей своей жизни сохранить для человечества этот необычайно одаренный интеллект и заботился о нем всеми средствами, которые были мне предоставлены наукой и собственным врачебным опытом. В чудесной цепочке событий, приведших к его спасению, я видел теперь не только случайность!

Для того чтобы дать Стайлу возможность заниматься журналистикой, к которой он так стремился, я установил фонограф; затем заменил фонограф телеграфофоном Поульсена, дававшим возможность записывать более обширные тексты. Я с удовольствием перепечатывал на машинке продиктованные им статьи. Так мы совместно работали все это время. Но вскоре он захотел освободить меня от работы переписчика и настоял, чтобы я купил на его счет недавно изобретенную пишущую машинку, которая могла печатать под диктовку. С этого времени он сам подготавливал свои рукописи для печати.

Он просил меня никому не выдавать нашу общую тайну его «бестелесного» существования — даже близкому другу и издателю газеты «Сан». Однако я все же по секрету рассказал ему об этом, и я надеюсь, что он это подтвердит, учитывая обстоятельства дела. Лишь однажды моему

бедному другу пришлось с трудом сохранить свою тайну — в тот день, когда он узнал, что мисс Эвелин Г..., его пылкая почитательница и друг, тяжело заболела, получив известие о его неожиданной трагической кончине. Он тут же сочинил сонет «Мертвый — живым», который обошел страницы всех наших крупнейших газет. Заключительные слова этого сонета звучат так:

Хоть я не в царстве
тьмы, но я от всех
далек.

Хоть я не человек,
но смертен и поныне.
Утратил тело я, но
продолжаю жить...

Эти стихи можно понять лишь теперь, прочитав мой отчет. За исключением этого случая он работал, как будто бы ничего не случилось. Его журналистский талант, его разящая диалектика, его богатые познания и опыт и в конце концов его любовь к людям чувствовались, как и прежде, в каждой его строчке. Для того чтобы нам обоим не замечать его внеш-

ности — живой головы, лежащей на работающей машине, — я соорудил ему одежду, похожую на удобный домашний костюм, закрытый до самой шеи и скрывающий все остальное.

Как раз в это время в стране началась борьба во круг так называемого «билля о цветных», внесенного мистером Ретрорси. Согласно этому биллю цветные независимо от расы лишаются в Соединенных Штатах прав, которыми они пользовались ранее. И как раз статьи Вивасиуса Стайла в «Сан», полные пламенного протеста против этого билля, вызвали мощное движение среди наших сограждан, которое продолжается и поныне. В итоге это движение вылилось в журналистский поединок в печати между Стайлом и Ретрорси. Здесь не место говорить о методах, к которым прибегал Ретрорси; он выдвинул целый арсенал личных и политических обвинений против Стайла. Однако, несмотря на все эти обвинения, перед форумом общественного мнения победу одержали идеи Вивасиуса Стайла. Это было одной из его последних радостей.

Как врач, я с некоторого времени был им недоволен; его постоянная жизнерадостность и искрящийся юмор постепенно угасали. Объяснялось это душевными страданиями, и я был уверен, что его меланхолия была связана с болезнью мисс Эвелин Г... Поэтому я решил посвятить в нашу тайну еще одного достойного доверия человека, необходимо было, чтобы кто-то еще о нем заботился, то есть исполнял не очень-то приятные обязанности по

обслуживанию аппаратов во время моего отсутствия. По этой причине мне нужно было посетить, конечно, ничего не сообщая об этом Стайлу, упомянутую ранее его приятельницу, о которой я узнал от надежных друзей, что ее болезнь связана лишь с душевными переживаниями. Для этого я должен был покинуть Стайла на полдня и надеялся, что на это время меня заменит мой старый слуга Фин. В день моего отъезда я еще раз тщательно проверил действие аппаратов, после чего распрощался со Стайлом, пообещав вернуться через несколько часов.

Было известно, что Ретрорси все время оспаривал подлинность статей в «Сан», о которых мы упоминали. Хотя ему и не удалось выманить Стайла и меня из нашего тайного укрытия, но он не брезговал никакими средствами, чтобы узнать нашу тайну. Вероятнее всего, всемогущий доллар и здесь сыграл свою роль. Один из детективов выследил меня и открыл ему мою роль как передатчика статей Стайла. Уже позже я установил, что Ретрорси неделями пребывал в нашем городке и в конце концов крупной суммой подкупил моего слугу, и тот немедленно

но сообщил ему о моем отъезде. Ретрорси проник в мой дом, взломал дверь лаборатории.

Никто не мог мне рассказать о том, что произошло дальше; обо всем поведал фонограф, установленный мною при отъезде. Согласно записям фонографа Ретрорси при виде закутанной фигуры своего противника, которая выглядела вполне естественно и была похожа на человека, воскликнул:

— Черт побери, а ведь он действительно жив!

На эти слова Стайл спокойно ответил:

— Да, мистер Ретрорси, и я надеюсь, вам это доказать скорее своим пером, чем своим видом!

— Мистер Стайл, не могли бы вы рассказать мне в интересах ваших многочисленных друзей и противников, как вы, собственно, спасли свою драгоценную жизнь во время той железнодорожной катастрофы? Ведь тогда многие, в том числе и преданные ваши поклонники, опознали ваше тело. Объяснение этого противоречия даже со слов вашего политического противника может иметь значение, черт побери! Также и для тех проклятых черномазых, которым вы теперь покровительствуете...

В это мгновение, по показаниям фонографа, начал работать автоматический регулятор переливания крови; шум его, естественно, привлек внимание Ретрорси, а затем вызвал его подозрение. Он прерывал свою речь, чтобы продолжить ее издевательски-ми словами:

— Что такое? Откуда это? Уж не часы ли у вас в теле, мистер Стайл? Уж не мисти-

фикация ли ваше настоящее существование? Вот это да, черт побери! Давайте-ка посмотрим!

Как видно, после этих слов Ретрорси подошел ближе и оцупал одежду Стайла. Бедняга был совершенно беспомощен и безоружен перед своим противником.

— Так вот в чем ваша тайна, мистер Стайл! Вы уже больше не человек, а лишь замаскированный механизм! И вы еще осмеливаетесь вмешиваться в борьбу мнений! Вы осмеливаетесь упрекать меня в махинациях, а сами-то вы лишь машина, которую с трудом собрал этот медик, использовав свое проклятое искусство! Теперь-то вы уже больше не будете нападать на меня своими сумасбродными статьями! Черт побери! Надо рассмотреть вас поближе — надеюсь, мне удастся вас теперь обезвредить вместе со всем вашим механизмом! Вот тебе на! В вашу голову воткнута стеклянная трубка, сейчас мы ее поломаем.

Фонограф зарегистрировал страшный шум, треск разбиваемой стеклянной трубки и шипящее течение жидкости — искусственной крови — сангвины.

Вивасиус Стайл знал, что конец его близок, он воскликнул:

— Вы действовали как трусливый негодяй, чего от вас и следовало ожидать! Я чувствую, что истекаю кровью. О, мистер Мэджишен, дорогой мой друг, честнейший человек, с какой бездной зла мы боролись! Презренный Ретрорси, наслаждайся своей победой! Меня ты уничтожил, но мои идеи уничтожить нельзя, и они тебе за меня отомстят!

...Я вернулся домой в хорошем настроении: мисс Эвелина Г. поправилась настолько, что уже завтра должна была приехать, чтобы разделить со мной заботы о любимом человеке. Удивленный тем, что Фин не встретил меня у входной двери, я остановился в прихожей и позвал. Ответа не последовало, но в этот момент я услышал глухой шум и вслед за ним сильный треск, похожий на звук мощного электрического разряда.

Предчувствуя недоброе, я взлетел по лестнице в лабораторию и сразу кинулся к Стайлу. Его поникшая голова, бледная, как мраморная статуя, лежала, склонившись немного набок, на подушке, которую я положил, чтобы он мог опираться на нее во время дремоты. Мое сердце облилось кровью — я увидел, что приехал слишком поздно!

Аппарат был разбит, и я сразу понял причину катастрофы. А вскоре обнаружил и виновника! Он лежал в углу под трансформатором, скрюченный судорогой от тока высокого напряжения.

По фотографиям, которые у меня имелись, я узнал Ретрорси, заклятого врага моего погибшего друга. Но лишь после того, как я окончательно убедился, что все мое врачебное искусство и познания теперь уже ничем не могут помочь Вивасиусу Стайлу, лишь тогда — и я не стыжусь в этом признаться — я подошел к Ретрорси. Я отключил ток и начал приме-

нять искусственное дыхание. Когда мои попытки оказались безуспешными, я начал вводить в него сангвинум — именно ту искусственную кровь, которой он так подло лишил моего друга.

Наконец он очнулся и начал дышать. Он узнал меня и хотел было заговорить, но его язык был искажен судорогой. Он хотел написать, но его руки оказались парализованными и были холодны и неподвижны, как камень.

Но и без его признаний я мог полностью представить себе, что произошло. Вероятно, вскоре после совершения своего подлого дела он услышал мои шаги и обратился в бегство. При этом он споткнулся и хотел за что-то удержаться. Но металлическая штанга, за которую он ухватился, была проводом высокого напряжения в 50 000 вольт.

Фонограф досказал мне обо всем остальном. Несчастный достиг своей цели, Вивасиус Стайл больше не существовал! Но справедливое дело само отомстило за своего верного приверженца быстрее, чем он сам мог бы об этом подумать: у мистера Ретрорси навсегда оказались парализованными руки и язык*.

Я дочитал статью в «Чикагской трибуне» до этого места. Качая головой, сложил газету — номер был от первого апреля...

Как это понимать, мисс Анни?

Перевел с немецкого
Б. КАНДЕЛЬ

На I—IV стр. обложки рисунок Н. ГРИШИНА.

На II стр. обложки рисунок Ю. МАКАРОВА к повести Владимира ВОЗОВИКОВА «Река не может молчать».

На III стр. обложки рисунок В. КОЛТУНОВА к рассказу Роберта ШЕКЛИ «Руками не трогать!»

**Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАН-
ЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ**

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

**Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

**Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Суцесвская, 21.
Тел. 251-15-00, доб. 4-10.**

Сдано в набор 14/XI 1977 г. Подп. к печ. 3/II 1978 г. А05827.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8.4). Уч.-изд. л. 12.1.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 2146.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30,
Суцесвская, 21.

Владимир ВОЗОВИКОВ — Река не может молчать
Сергей НАУМОВ — На расстоянии крика
Игорь ЦЫБУЛЬСКИЙ — Преодоление
Мюррей ЛЕЙНСТЕР — ЭВМ «Джонни»
Роберт ШЕКЛИ — Руками не трогать!
Жан-Луи КЮРТИС — Идеи на продажу
Карл ГРУННЕРТ — Голова мистера Стайла

Цена 40 коп.

